

Б.Д.БРУЦКУС

**СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ
ХОЗЯЙСТВО**

*ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МЫСЛИ
ПО ПОВОДУ РУССКОГО ОПЫТА*

Б. Д. БРУЦКУС • СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Париж
1988

Б.Д.Бруцкус

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО
Теоретические мысли
по поводу русского опыта

Послесловие
Доры Штурман
Комментарии
Виктора Сорокина

Издательство «Поиски»
Париж 1988

Составители Д. Штурман и В. Сорокин выражают свою глубокую признательность трагически погибшему в декабре 1987 года инженеру-градостроителю Э. Бруцкису (Иерусалим) — сыну Б. Бруцкуса — за предоставленные нам уникальные материалы, которые помогли при составлении этой книги.

Copyright © Доры Штурман

Copyright © Виктора Сорокина

ПРЕДИСЛОВИЕ

В седьмом томе первого издания Большой Советской Энциклопедии (1927 год) на стр. 680 есть такая справка:

БРУЦКУС, Бер Давидович (род. 1878)*, экономист и агроном. В 1898 окончил Ново-Александровский ин-т сел. х-ва и лесоводства. С 1908 преподавал в Петербургском с.-х. ин-те. Автор ряда работ по сел. х-ву, а отчасти и общей экономике, а также статистико-экономических работ о еврейском населении России. По своим взглядам Б. является идеологом зажиточной, буржуазной части крестьянства. Б. пытался обосновать «историческое оправдание» аграрной политики «смелого и талантливого» П.А. Столыпина, доказать соответствие ее интересам народного хозяйства и «миллионов трудового крестьянства» (см. *Аграрный вопрос и Аграрная политика*); критиковал народников, недооценивающих благие последствия «проникновения крестьянского хозяйства хрематистическим (стяжательским) духом», доказывая все преимущества проникнутого этим духом мелкого крестьянского хозяйства перед крупным (помещичьим) (см. *Экономия сельского хозяйства*). Б. пытался доказать несостоятельность экономической системы социализма, в к-рой отсутствует рынок, жажда обогащения у «экономических организаторов» и прочие атрибуты капиталистического строя (см. его статьи в «Экономисте»). В теоретических взглядах Б. нет ничего оригинального; его работы представляют собой изложение «великих достижений Менгера, Джевонса и Вальраса», объяснение ренты при помощи теории *предельной производительности* (см.), заимствуемой им у Маршала, рассуждения об универсальности закона убывающей производительности затрат в сел. х-ве и многократные повторения того, что «прибыль и рента являются не историческими, а логическими категориями хозяйства» и т.д., — одним словом, содержат в себе все элементы современной буржуазной политической экономии, высказанные довольно последовательно и откровенно. Из экономических взглядов Б. вытекает его политическое мировоззрение, в частности — ненависть к революции и к советскому строю. Высланный в 1922 из пределов СССР, Б. в настоящее время живет за границей.

Важнейшие работы Б.: «Профессиональный состав еврейского населения России», «Статистика еврейского населения»; «Аграрный вопрос и аграрная политика», П., 1922; «Экономия сельского хозяйства», Л., 1924; «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе» (статьи в журн. «Экономист», П., №№ 1-3, 1922); «Agrarentwicklung und Agrarrevolution in Russland», Berlin, 1925.

---

* Год рождения указан неверно. Б.Д.Бруцкус родился в 1874 году.

В последующих изданиях БСЭ упоминания о Б.Д.Бруцкусе уже нет. Между тем после 1927 года он написал еще много работ об экономике и планировании в Советском Союзе первой половины 1930-х годов, а также на многие другие темы и, живя в Германии, а затем в подмандатной Палестине, публиковал их на многих языках. К одной из его книг — «Экономическое планирование в советской России», изданной в Лондоне на английском языке в 1935 году, — написал предисловие будущий лауреат Нобелевской премии Ф.А.Хайек (см. приложение к этой книге).

По словам его сына Леонида (Элиезера), написавшего в свое время биографию Д.Б.Бруцкуса на английском языке, последний до 1917 года принадлежал к «мозговому тресту» российской аграрной политики и поддерживал реформы Столыпина, направленные на ликвидацию сельской общины и на создание крепкого фермерства, производящего товарную продукцию и способного создать накопления для дальнейшего индустриального роста страны. Став после Февральской революции членом Высшего совета по земельным вопросам, Бруцкус отстаивал (против сильного социалистического его большинства) умеренные пути в аграрной реформе. Октябрьскую революцию он считал трагедией, и его отношение к коммунизму и советскому режиму было с самого начала отрицательным по политическим, экономическим, идеологическим и, прежде всего, моральным соображениям. Не мог он принять полностью и сторону белых из-за некоторых практических тенденций их политики. Мрачная ситуация тогдашней российской действительности наводила его на мысль об эмиграции. Годы военного коммунизма (1918-1920), который он увидел собственными глазами, — заставили его глубоко пересмотреть теоретические проблемы социалистической экономики. В 1920 году он публично выступил в петроградском Доме ученых с критикой основных ошибок экономической теории К.Маркса и с утверждением, что любая экономика, исключившая монетарный контроль, обречена на непродуктивность. Эти антима르크систские аналитические тезисы нашли впоследствии свое выражение в трех статьях, опубликованных в петроградском журнале «Экономист», и в дальнейших зарубежных публикациях на русском и других языках.

Переход к НЭПу возродил надежды Бруцкуса на политическую либерализацию и на возможность активного сотрудничества с советской властью. В то время Бруцкус отказался на ка-

кое-то время от идеи эмиграции. Тем не менее он продолжал выступать против подчинения жизни и деятельности ученого мира советской власти. Его антимарксистские статьи в «Экономисте» взбудоражили ее самые верхи. На сельскохозяйственном съезде, состоявшемся в Москве в 1922 году, Бруцкус открыто, перед тысячами делегатов, возложил на советское руководство ответственность за массовый голод 1921 года. На это последовала ожесточенная реакция коммунистической прессы. В публикуемом нами предисловии Бруцкуса к его работе, изданной в 1923 году, он рассказывает о том, как попытки сотрудничать с коммунистической властью окончились для него арестом и высылкой за границу — в Германию.

В Германии Бруцкус немедленно стал активным деятелем российской либеральной антикоммунистической эмиграции. Одновременно он сотрудничал с рядом еврейских организаций. Все годы своей эмиграции Бруцкус категорически отвергал советский проект «еврейского дома» в Биробиджане и решительно выступал против социалистических и коммунистических увлечений, широко распространенных в кругах еврейской интеллигенции Германии, США и др. стран. Это послужило причиной его многочисленных разрывов с представителями этих кругов.

Бруцкус находился в постоянном контакте с рядом ведущих экономистов того времени, часто выступал с лекциями в университетах стран Западной Европы. Вскоре он стал признанным авторитетом европейского масштаба по советской экономике и сельскому хозяйству СССР.

Бруцкус был на Западе одним из первых представителей российской эмиграции, пытавшихся привлечь внимание общественного мнения Западной Европы к жестокостям коллективизации с ее «ликвидацией кулачества», иными словами, хозяйственным и в значительной части физическим уничтожением фермерства, то есть зажиточного (и не только зажиточного) крестьянства. В 1930 году он вместе с известным немецким экономистом М. Зерингом был инициатором официального протеста, подписанного рядом германских ученых, писателей и деятелей искусства, против бессудной казни в СССР сорока восьми крупных экономистов и заключения многих других, в том числе — бывших коллег Бруцкуса. Арнольд Цвейг и Альберт Эйнштейн, несмотря на свои прокоммунистические симпатии, тоже подписались вначале под этим документом. Но Эйнштейн вскоре снял свою подпись, а Цвейг со-

общи́л, что он верит в виновность расстрелянных ученых (во вредительстве!), но не согласен с формой судопроизводства в отношении их.

Такова была тогдашняя политическая обстановка .

Уехав из нацистской Германии в подмандатную английскую Палестину, Бруцкус, несмотря на свое принципиально негативное отношение к коллективизму, положительно воспринял киббуцную систему хозяйствования (хорошо приспособленную для решения тогдашних экономических и внеэкономических задач израильского «государства в пути»).

Будучи профессором экономики сельского хозяйства Иерусалимского университета, Бруцкус не ограничивался экономическими проблемами принявшей его страны. По-прежнему писал он на советские и германские темы, поддерживая связи с российской эмиграцией и немецкими учеными, включая М.Зеринга, которые не примкнули к нацистам. Но переход большинства германских интеллектуалов на сторону нацистов и принятие ими нацистской идеологии с ее расизмом вызвали у Бруцкуса тяжелое разочарование, поскольку он был очень высокого мнения о Германии как таковой и о ее научном и интеллектуальном уровне.

В сентябре 1938 года, за три месяца до смерти, в своем письме к Ф.А.Хайеку, эмигрировавшему в Англию, Бруцкус указывает на особую опасность нацизма и просит Хайека побудить английских интеллектуалов выступить в защиту евреев от нацистских зверств — подобно тому, как восемью годами раньше сам Бруцкус вместе с М.Зерингом пытался поднять общественное мнение в европейских демократиях в защиту российского крестьянства и ученых от советских зверств

Итак, жизнь Бруцкуса была однажды спасена высылкой из СССР, второй раз — своевременной эмиграцией всей семьи из нацистской Германии. Он умер в конце 1938 года от рака, занимая до последних дней жизни должность профессора в Иеерусалимском университете. Его архив сохранился частью в Университете, частью — у его сына, израильского инженера-градостроителя Э Бруцкуса (Иерусалим)

Один из составителей и соавторов этой книги, бывший москвич, ныне парижанин. В Сорокин обнаружил работу Б Бруцкуса «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе» в своей семейной библиотеке в уникальных сегодня нескольких

номерах журнала «Экономист» за 1922 год, история которого рассказана далее в этой книге. Исследование, выполненное Б. Бруцкусом, поразило В. Сорокина своей глубиной, точностью, прозорливостью, и он, эмигрируя, переправил его нелегально на Запад и решил переиздать его со своими комментариями. Позднее он предложил Д. Штурман написать к нему послесловие. То, что, как выяснилось потом, Бруцкус издал эту работу в эмиграции в несколько дополненном виде с собственным предисловием*, и то, что она вошла позднее как составная часть в несколько его книг, изданных на разных языках до Второй мировой войны, нас не остановило: сегодня Бруцкус и его работы прочно забыты; между тем актуальность многих из них за истекшие годы лишь возросла.

Бруцкус ставит и разрешает вопрос, который сегодня, через шестьдесят пять лет после первых публикаций его исследования, стоит перед человечеством во всей своей остроте: что более естественно и продуктивно для национальной экономики — огосударствление и централизованное управление ею или рыночное хозяйство? Для СССР 1987 года этот вопрос особенно актуален.

Когда автор справки о Бруцкусе в БСЭ 1927 года говорит о его приверженности к идеям классической либеральной экономики, он хочет представить Бруцкуса как эпитгона и обесценить его научные заслуги. Между тем (и это не укрылось от Ф. А. Хайека) научная заслуга Бруцкуса состоит не в открытии основополагающих истин классической либеральной экономической науки, а в первом приложении этих (уточненных и развитых им) истин к единственному в то время большому социалистическому эксперименту — к советскому феномену. И сегодня, через шестьдесят пять лет, итог этого приложения остается безошибочным и злободневным. Было бы, может быть, судьбоносно, если бы советские люди в него вдумались.

Бруцкус заблуждался только в одном: ему представлялось, что все более отчетливо себя проявляющие отрицательные стороны социалистических принципов хозяйствования заставят большевиков от них отказаться. Но ведь и сегодня жива во мно-

---

* Б. Д. Бруцкус. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. Изд. «Tritemis» G.m.b.H., Берлин, 1923.

гих эта иллюзия. И от каждого нового советского лидера очередные носители этой иллюзии в стране и за ее рубежами ожидают победы здравого смысла и патриотизма над кастовой психологией и идеологией.

Наше переиздание двух работ Б.Бруцкуса с комментариями к первой из них В.Сорокина и с послесловием Д.Штурман можно рассматривать в какой-то степени как дань этой слабой надежде, обманувшей в свое время Б.Бруцкуса и многих — после него. Если бы нас спросили, чего мы хотим, оживляя для читателя провидческие размышления шестидесятипятилетней давности, мы бы ответили: привлечь к ним внимание не только эмиграции, западных специалистов и политиков и тех немногих людей в СССР, которые читают Тамиздат, но, рискуя претерпеть то же разочарование, которое претерпел Бруцкус, — и номенклатуры, и советских лидеров. На Западе, в эмиграции и в СССР есть люди, которые (встречая поток противоречивых фактов) верят, говорят и пишут, что Горбачев и его номенклатурные единомышленники искренне озабочены не всего-навсего укреплением в принципе неизменной системы и своей власти над ней, а благом народным. Что ж, в таком маловероятном случае для них не могут не быть актуальными соображения Б.Бруцкуса о возможностях социализма.

Но прежде всего эта книга — дань памяти ученого, которому по праву принадлежит голос в нынешней тяжбе за человечество. Каким ему быть: свободным и способным более или менее удовлетворительно решать свои бесконечно возникающие и все более сложные задачи, начиная с нравственных, или угасающим в погоне за призраком? Прислушаемся же к этому голосу.

**Дора Штурман
Виктор Сорокин**

Б.Д.БРУЦКУС

Социалистическое хозяйство

**Теоретические мысли по поводу
русского опыта**

Издательство «Tritemis» G. m. b. H.
БЕРЛИН
1 9 2 3

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русская социальная революция имеет всемирно-историческое значение со многих точек зрения. Она его имеет и в том отношении, что впервые попыталась перенести социализм с высот радужной мечты на землю суровой действительности; она не говорила о социализме, она его строила.

Этим русская революция заставила, наконец, нас, экономистов, серьезно задуматься над социализмом как положительной системой. Сами социалисты, следуя примеру Маркса, не утруждали себя соответствующими размышлениями. Но мало думали об этом и их противники — задача эта им представлялась недостаточно реальной. Теперь она неожиданно таковой стала.

Изложенные в этой книге мысли сложились у автора в страшные годы строительства социализма в России. Автор не только не считал тогда возможным их изложить на бумаге, но он даже не надеялся, что он будет иметь возможность их устно изложить в более широком кругу. Было слишком много вероятности до наступления этой возможности погибнуть от голода, холода, сыпняка или ЧК. Но автору посчастливилось пережить это страшное время. К концу 1920 года, когда победа на фронтах стала явно клониться в сторону революции, в Петрограде гнет большевистского режима стал чуть-чуть слабеть. Интеллигенция стала вылезать из своих берлог, она получила возможность кое-где собираться и говорить, хотя бы промеж себя.

Был сырой дождливый вечер в конце августа 1920 года, когда я в собрании изможденных и истомленных петроградских ученых выступил с докладом: «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе», — под этим заглавием я скрыл свою теоретическую критику системы научного социализма. Коммунизм был тогда в упоении своих побед. Советская власть заканчивала успешно свою борьбу с Врангелем и обещала теперь, когда у нее руки

развязаны, быстро справиться со всеми затруднениями на экономическом фронте. Так нас, ученых, уверяли ее клеветы... и даже не коммунисты. И вот я в своем докладе в момент величайшего торжества коммунистических настроений позволил себе утверждать, что экономическая проблема марксистского социализма не разрешима, что гибель нашего социализма неизбежна, и даже намечал некоторые переходные шаги для поворота к капиталистическому строю, которые впоследствии были отчасти осуществлены при НЭПе. Два с половиной часа меня слушали с напряженным вниманием петроградские ученые, и из завязавшейся после моего доклада беседы я вынес впечатление, что мне удалось связать в систему те идеи, которые бродили в умах многих как осадок страшного опыта минувших лет. Мой доклад возбудил внимание. Мне пришлось его повторять в закрытых собраниях шесть раз в Петрограде и один раз в Москве. На моих докладах присутствовали и коммунисты. Мои доклады вызвали контрдоклады со стороны меньшевиков, которых моя критика особенно задела; эти контр-доклады не поколебали моих убеждений.

Предусмотренное мною крушение русского социализма скоро наступило. Он пошел в отступление, начался НЭП, а вместе с тем стали расцветать надежды на возрождение некоммунистической литературы.

Коммунизм во время своего полного расцвета в сущности не отрекался принципиально от свободы слова. Уничтожая все проявления свободного творчества, он или ссылался на военную необходимость, или на недостаток материальных ресурсов. Бумаги не хватает для агитационных брошюр — как же отдавать ее для печатания произведений буржуазных писателей?!

Теперь с уничтожением фронтов и торжеством НЭПа эти возражения отпадали, и частные издательства могли начать функционировать.

И вот летом 1921 года кружок экономистов собрался в стенах Русского Технического Общества, чтобы побеседовать о создании при нем экономического журнала. Я тогда обмолвился, что в первой же книжке нашего «Экономиста» (так мы окрестили журнал) я начинаю печатание своих критических статей о социализме. Мои слова были коллегами восприняты как шутка, столь невероятным представлялось еще тогда появление критики социализма под эгидой нашей социалистической власти.

Но я решился. Я сказал себе: бывшее обаяние марксизма после горького опыта у коммунистов уже утеряно, и им будет любопытно хоть раз прочитать современную русскую критику социализма. Конечно, я писал сдержанно, и редакция меня еще сдерживала. Но моя вера в терпимость коммунистов на сей раз оправдалась. Цензура не выбросила ни одного слова из моих статей, печатавшихся в первых двух книжках журнала, и только в последней, третьей книжке она позволила себе вычеркнуть два полемических абзаца, и это несмотря на неистовый вой, поднятый всей советской прессой при появлении первой же книжки нашего журнала.

К лету 1922 года цензурные строгости стали обостряться. ГПУ стало явно интересоваться редакционной коллегией «Экономиста», и после появления № 4-5 журнала он был закрыт.

На августовском съезде РКП Зиновьев прокламировал «идейную борьбу» против буржуазной идеологии. Первым актом этой «идейной борьбы» были массовые аресты интеллигенции во всей России. К утру 17 августа 1922 года часть редакционной коллегии «Экономиста», в том числе и автор этих строк, уже оказалась водворенной на Гороховую, и в ноябре мы выехали по приказу ГПУ в Германию.

«Экономист» за границу не проник, а в России после нашего ареста он был изъят из магазинов; к счастью, журнал уже успел почти целиком разойтись.

Уже будучи за границей, я имел возможность познакомиться с новейшей эволюцией социалистической мысли в Германии, с опытом венгерской социальной революции, а также и с некоторыми старыми критическими исследованиями о социализме. Весь этот материал лишь укрепил меня в правильности моих взглядов. Мало того, я убедился, что мы, русские граждане, имели возможность изучить социализм с таких точек зрения, которые остались сокрытыми для тех, кто не наблюдал опыта воплощения социализма в действительности.

Я мог бы значительно расширить свою аргументацию. Но я этого сейчас не делаю. Самое главное в моей статье выяснено. Всякая же попытка развить ее нарушила бы своеобразный тон этой единственной печатной критики социализма, которая могла появиться под эгидой социалистической власти. В этой статье с громадными усилиями закован в научные формулы жгучий протест против эксперимента, произведенного над живым телом много-

миллионного народа. И пусть он в этой форме и останется. Только в заключительном абзаце я позволил себе сделать краткий вывод из статьи, который для внимательного читателя ясен, но которого я не решился сделать в России по цензурным соображениям. Я восстановил также небольшие купюры, которые произвела редакция и цензура. Я изменил заглавие очерка в смысле большего соответствия с его содержанием.

Я знаю, мои противники скажут, что русский опыт не дает права делать какие-либо выводы о социализме. На это я отвечаю: мои рассуждения в своей основе носят теоретический характер, они общезначимы. Конечно, русский опыт имел для автора решающее значение; он возбуждал его мысль, он давал прекрасные иллюстрации для его выводов. Но совершенно напрасно умеренные социалисты думают, что те роковые вопросы, те роковые затруднения, которые погубили русский коммунизм, что они для них не существуют. Эти вопросы встанут пред всеми, кто пожелает не говорить о социализме, а его строить, и притом в любых условиях: они требуют, настоятельно требуют ответов, как загадки сфинкса, и этих ответов и у умеренных социалистов также нет, как у коммунистов.

Меня упрекнули, что сейчас социализм и без того на ущербе, и следует ли теперь критиковать движение, которое во всяком случае является важнейшей основой демократии. Но мои слова обращены прежде всего по адресу русской зарубежной интеллигенции. Она составляет очень значительную часть тех интеллигентных сил, которыми Россия еще сумеет располагать после постигших ее катастроф. Надо надеяться, судя по ходу развития русской революции, что зарубежная интеллигенция в недалеком будущем сумеет без компромиссов со своей совестью вернуться на родину. Чтобы эта интеллигенция могла плодотворно работать в России, она должна в корне пересмотреть свою идеологию. Она должна, наконец, научиться смотреть открытыми глазами на действительность и выбирать те экономические мероприятия, которые отвечают конкретным нуждам народа в данный исторический момент, а не те, которые, по мнению интеллигенции, приближают его к блаженному царству социализма. Те умеренные социалисты, которые думают, что они будут в России продолжать строительство социализма по-хорошему, в котором им будто бы помешали большевики, для страны не только бесполезны, они для нее опасны.

Что касается европейской социал-демократии, то, если бы она сумела глубоко продумать русский опыт, не увлекаясь полемикой с большевизмом, то она поняла бы, что он имеет к ней ближайшее отношение; пользуясь оборотом Маркса, можно сказать: *de te fabula narratur*. Результаты строительства социализма по рецепту Маркса нигде не были бы лучше. Впрочем, большинство вождей социал-демократии в Западной Европе это уже сознают. «Социализм не есть механизм, который строится по заранее намеченному плану»... «У нас нет готовых утопий, которые можно воплотить всенародным решением». Так осторожно теперь говорит о строительстве социализма Карл Каутский, который во всей своей предшествующей политической и научной деятельности утверждал как раз обратное.

Однако время требует более решительного отказа от догмы марксизма. Воспитанные в мечтах о социальном перевороте, рабочие массы могут немедленно приступить к разрушению существующего общественного строя во имя обетованного царства социализма. Социалистам остается или благославить эти порывы масс и стать под знамя III-го Интернационала, или с полной решительностью отречься от марксистских идей *Zusammenbruch*'а и следующего за ним государства будущего. Они обязаны в последнем случае открыто сказать массам, что строй частной собственности и частной инициативы можно преобразовывать, но его нельзя разрушать, ибо на нем зиждется европейская цивилизация, его нельзя разрушать, ибо среди развалин ничего построить нельзя, его нельзя разрушать, ибо неизвестно, что собственно придется строить, ибо социалистический строй есть мираж, в погоне за которым можно прийти не в обетованную землю, а в долину смерти.

Социал-демократия из партии переворота должна окончательно превратиться в партию социальных реформ во имя реальных, осязаемых интересов трудящихся масс. Социал-демократия фактически к этому идет, хотя медленными, слишком медленными шагами.

Автор.

Берлин.
Июнь, 1923 г.

1. Марксизм и проблема социалистического народного хозяйства

Историю развития социалистических учений обычно делят на два периода — утопического и научного социализма. Это подразделение следует признать несколько резким: можно указать на ученые элементы в так наз. утопическом социализме и на ненаучные элементы — в так наз. научном социализме. Но в основе это подразделение все же правильно. Грань между обоими периодами положена трудами величайшего политического деятеля и мыслителя социализма — Карла Маркса. Маркс попытался понять социально-экономические процессы исходя из идеи эволюции, и этот принцип оказался в общественных науках столь же плодотворным, как и во всех других областях знания. Во второй половине истекшего века марксизм завоевал безусловную гегемонию в социалистическом движении; и в настоящее время именно он является доктриной революционного пролетариата. Марксизм положен в основу программы и русской коммунистической партии.

Утопические социалисты представляли себе, что социалистический строй возникнет в результате инициативы уверовавших в его блага небольших общественных групп, которые своей вдохновенной деятельностью увлекут за собой все остальное общество. В противоположность такому пониманию эволюции общественных явлений, Маркс утверждал, что социально-экономические явления развиваются стихийно. Но объективное исследование эволюции капитализма, по мнению Маркса, приводит к тому непреложному выводу, что этот строй неотвратимо стремится к собственной гибели, что в недрах его развиваются элементы нового строя — социалистического. Очередной задачей своей эпохи Маркс считал не создание небольших общественных ячеек на социалистических основах, а прояснение сознания и организацию пролетариата как класса, призванного в определенный момент социально-экономической эволюции — в момент конеч-

ного кризиса капитализма – взять в свои руки перестройку всего общества в целом на социалистических основах.

В связи с этим менялось и самое содержание социалистических учений. В то время как утопические социалисты на первом плане ставили задачу конструирования нового общества, научный социализм концентрировал свое внимание главным образом на критическом исследовании современной системы народного хозяйства и на выяснении ее эволюции. Последняя уже предreshала некоторые основы будущего социалистического общества, но разработкой задачи систематического его конструирования Маркс не занимался.

Последователи Маркса точно так же не уделяли последней задаче своего внимания. Даже такой разносторонний и исключительно плодовитый писатель, как Карл Каутский, так много сделавший для исследования социально-экономических явлений методами марксизма, в интересующем нас вопросе оказался бесплодным.

Совершившийся в России социальный переворот, казалось бы, поставил ребром перед русскими ортодоксальными социалистами задачу конструирования социализма как положительного учения. Но и русская социалистическая литература пока не сумела в этом направлении ничего сделать. Выдающийся теоретик большевизма, Н.Бухарин, в своей "Экономике переходного времени" ограничился утверждениями старого положения социализма, что категории капиталистического строя при социализме теряют свое значение, но он не попытался выяснить, какие же категории будут регулировать производство и потребление при новом строе. Если в русской литературе и сделана попытка конструировать социализм как положительное учение, то она принадлежит покойному М.И.Туган-Барановскому, которого, конечно, нельзя называть ортодоксальным марксистом. Таким образом, приходится с полной определенностью констатировать поразительный факт: **научный социализм, целиком поглощенный критикой капиталистического строя, теории социалистического строя до сих пор не разработал.**

Между тем от разработки такой теории марксизм не имел достаточных оснований отказываться. Поставив во главу угла принцип эволюции, Маркс тем не менее не перестал быть революционером. В известном споре между К.Каутским и В.И.Лениным о том, предусматривает ли Маркс превращение капиталистического общества в социалистическое в форме медленного процесса, слагающегося из ряда частичных реформ, как полагает первый,

или в форме единовременного переворота, как полагает второй, мы решительно должны стать на точку зрения В.И.Ленина. Да и сам Каутский еще не так давно, когда он писал свою брошюру "На другой день после социальной революции", держался той же точки зрения. Признаваемая Марксом диалектическая схема эволюции Гегеля с ее постепенным нарастанием количественных изменений под старыми формами как раз постулирует революционные взрывы, которые выявляют совершившиеся вследствие накопления количественных изменений качественные изменения социальной материи.

Очень часто Маркс сравнивает рождение нового общества с физиологическим актом родов. Примем эту аналогию и попытаемся сделать из нее надлежащие выводы. Ребенок рождается только тогда, когда все его органы во чреве матери уже сформировались; тем не менее его рождение не есть только механический акт – он связан с глубокой трансформацией всей физиологии выброшенного на свет Божий существа. Для жизни в новой среде ребенок должен совершать совершенно новые физиологические акты дыхания и сосания, и эти акты возникают инстинктивно. Аналогичные явления должны иметь место и при рождении нового социального строя. Ищущий прибыли предприниматель, который до того приводил в движение весь экономический механизм общества, исчезает. В хозяйственной жизни должны появиться новые стимулирующие двигатели. Но... общество все-таки не организм, и направляющие инстинкты в нем не действуют. Те новые акты, которые возникают в организме инстинктивно, должны быть в обществе предварительно осознаны его руководящими кругами¹.

Если капиталистическое общество, которое предоставляет личной инициативе граждан удовлетворение важнейших его нужд и ограничивает функции государства некоторым регулированием хозяйственной деятельности своих граждан, создало науку экономической политики, то во сколько же раз такая наука более необходима социалистическому обществу, в котором деятельность государства и бесконечно ответственна, и бесконечно более многообразна, и бесконечно более сложна !..

Тот факт, что социализм как положительное учение остался в марксизме не разработанным, мы не можем себе объяснить только тем, что у марксистов не было смелости браться за решение такой проблемы, которая осталась неразрешенной самим Марксом. Для практической задачи, которую Маркс ставил себе в первую очередь, – для организации единого интернационального

рабочего движения, — углубленная разработка теории социалистического хозяйства не была безусловно необходимой. Для того чтобы организовать пролетариат на борьбу против капитализма, достаточно было критически выявить отрицательные стороны капитализма и противопоставить ему социализм лишь в самых общих заманчивых контурах². Но ведь социально-экономическая эволюция после Маркса шла вперед, и вопрос о социальном перевороте и о творчестве нового строя с течением времени становился все более актуальным. К этому моменту надо было готовиться, и то, что марксисты в этом отношении оказались неподготовленными, не может не иметь отрицательных последствий для социалистического движения. В настоящий момент, когда в связи с последствиями небывалой по своей разрушительной силе мировой войны вся экономическая жизнь передовых стран оказывается глубоко дезорганизованной и капитализм переживает такой кризис, какого он еще никогда не переживал, отрицательные результаты подобного состояния социалистической доктрины не могли не выявиться. Вожди западного социализма совершенно неожиданно оказались призванными от перманентной оппозиции к власти. И вот, не имея разработанного плана нового общества, старые вожди западно-европейского социализма, в полном сознании тяжелой ответственности перед руководимым ими рабочим классом, уже не решаются призывать их к социальной революции. У них ослабела вера в то, что социализм окажется в силах в данных трудных условиях уврачевать тяжелые недуги экономической действительности. Даже в своих реформистских проектах они не проявляют большой решительности в постоянном опасении окончательной дезорганизации и без того расстроеной экономической жизни. Наоборот, держащие в руках власть русские социалисты, будучи более строгими последователями марксистской доктрины и будучи по своей психологии более смелыми и решительными, после социального переворота вынуждены переходить от эксперимента к эксперименту в такой момент, когда, ввиду совершенно критического положения народного хозяйства, следовало бы действовать наверняка.

Принимая во внимание столь важные отрицательные последствия отсутствия разработанной теории народного хозяйства применительно к условиям социалистического строя, приходится, конечно, признать, что этот факт не есть какая-то случайность. Очевидно, должны быть глубокие причины этого замечательного явления. Они выяснятся в дальнейшем нашем изложении...

Марксизм не разработал теории социалистического хозяйства, но он определил его основные принципы как вытекающие частью из того, что социализм должен возникнуть путем трансформации капитализма, частью из того, что они являются постулатами класса, организующего социализм, — промышленного пролетариата.

Марксистский социализм прежде всего не является социализмом мелких общин, это социализм в крупном масштабе — государственный, национальный. Он отрицает рынок и рыночные цены как регуляторы производства, как регуляторы распределения производительных сил. Этот способ регулирования капиталистического хозяйства с точки зрения марксизма является несостоятельным; марксизм постоянно подчеркивает "анархию капиталистического производства", неизбежно приводящую к периодическим кризисам³. С точки зрения марксизма, эта анархия и есть одна из важнейших отрицательных сторон капитализма, которую социализм призван преодолеть. В сравнении с капитализмом, социализм является высшей формой хозяйственной организованности. Социализм ведет хозяйство по единому государственному плану, построенному на основах статистики. Подобно рыночным ценам, и другие категории капиталистического хозяйства теряют при социализме свое значение; в социалистическом обществе нет ни заработной платы, ни прибыли, ни ренты, ибо в нем все работают и получают полный продукт своего труда без вычета нетрудовых элементов дохода. Социалистическое общество признает издержки производства лишь в одной форме — в форме затраты труда; количество же этой затраты измеряется временем. Труд, и только труд, обладает ценностеобразующей силой даже в капиталистическом обществе, — так утверждает Маркс в 1-ом томе "Капитала"; тем более это положение справедливо для социалистического строя. Распределение хозяйственных благ должно быть согласовано в социалистическом обществе с эгалитарным принципом, ибо если свобода есть руководящий лозунг буржуазии, то равенство есть руководящий лозунг промышленного пролетариата. Во имя этого лозунга им совершается великий переворот.

Таковы руководящие идеи марксистского социализма в деле построения нового народного хозяйства⁴. Удастся ли нам решить задачу теоретического конструирования социалистического хозяйства — покажет наше дальнейшее изложение, но во всяком случае соответствующая работа имеет большое значение и для более отчетливого исследования природы капиталистическо-

го хозяйства. Исследование проблем социалистического хозяйства дает нам надежду осветить с новых точек зрения проблемы капиталистического хозяйства.

2. Хозяйственный принцип и социализм

Едва ли какой-либо экономист решится оспорить то положение, что всякая хозяйственная деятельность, протекает ли она в рамках натурального, капиталистического или же социалистического хозяйства, должна быть подчинена принципу о соответствии между затратами и результатами. Недаром этот принцип считают конституирующим хозяйственную деятельность, отличающим ее от всякой иной деятельности человека⁵. Надо только полагать, что принцип этот в социализме должен проявиться в своеобразных для него формах.

В натуральном хозяйстве механизм проявления хозяйственного принципа ясен. В хозяйстве трудится небольшой комплекс лиц, тесно спаянных между собой узами кровного родства и совместной жизни, они же и потребляют все произведенные ценности; естественно, что в этих условиях устанавливается известное, субъективно определяемое, соответствие между затратами, преимущественно трудовыми, и ценностью продуктов труда, потребляемых самими же трудящимися и их близкими. Небольшие размеры и полная обозримость всего процесса производства и потребления являются известной гарантией этого соответствия.

В капиталистическом хозяйстве предприниматель пользуется трудом посторонних людей, к благополучию коих он может быть вполне равнодушен, он пользуется в изобилии материалами и орудиями, являющимися продуктами предшествовавших производственных процессов, пользуется естественными силами, к которым приходится устанавливать совсем не то отношение, какое устанавливается в натуральном хозяйстве. Тем не менее и здесь, при несравненно более сложном хозяйственном процессе, устанавливается соответствие между затратами и результатами производства, выражаемое даже отчетливее и последовательнее, чем в натуральном хозяйстве. Все элементы производства: труд, материалы, машины, процент на капитал, рента – оценены обществом на рынке, равно, как на рынке оцениваются и все продукты производства. Эти оценки происходят в стихийном процессе, результаты коего для отдельного предпринимателя являются данными. Если цены произведенных продуктов производства не покрывают затрат, то предприниматель лишается возможно-

сти распоряжаться орудиями производства; он получает свою отставку безжалостно и безоговорочно, ибо и она дается в стихийном процессе. Он не исполнил тех заданий, которые ему, как предпринимателю, предъявляет общество, он не сумел так комбинировать элементы производства, чтобы они оплатились в рыночной цене произведенного с их помощью продукта. Зато никого капиталистическое общество не осыпает своими щедротами так обильно — ни гения науки, ни гения искусства, — как умелого и искусного предпринимателя, который, удачно комбинируя элементы производства продукта, удовлетворяет хотя бы самым обыденным потребностям общества⁶. Благодаря этому предприниматель капиталистического общества находится постоянно в напряженном состоянии, и это напряжение он стремится передать всем участникам производства. Одних он заинтересовывает непосредственно в результатах производства, других он поощряет повышенным вознаграждением, третьих он дисциплинирует страхом увольнения. Так осуществляется хозяйственный принцип в расчлененном на классы и имущественные группы капиталистическом обществе.

Какими же путями хозяйственный принцип может быть осуществлен в социалистическом обществе? Социалистическое общество, в отличие от капиталистического, не обладает армией предпринимателей, которые всем своим имущественным положением заинтересованы в успехе производства. Лица, возглавляющие социалистические предприятия, материально не выигрывают от их успешной работы и не проигрывают от их неуспешной работы. Не они платят за использованные в производстве труд, капитал, естественные силы, и они ничего не получают за отданные обществу продукты производства. Риск каждого данного производства всеми участниками его перекладывается на все общество в целом.

Не будем далее останавливаться на тех трудностях субъективного порядка, которые, в связи с этим, встречает строительство социализма, ибо исследование субъективных элементов хозяйственной деятельности есть задача самая трудная, и результаты такого исследования будут всегда вызывать споры. Мы сделаем лишь объективный вывод, который из сказанного становится очевидным: **хозяйственный учет имеет в социалистическом обществе гораздо большее значение, чем в капиталистическом.** Капиталистический предприниматель, если ему угодно, может совсем не вести никакого счетоводства. Тем хуже для него — он будет работать вслепую. Но перед народным хозяйст-

вом его ответственность этим нисколько не ослабляется, ибо все ему дается обществом по оценке, и все у него принимается обществом по оценке⁷. "И не уйдет он от суда мирского..." За растрату производительных сил он ответит своим достоянием и своим собственным положением. Иначе обстоит дело в социалистическом хозяйстве. Если глава крупнейшего предприятия в социалистическом хозяйстве ведет его без надлежащего учета и расчета, то он может лично жить совершенно спокойно, как бы руководимое им предприятие вследствие нерациональной организации производства ни расточало производительных сил общества. Всякое такое предприятие является своего рода больным членом хозяйственного организма, его истощающим, и из того, что болезнь не обнаружена, от этого она не становится менее опасной; ведь и на теле опаснее всего рана, которая не болит. Итак, ничто не может быть для социалистического общества опаснее, как атрофия хозяйственного учета, ибо в этих условиях конечная дезорганизация его хозяйства неизбежна.

Именно такое явление атрофии хозяйственного расчета мы наблюдали в России, параллельно со стремительным разрастанием социалистического хозяйства за счет частного, параллельно отмиранию рынка и денежной системы. Уже в упомянутом труде Н.Бухарина "Экономика переходного времени" на примере железнодорожного транспорта убедительно доказывается, что ценностный учет, проводимый старыми методами, потерял всякий смысл. Однако это обстоятельство, по-видимому, не вызвало никакой тревоги в душе теоретика социализма. Н.Бухарин сознает необходимость какой-то другой системы учета, но не останавливается на выяснении ее принципов. А между тем именно в этом заключается самое больное место нашего социалистического хозяйства. Мы получаем молоко, выпекаем хлеб, чиним вагоны, перевозим уголь, но никто не может сказать, во что обходится молоко, выпечка хлеба, починка вагона, перевозка угля. Такое положение неминуемо должно было привести народное хозяйство к катастрофе, и оно его к ней и привело.

Государство, лишенное прежнего ценностного учета, не могло, конечно, отказаться от контроля за своими предприятиями. Но ему представлялась возможность контролировать лишь отдельные элементы производства. И в этом отношении оно вынуждено было пойти очень далеко, гораздо дальше, чем это делали капиталисты. Организовался мелочный контроль за формальной аккуратностью служащих, за использованием материала, машин, инвентаря. Нагромождались ревизии на ревизии, и устанавлива-

лось уродливое несоответствие между рабочим и контролирующим аппаратом. А между тем этот контроль за элементами производства нисколько не гарантирует хозяйственной рациональности предприятия и совершенно не имеет того решающего значения, которое имел ценностный учет. К огорчению моралистов приходится даже сказать, что честность руководителей предприятия, которую такой учет в лучшем случае может обеспечить, еще не гарантирует народного хозяйства от убытков, а бесчестность их может сочетаться с народнохозяйственной пользой⁸. Все зависит от удачной или неудачной организации производства, о чем указанный контроль ничего не может сказать.

В настоящее время мы видим, как государство пришло к убеждению, что так дальше вести хозяйство нельзя⁹. Оно нашло выход в восстановлении свободного рынка и в ценностном учете отдельных предприятий государства, построенном на директивах, исходящих от рынка. Этот выход из создавшегося тяжелого положения, очевидно, лежит уже не в плоскости социалистического хозяйства, как таковое понимается в марксизме. Нас интересует разрешение проблемы хозяйственного учета именно в пределах марксистского социализма.

Н.Бухарин, констатировав атрофию старых форм учета, полагает, что они должны быть заменены натуральным учетом. Эту мысль подробнее разработал А.В.Чаянов*. Он полагает, что таким путем получится возможность сравнивать степень рациональности постановки отдельных предприятий социалистического хозяйства. Применяя свой метод к сельскохозяйственным предприятиям, он приходит к расчетам такого типа: на 1000 единиц зерновых продуктов использовано 30 единиц труда, 90,0 единиц продовольствия, 8,6 единиц земли, 0,2 единиц тяги, 25,6 единиц построек, 0,4 единиц инвентаря, 1,5 единиц материалов, 0,03 единиц топлива. Для того чтобы получить эту достаточно сложную формулу, А.В.Чаянову пришлось искать общую единицу для всех продуктов продовольствия, общую единицу для всех построек, общую единицу для инвентаря — от бороны до паровой молотилки, общую единицу для всех материалов — от смазочного масла до веревки. Нечего говорить, что все эти единицы совершенно условны, если не сказать произвольны¹⁰. Если же они имеют какое-нибудь реальное значение, то лишь постольку, поскольку они произведены путем какого-то общего

---

* Методы безденежного учета хозяйственных предприятий. Труды Высшего Семинария с.-х. экономии и политики при Петровской С.-Х. Академии. Выпуск 2. М., 1921 (сноска журнального варианта).

принципа оценки, которого автору не удалось сформулировать. Далее, если глава совхозов получит результаты лишь в указанной форме, то ему с этими сводками нечего будет делать. Если же все единицы построек, продовольствия, земли, инвентаря свести к одной единице, то таковую следует, наконец, назвать.

Неудивительно, что опыт А.В.Чаянова не имел успеха. С.Струмилин и Е.Варга, которые на страницах "Экономической Жизни" подходили к проблеме учета, оба отвергли метод А.В.Чаянова, и оба пришли к заключению, что подобно тому, как капиталистическое хозяйство имеет в рубле единицу для измерения всех ценностей, вращающихся в нем, так и социалистическое хозяйство должно обладать подобной единицей ценностного учета. С этим нельзя не согласиться: **без ценностного учета никакое рациональное хозяйствование ни при каком социально-экономическом строе невозможно.** И в полном согласии с принципами марксизма, Е.Варга и С.Струмилин признали, что труд должен явиться мерилom ценности. Если и в капиталистическом обществе, по Марксу, труд является, хотя и в скрытой форме, основой общественной оценки хозяйственных благ, основой их меновой ценности, то в социалистическом обществе труд должен быть сознательно положен как мерило ценности.

Посмотрим же, что может дать социалистическому хозяйству трудовой учет ценности продуктов. Вопрос этот представляет громадный теоретический интерес, ибо он стоит в теснейшей связи с теоретическим значением основных в марксизме концепций экономической действительности.

3. Проблема трудового учета в социалистическом хозяйстве

Попытаемся себе представить учет трудовой стоимости продуктов.

Мерилом количества труда является в нашем социалистическом обществе время. Однако и в социалистическом обществе невозможно отвлечься от такого основного свойства труда, как его производительность. Нельзя же измерять труд по количеству времени, которое рабочий провел на заводе, в мастерской или хотя бы даже за станком! Даже наше социалистическое государство, глубоко проникнутое эгалитарными настроениями, вынуждено было от этого отступить, введя премиальную оплату труда. Таким образом, учетной единицей становится не просто рабочее время, например, рабочий день, а рабочий день определенной производительности, условно признанной в качестве нормальной.

Эта производительность выразится в определенном количестве выделанных продуктов — распиленных бревен, обструганных досок, выточенных подшипников и т.д. Так как даже в отдельном предприятии, производящем определенные продукты, применяется труд различных специалистов, и каждый из них может производить различные работы, то придется, конечно, весьма условно, приравнять между собою нормальные рабочие дни для всех многообразных форм труда.

Но в пределах каждого данного производства применяется и труд разной квалификации — низшей и высшей. Наряду с трудом, не требующим большой выучки и имеющимся у общества в изобилии, приходится пользоваться трудом, требующим долговременной выучки, а иногда даже и некоторого дарования или хотя бы естественного предрасположения. Неужели этот труд высшей квалификации, которым общество располагает в самом ограниченном количестве и которым оно не может не дорожить, мы засчитаем в расходы день за день — по такой же норме, как труд неквалифицированный?! Как бы сильны ни были наши эгалитарные тенденции в оплате труда, при учете труда мы так поступать не можем. У Маркса мы также найдем указание, что единицу времени такого труда высшей квалификации надо приравнять к единице времени труда низшей квалификации, умноженной на известный коэффициент. Но как определить эти коэффициенты? Напрасно мы стали бы искать способа определения этих коэффициентов у Маркса¹¹. Обычно для этого предлагают сравнить стоимость воспитания простого и квалифицированного рабочего. Нельзя сказать, чтобы это была легкая задача. Если же высшая квалификация обусловлена природными дарованиями, хотя бы и не какого-либо исключительного свойства, то указанный метод и совсем неприменим. Очевидно, что коэффициенты наши будут весьма условны, если не произвольны.

Так как каждое производство пользуется материалами и орудиями, полученными извне, то очевидно, что ни одно производство не может быть учтено, если одновременно не будет произведен учет трудовых затрат на всем протяжении народного хозяйства, если не будет сделано приведение к единице труда всевозможной формы и квалификации. Мы видим, что тот учет трудовой стоимости, который многим представляется чем-то чрезвычайно простым и очень объективным, в действительности является очень сложным и совсем не таким объективным. Хотя он, судя по газетным сообщениям, уже сделан обязательным, мы сомневаемся, чтобы его удалось провести, настолько он

темен и неясен. И невольно у нас всплывает вопрос, каким образом, согласно исходному положению марксизма, формулированному на первых же страницах 1-го тома "Капитала", удастся потребителям, которые ничего не знают и ничего не хотят знать об условиях производства продукта, каким образом им удастся оценивать товары в соответствии с количеством затраченного на них труда, когда для нас, желающих проникнуть в самый процесс производства, это измерение количества труда вырисовывается так расплывчато, так условно?¹² Но оставим эти сомнения. Предположим, что этот учет труда на всем громадном объеме народного хозяйства, в бесчисленных его предприятиях так или иначе осуществлен. Даст ли он нам что-нибудь подобное по своему значению ценностному учету в капиталистическом хозяйстве, получающему свои директивы от свободного рынка?

Учет трудовых затрат в данном предприятии составит нечто вроде дебета капиталистического счета. Что же составит его кредит? Если мы будем следовать Марксу, то результаты производства определяются трудовой ценностью, которую имеют произведенные продукты не в условиях данного производства, а с точки зрения условий, которые, вообще, следует признать нормальными; ценность продуктов определяется общественно необходимым временем для их производства. Но спрашивается: как нам найти это общественно необходимое время производства продукта? Здесь мы опять-таки от Маркса не получим определенных указаний¹³. Мы думаем, что здесь была бы неуместна какая-либо отвлеченная конструкция нормального производства. Нам придется признать общественно необходимой ту стоимость производства, которая является средней из стоимости производства отдельных предприятий, и из полученных таким образом, вычисленных стоимостей взять среднюю арифметическую или, что еще лучше, взять среднюю стоимость в соотношении с учетом размера производства.

Если мы так попытаемся подойти к решению занимающего нас вопроса (а этот путь нам представляется наиболее согласованным с учением Маркса), то, поскольку народное хозяйство обслуживается одним предприятием, наш трудовой учет нам все-таки ничего не может дать. Он также мало плодотворен при ограниченном числе предприятий, обслуживающих народное хозяйство. Но предположим, что таких предприятий много. Что же в таком случае нам даст этот учет?

В этом случае наши предприятия разделятся на две группы. Из них одна группа покажет превышение кредита над дебетом,

другая группа покажет превышение дебета над кредитом. Казалось бы, что это в этом случае, при наличии большого числа предприятий, мы, наконец, получим ценные указания на то, какие именно из наших предприятий ведутся рационально и какие — нерационально.

Однако эти указания могли бы претендовать на объективное значение лишь в тех случаях, которые не часто имеют место, — в случаях, когда все предприятия построены по более или менее сходному плану, т.е. с более или менее схожей комбинацией труда различной формы и различной квалификации. Только в этом случае условности приведения к единице труда различной формы и различной квалификации не подрывали бы значения нашего учета. Но эти случаи и редки да и не представляются особенно поучительными. Большой интерес представляют те более многочисленные случаи, когда имеются существенные различия в организации производства того же самого продукта, и когда, следовательно, **в различных предприятиях имеется своя особая комбинация труда различной формы и различной квалификации.** Но именно в этих случаях условности приведения к единице труда **разной формы и разной квалификации подрывают значение всего учета.** Если в одном производстве усиленно используется труд такой формы, который в обществе слабо представлен и в котором оно остро нуждается для отправления своих наиболее существенных функций, если труд этот, в соответствии с господствующими в социалистическом обществе эгалитарными тенденциями, будет засчитан в расходы производства по оценке, лишь немногим превышающей труд низшей квалификации, который имеется у общества в избытке, если при этом трудовая стоимость производства продуктов окажется низкой, то все же было бы весьма сомнительно, чтобы именно в этом направлении следовало в дальнейшем развивать производство. Последнее, быть может, как раз следовало бы развивать в направлении максимального использования форм труда, которыми общество располагает в изобилии, что бы нам учет трудовых затрат ни говорил.

Но трудовой учет теряет какое бы то ни было значение, когда отдельные предприятия поставлены в различные естественные условия, или если они в различных соотношениях используют капитал. Представим себе ряд сельскохозяйственных предприятий, которые поставляют однородные продукты на один и тот же рынок, но которые расположены на почвах различного плодородия и для которых транспортные затраты различны. Какое значение имеет для таких хозяйств сравнение трудовых затрат

с точки зрения контроля правильности их организации? Да решительно никакого, ибо в данном случае не введено а расчет значение выгод естественных условий и положения по отношению к рынку.

Представим себе дальше, что какой-нибудь промышленный продукт, например, пеньковые канаты, производятся, с одной стороны, на хорошо оборудованных канатных фабриках и, с другой стороны, в кустарных мастерских. Трудовой учет в нормальных условиях покажет, что фабричные канаты обходятся дешевле, чем канаты, произведенные кустарным способом. Следует ли из этого, что производство надо развивать путем расширения канатных фабрик, а не расширения кустарных мастерских? Этот вывод был бы совершенно правилен, если бы социалистическое общество обладало неограниченными возможностями в творчестве капитала. К сожалению, такими возможностями не располагает ни капиталистическое общество, ни социалистическое, хотя об этом многие готовы забыть. А из-за ограниченного количества наличного капитала конкурируют все отрасли народного хозяйства, и выгодно ли его направить именно на канатные фабрики, а не на заводы сельскохозяйственных орудий, — это еще подлежит рассмотрению. Таким образом, из того обстоятельства, что фабричные канаты, согласно трудовому учету, обходятся дешевле кустарных, нельзя сделать вывода, что надо расширять канатные фабрики; при сильном обеднении народного хозяйства капиталом возможно и так, что канатные фабрики, использовав по возможности наличные машины, надо постепенно ликвидировать, а все канаты производить в кустарных мастерских. И наше разоренное социалистическое государство именно так поступало сплошь и рядом — и поступало правильно.

Итак, тот факт, что производство представляет собою всегда взаимодействие трех факторов: труда, капитала и природы, — имеет свое значение и при социалистическом строе и игнорировать себя не позволяет. Правда, создатель научного социализма в 1-ом томе "Капитала" пытался этот факт игнорировать и исходил из положения, что труд есть единственная основа меновой ценности. Но в 3-м томе "Капитала" он дал другую теорию меновой ценности, учитывающую участие в производстве двух других факторов, едва ли совместимую с теорией ценности 1-го тома. Хотя и вторую теорию с точки зрения современной политической экономии следует признать устаревшей, но все же она стоит не в столь резком противоречии с действительностью, как теория, развитая в 1-ом томе "Капитала"¹⁴.

4. Трудовая стоимость и рыночная цена

Итак, трудовой учет не мог нам дать даже сколько-нибудь ценных указаний о сравнительной выгодности наших предприятий. Но, кроме того, мы усматриваем, что он и в лучшем случае не может нам дать тех решающих указаний, без которых регулирование общественного производства вообще является неосуществимым, — указаний, которые ценностный учет в капиталистическом хозяйстве дает. Капиталист в бухгалтерские книги своего конкурента заглянуть не может, они для него — коммерческая тайна. Да ему это и не необходимо, ибо он от народного хозяйства получает непосредственную директиву, может ли он при данной организации вести свое предприятие или не может. Дело в том, что расчету себестоимости продукта у него противостоит цена продукта, которая рождается на рынке как-то независимо от того, что делается в мастерской. У нас же себестоимости продукта противостоит величина, которая является производной от себестоимости же продукта, но не в данном предприятии, а во всех предприятиях, обслуживающих рынок, ибо, согласно учению Маркса, эта средняя себестоимость и соответствует ценности продукта. Когда анализируется стихийно сложившееся явление, то при анализе его можно легко впасть в ошибку, но последнюю нетрудно вскрыть при попытке сознательно воссоздать этот процесс.

Представим себе, что наше социалистическое хозяйство унаследовало от капиталистического все его кружевные фабрики и кружевные мастерские. Представим себе, что мы имеем дело с фабрикой, которая производит кружева с затратой труда, значительно низшей общественно необходимого рабочего времени. Следует ли поддерживать и даже, может быть, расширять эту кружевную фабрику или нет? В обществе, члены которого не могут утолить голода, членам которого не во что одеться, нечем согреть своего угла, — такого вопроса ставить не приходится. В этом обществе кружева потеряли... потеряли "ценность". Должен извиниться перед читателем: развивая теорию марксистского социализма, я считал долгом пользоваться и его терминологией. Но на этот раз я применил термин "ценность" не в марксистском смысле, ибо другого слова не придумаешь.

Возьмем другой пример. Предположим, что социалистическое общество, находящееся в блокаде, унаследовало от капиталистического общества много фабрик кос. Предположим, что некоторые из них малопродуктивны, и косы в них производятся

с трудовыми затратами, далеко превышающими среднюю норму. Что же, мы их закроем? И этого вопроса не приходится ставить, ибо несомненно, что при наличии таких условий мы были бы готовы воспользоваться малейшей возможностью соорудить даже и менее продуктивные фабрики кос.

Эти два примера с полной определенностью нам показывают, что существуют какие-то явления ценности, которых марксизм не знает или не желает знать; эта ценность не находится в какой-либо прямой зависимости от трудовой стоимости, она является функцией общественных потребностей. Что она может изменяться независимо от трудовой стоимости — это ясно из приведенных примеров: ничего не изменилось в хозяйстве кружевной фабрики, а кружева обесценились; ничего не изменилось в хозяйстве фабрики кос, а ценность их поднялась. Вот этот феномен, и только этот, современная политическая экономия, стоящая на почве великих достижений Менгера, Дживонса, Вальраса, и подводит под термин ценность (*Wert, value, valeur*)¹⁵; то же, что Маркс назвал трудовой ценностью, современная политическая экономия признает одной из форм стоимости (*Kosten, cost, frais de production*). Оба эти понятия в современной политической экономии, в противоположность политической экономии марксизма, очень определенно разграничены — и не без пользы для науки. В основе явлений ценности лежат субъективные оценки, они суммируются и объективируются в рыночной цене, которая и выявляет напряженность социальной потребности в товаре. В процессе установления рыночной цены не только рантье (как это готов допустить Н.Бухарин) исходит из своих потребностей, но так поступает и пролетарий. И он, придя на рынок и найдя там теплое пальто и тончайшие брюссельские кружева, не будет интересоваться тем, много ли труда затрачено на шитье пальто и на плетение этих тончайших кружев. Он будет считаться только со степенью настоятельности своих потребностей; если подоспела холодная осень, то он дает надлежащую цену за пальто, а за кружева он дал бы очень мало, если бы установление цен на них зависело от него. Но на рынок заглядывает еще рантье, и он уже наверно не интересуется тем, много или мало трудятся брюссельские кружевницы; зато он хорошо знает прихоти дамы его сердца, и его толстый кошелек позволяет ему удовлетворять их, и он дает цену, которой и вознаградится в большей или меньшей степени труд брюссельских кружевниц.

Вот эти-то, выражающие напряженность спроса на товары имущественно дифференцированного капиталистического общест-

ва, рыночные цены фабрикант и регистрирует при продаже своего товара и заносит в кредит счета производства. И, определив свой кредит, он уж может судить, велик его дебет или нет. Так капиталистическое общество в рыночных ценах дает повелительные директивы всем организаторам производства и приказывает им регулировать сообразно этим ценам свои затраты. Вот почему под длительным давлением этих директив устанавливается известная пропорциональность между рыночными ценами и издержками производства (но не между ценами и трудовыми затратами, ибо труд — только один из факторов производства, и, следовательно, он составляет лишь один из элементов затрат)¹⁶, и вот почему до тех пор, пока наука не исследовала законов субъективных оценок и способа их сложения и объектирования в рыночные цены, даже весьма проницательные умы, как Давид Рикардо, а за ним и Карл Маркс, могли приходить к ошибочному выводу, что издержки производства могут определять рыночные цены.

Впрочем, и творец теории затрат Давид Рикардо не мог ее выдержать в весьма широкой области образования цен на продукты сельского хозяйства. Относительно них Рикардо вынужден был признать, что их цена соответствует не средней стоимости, а предельной стоимости производства. Предельная же затрата в сельском хозяйстве определяется напряженностью спроса. Следовательно, здесь он признал приоритет спроса в фиксации цены. Ту же теорию образования цен на сельскохозяйственные продукты признал и Карл Маркс. Современная политическая экономия признает этот последний способ определения цен продуктов, который был в теории Рикардо слишком широким исключением, чтобы не подрывать теории, — его она признала единственным.

Соотношения рыночных цен в каждый данный момент определяются только общественными потребностями. Вследствие постоянного изменения в условиях потребления полной пропорциональности между рыночными ценами и издержками производства никогда не может быть, она мыслима лишь в фиктивном "стационарном государстве" с его "нормальными" ценами. На рынках нашей социалистической республики товары продаются, как и на всяком другом рынке, по ценам, строго соответствующим потребительным нуждам общества, но зато без малейшего соответствия со стоимостью их производства, ибо последнее у нас настолько дезорганизовано, что оно не может реагировать на указания рынка. Мало того, у нас на рынках

реализуется множество хозяйственных благ, не имеющих никакой стоимости производства, ибо их воспроизвести невозможно, но их цены вполне рационально выводятся из данного состояния общественных потребностей.

Откуда же наше социалистическое хозяйство получит свои директивы для организации производства, каким образом его руководители измерят степень напряженности общественных потребностей? Как мы видели, наш трудовой учет в лучшем случае мог бы только указать сравнительную выгодность производства продуктов в том или ином предприятии, но он совершенно бессилён дать какие-либо абсолютные указания о том, выгодно ли вообще данное предприятие или нет. Правда, в вышеприведенном случае государство могло бы решительно заявить, что кружев ему производить не приходится. Но ведь это случай исключительный. Мы взяли государство, находящееся в исключительно тягостном положении, и выбрали предмет, удовлетворяющий исключительно изысканным потребностям. В подавляющем большинстве случаев товар имеет смысл произвести при одних затратах и не имеет смысла производить при других затратах. Где же в социалистическом хозяйстве найти мерило выгоды производства?

Вопрос этот столь же остро ставится и для внешней торговли. Что покупать на иностранном рынке: муку, фасоль, сельдки или, может быть, ботинки и медикаменты? Где тот механизм, с помощью коего наш Внешторг приходит в связь с потребителями страны? Откуда он знает, что такая-то цена на товар является приемлемой, а другая цена является неприемлемой? Эти вопросы остаются без ответа¹⁷.

Марксист С.Струмили́н, который попытался вникнуть в проблему учета в социалистическом хозяйстве и который, в противоположность нам, настаивает на объективном значении трудового учета, все же вынужден был признать последний, в согласии с нашим мнением, совершенно недостаточным для регулирования социалистического производства*. Он считает необходимым ввести понятие полезности хозяйственных благ. Трудовые затраты должны распределяться в производстве в соответствии с полезностью произведенных с их помощью благ. Мы видим, таким образом, что С.Струмили́н пытается воспроизвести в социалистическом обществе как раз тот механизм, который, соглас-

---

* С.Струмили́н. Проблема трудового учета. "Экономическая жизнь", №№ 237, 284 (сноска для журнального варианта).

но воззрениям современной политической экономии, действует в капиталистическом хозяйстве. Задача им поставлена правильно. Терминология у него при этом остается марксистской. То, что он именует ценностью, в современной политической экономии именуется стоимостью, а то, что он именует полезностью, — именуется ценностью. Но это, конечно, несущественно.

Анализируя явления полезности хозяйственных благ, С.Струмулин обнаруживает в них черту, которая довольно хорошо знакома экономической науке. Оказывается, что с увеличением каждого хозяйственного блага его полезность понижается. С.Струмулин вспоминает психофизический закон Фехнера об уменьшении интенсивности реакции с повторением раздражений. Признаться, читая соответствующие рассуждения С.Струмулина, мы были удивлены, как это почтенный экономист не вспомнит про учение предельной полезности, которое и является перенесением упомянутого закона в область экономики. Или и С.Струмулин принадлежит к тем весьма обширным кругам русской интеллигенции, которые приняли "Капитал" Маркса как святой коран и, согласно формуле, приписываемой Омару, полагают, что если последующая политическая экономия повторяла "Капитал", то она не нужна, ежели же она утверждала то, чего нет в "Капитале", то она, наверно, не нужна.

Но, как бы странно ни звучали рассуждения С.Струмулина, как бы впервые открывающего истины, которые в политической экономии давно открыты, он верно поставил задачу регулирования социалистического хозяйства.

В протитовоположность нам, он уверен в том, что регулирование хозяйства вне контакта с рынком вполне возможно. Он берется априорно вычислить полезность хозяйственных благ, пользуясь известной из теории вероятностей формулой Даниила Бернулли о моральном ожидании. Он упускает из виду, что формула Бернулли относится к деньгам, т.е. к абстрактному представителю всех хозяйственных благ. Но Даниилу Бернулли не могло прийти в голову, что кто-нибудь применит его формулу для вычисления падения ценности конкретных хозяйственных благ в зависимости от их количества, например, хлеба, молока, дров, пальто и галош. Проблема изучения законов, регулирующих их потребление, поставлена недавно, и материалов по этому вопросу накоплено мало. Во всяком случае, мы знаем, что у каждого хозяйственного блага проявляется своя закономерность, что имеются хозяйственные блага с эластичным спросом и с неэластичным спросом, и, следовательно, известно лишь

то, что одной формулой нельзя объять зависимости между полезностью хозяйственных благ и их количеством. А затем С.Струмилин упустил показать, как он сведет к одной единице полезность различных хозяйственных благ; здесь придется ввести коэффициенты, которые, подобно коэффициентам при сравнении квалифицированных и неквалифицированных форм труда, останутся назвать известными именно потому, что они неизвестны.

Нас поэтому несколько не удивляет, что наша государственная власть, которая только что, по проекту С.Струмилина, признала трудовой учет обязательным, не стала дожидаться его результатов и не воспользовалась даже формулой Бернулли для априорного вычисления полезности хозяйственных благ, а, желая упорядочить государственные предприятия, предложила им ориентироваться на рынок. Правда, наш рынок организован сейчас крайне несовершенно, гораздо менее совершенно, чем при капиталистическом строе. Но все же ориентироваться на него — лучше, чем блуждать во тьме. Правда, этим наше государственное хозяйство выходит из рамок социализма, как он понимается в марксизме.

Однако, если социалистическое хозяйство не удастся наладить снизу путем рациональной организации его учета, то его налаживают сверху созданием статистически обоснованного единого хозяйственного плана. Помимо руководящих центров, в возможность решения этой задачи верит значительная часть нашей интеллигенции, и в связи с этим она жестоко нападает на власть, которая этой задачи до сих пор решить не сумела¹⁸. Вот и А.В.Чаянов уверен, что придет время и Главки вычислят, сколько социалистическому государству нужно и пшеницы, и молока, и свинины, и сколько можно сделать затрат на производство каждого из этих продуктов, и тогда он, базируясь на этих данных, будет иметь прочную почву для организации совхозов.

Нам необходимо, таким образом, рассмотреть возможность создания единого государственного плана хозяйства и его значение для регулирования социалистического хозяйства.

5. Единый план социалистического хозяйства

Единый план социалистического хозяйства есть центральная идея марксизма. Благодаря наличию такого плана социализм не только обещает унаследовать высокую технику капиталистического хозяйства, он надеется дальнейшей концентра-

цией производства и подбором наиболее совершенных типов предприятий поднять ее на высшую ступень и установить такую гармонию между производственной организацией и общественными потребностями, которая в капиталистическом хозяйстве недостижима. Марксизм, как мы указали, говорит об "анархии капиталистического производства", и он берется ее преодолеть.

Капиталистическое хозяйство развилось в результате стихийного процесса, оно не имеет субъекта, творящего его план. Государственная власть в капиталистических странах ведет, конечно, свою экономическую политику. Но последняя, отвлекаясь от совершенно исключительных моментов, представляет собою систему частичных мер воздействия на народное хозяйство, которые не задаются целью устранить в нем решающую роль частного интереса и частной инициативы. Постольку можно говорить об анархии капиталистического производства.

Но анархия, в буквальном смысле этого слова, т.е. отсутствие власти, регулирующей определенные социальные отношения, еще не предрешает того, что эти отношения находятся в хаотическом состоянии. В действительности капиталистическое хозяйство имеет свои, хотя и безличные, регулирующие силы, и последние действуют и весьма отчетливо, и весьма повелительно. Капиталистическое производство регулируется рыночными ценами.

Капиталистический строй есть строй свободной конкуренции, находящей свое проявление и на рынке предметов потребления, и на рынке средств производства. В результате свободной конкуренции между собой потребителей, стремящихся к наилучшему удовлетворению своих потребностей, и в результате свободной конкуренции производителей, нуждающихся в реализации на рынке определенного количества товаров, цена на отдельные потребительные блага устанавливается на совершенно определенном уровне, уравнивающим спрос и предложение. Эта цена соответствует предельной полезности предметов для данного общества как целого; ее высота устанавливается в зависимости от субъективных оценок и покупательных сил всех его членов.

Цены чутко реагируют на всякое изменение спроса и предложения подобно тому, как стрелка точных весов реагирует на каждое изменение нагрузки их чашек. Эти изменения могут исходить из спроса. Неожиданно подскочили ранние холода — покупатели выше оценивают свою потребность в теплой одежде; при количестве ее, заготовленном сообразно с обычными усло-

виями, конкуренция потребителей гонит цену теплых вещей вверх. Случился неурожай в какой-либо стране, поставляющей значительную часть продуктов питания на международный рынок, — цены на них растут; а так как потребность в них удовлетворяется в первую очередь, то удовлетворение менее важных потребностей откладывается, и цены на соответствующие продукты падают. Изменения в ценах могут исходить и из сферы предложения. Мы только что указали на зависимость цен сельскохозяйственных продуктов от колебаний урожаев. Обычным в капиталистическом хозяйстве является прогресс производства, позволяющий с теми же затратами производить большее количество продуктов. Последние могут быть реализованы на рынке лишь по пониженным ценам. Рыночные цены на предметы потребления определяют объем средств, которые могут быть привлечены для производства каждого из них.

Рядом с рынком предметов потребления существует рынок средств производства, на котором конкурируют между собой предприниматели. При совершенной конкуренции цена на каждое из средств производства устанавливается в соответствии с его предельной производительностью, т.е. в соответствии с тем, насколько повышает его включение в данную производственную организацию продуктивность производства.

Таким образом, устанавливается известное подвижное равновесие между потребительскими запросами и производственной организацией общества. Оно устанавливается то на тех, то на других ценах, то на тех, то на других размерах производства. Точка равновесия постоянно передвигается в зависимости от толчков, получаемых то из сферы спроса, то из сферы предложения-производства. Процесс образования цен протекает стихийно, люди, участвующие в их образовании, не исходят ни из какой теории и редко пользуются какой-либо статистикой. Ни в том, ни в другом предприниматели не чувствуют особой нужды для решения своих текущих практических задач.

И, в общем, должно признать, что этот механизм действует весьма совершенно. Несмотря на отсутствие субъекта народного хозяйства и плана его, потребности капиталистического общества удовлетворяются с величайшей регулярностью; мало того, рынок спешит удовлетворить даже самым изысканным потребностям, самым капризным пожеланиям потребителей.

Тем не менее стихийный процесс приспособления производства к потреблению в капиталистическом обществе имеет свои дефекты, выражающиеся в возникновении время от времени

перепроизводства товаров, — в невозможности реализовать на рынке товары по цене, покрывающей расходы производства. При общей тесной взаимной зависимости всех элементов народного хозяйства в странах развитого промышленного капитализма через кредитную организацию кризисы, возникающие в какой-либо важной отрасли, чаще всего в производствах, изготовляющих основной капитал, в так наз. "тяжелой индустрии", имеют тенденцию превращаться в общие промышленные кризисы; эти кризисы переносятся из страны в страну и получают мировой характер. Они разоряют капиталистов и вызывают среди рабочего класса бедствия массовой безработицы.

Маркс основную причину кризисов усматривал в неправильном распределении — в том, что положение трудящихся ухудшается и, благодаря этому, устанавливается несоответствие между быстро растущими производительными силами общества и понижающейся покупательной силой народных масс. В связи с этим Маркс ожидал, что с поступательным развитием капитализма кризисы будут все более обостряться, пока эта "анархия капиталистического хозяйства" не приведет его к окончательному крушению.

Действительность не оправдала грозного прогноза Маркса. Кризисы не препятствуют капиталистическому производству по их миновании периодически вступать в полосы расцвета, во время коих производство подымается на высшую ступень против той, которой оно достигло накануне кризиса. А затем, как раз в стране передового капитализма, в Англии, кризисы имеют тенденцию смягчаться — периоды промышленного подъема имеют тенденцию без катаклизмов переходить в периоды промышленной депрессии. Промышленный капитализм на высших стадиях развивается в пульсирующем темпе. Переживаемых послевоенных кризисов мы здесь, конечно, не имеем в виду. Явление промышленных кризисов, видимо, и привело Карла Маркса к решительному отрицанию рынка как регулятора производства¹⁹.

Система регулирования производства, предлагаемая научным социализмом, не имеет ничего общего с системой, действующей в пределах капиталистического хозяйства. Единый план социалистического хозяйства не представляет собою суммы планов отдельных предприятий, как последние разрабатываются в пределах капиталистического хозяйства, — он строится на принципиально отличных основаниях. В социалистическом обществе нет рынка. Все распределительные функции централизованы в

специальных органах, действующих согласно Госплану. Все предприятия социалистического государства работают для "общего котла" и снабжаются из "общего котла".

Продукты, в особенности поскольку речь идет о средствах производства, передвигаются в социалистическом государстве вне порядка купли-продажи — без эквивалентов. Недаром все русские исследователи социалистического хозяйства, Н.Бухарин, А.В.Чаянов, Ю.Ларин, находят в нем черты натурального хозяйства. И действительно, это уподобление следует считать правильным. Мы уподобили бы социалистическое хозяйство натуральному крестьянскому хозяйству. И в последнем имеются различные угодья, на пашне производятся различные посевы, имеются разнообразные отрасли животноводства, и все эти части хозяйства находятся между собой в самом тесном взаимодействии. Продукты сенокосов, пастбищ и полей поступают скоту; работа лошадей, навоз используются на полях, огородах и сенокосах; и все эти передачи ценностей из одной отрасли хозяйства в другую совершаются без актов купли-продажи. В крестьянском хозяйстве нет также резкой грани, отделяющей производство от домашнего хозяйства, от потребления, что характерно и для социалистического общества.

Это сравнение, на котором наши исследователи социализма как будто успокаиваются, решало бы проблему регулирования социалистического хозяйства, если бы... если бы только обе хозяйственные организации были схожи по своим размерам. Крестьянское хозяйство можно охватить здравым крестьянским умом. Но можно ли путем соответственной интуиции охватить социалистическое хозяйство не только великой России, но и какого-нибудь маленького государства?! Именно в таких случаях количественные различия переходят в качественные²⁰.

Центральный орган социалистического хозяйства, скажем, ВСНХ, чтобы привести производство в соответствие с общественными потребностями, не имея перед собой чуткого барометра рыночных цен, очевидно, вынужден будет прежде всего собрать какие-то данные, чтобы на их основании определить характер и количество предметов, нужных для удовлетворения общественных потребностей; затем ему придется учесть наличные средства производства, среди которых наибольшее значение имеет такой своеобразный и изменчивый элемент, как рабочие силы населения. После этого ВСНХ должен будет распределять наличные средства производства между основными отраслями народного хозяйства и через Главки — между отдельными предприятиями,

предполагая, что самое комбинирование средств производства в предприятиях будет производиться местными органами.

У нас вошла в обиход фраза: "Социализм есть учет". И действительно, не располагая механизмом рыночных цен, социалистическое государство должно обладать громадным и необыкновенно совершенным статистическим аппаратом, охватывающим все стороны общественной жизни, — аппаратом очень гибким и действующим непрерывно, чтобы улавливать все изменения, происходящие в этой жизни. Конечно, таким громоздким и дорогим статистическим аппаратом не обладают и самые культурные государства Запада, и, конечно, таким аппаратом не обладает и Россия. Но не будем останавливаться на этих технических трудностях и обратимся к принципиальной стороне рассматриваемого вопроса.

Априорно определить потребности общества в хозяйственных благах? Мы думаем, что у Карла Маркса эта идея возникла под впечатлением безотрадной картины положения английского рабочего класса в первой половине истекшего века, которая нарисована в знаменитой книге его друга Энгельса. Если капиталистическое хозяйство может дать рабочим только минимум средств существования, да и этот минимум, благодаря периодически наступающей безработице, не обеспечен, то рабочий класс сильно выиграет даже и в том случае, если социализм твердо обеспечит ему хотя бы только этот минимум.

Более полувека прошло с той поры, когда Фердинанд Лассаль говорил столь драматически о "железном" законе заработной платы. По целому ряду причин, среди которых сыграла роль и собственная активность рабочего класса, закон заработной платы оказался скованным из какого-то гораздо более мягкого вещества, чем железо. Трудящиеся в Западной Европе, не говоря уже про Новый Свет, давно отвыкли от того, чтобы удовлетворяться тем минимумом хозяйственных благ, который безусловно необходим для удовлетворения их элементарных потребностей. Их потребности... их не измерить, как вообще невозможно измерить потребности культурных людей. Границы им, конечно, положены, но не изнутри, а объективным фактом ограниченности покупательных средств трудящихся.

Поэтому, поскольку социализм задается целью не понизить, а повысить *standard of life* трудящихся, его задача совсем не сводится к тому, чтобы определить минимум хозяйственных благ, необходимых трудящимся. Надо создать громадную скалу хозяйственных благ, в которой они распределены в соответ-

ствии с тем, как потребители эти блага оценивают. Одни и те же блага будут фигурировать на различных ступенях этой скалы, ибо в известных количествах они безусловно необходимы, а в дополнительных количествах их значение понижается. Английский квалифицированный рабочий, член трэд-юниона, привык есть бифштекс и запивать его кружкой эля, он привык жить за городом в небольшом коттедже, сообщаясь с городом по подземной железной дороге (тюб'у), он в воскресенье выходит на улицу в черном сюртуке и шелковом цилиндре. Вероятно, что уже и в Англии рабочий, подобно его американскому собрату, теперь привыкает пользоваться "фордом". Конечно, докеры и другие чернорабочие вынуждены жить гораздо скромнее, но ведь социализм создается не для того, чтобы понизить уровень жизни рабочего класса.

Сам рабочий, конечно, знает сравнительное значение для него различных хозяйственных благ. Вероятно, от бифштекса он ни в коем случае не откажется, ни от первой кружки эля в день; вместо третьей и четвертой кружки эля он, пожалуй, предпочтет иметь третью комнату в коттедже, если он семейный; дальнейшему расширению коттеджа он предпочтет черный сюртук, праздничное платье для жены и т.д. Каждый рабочий имеет свои вкусы — культурные люди не из одного теста сделаны. И все они дают соответствующие директивы капиталистическому рынку, где бесконечно разнообразные запросы суммируются без всякой статистики.

Но как мы, служащие социалистического ВСНХ, разрешим априорно эти вопросы, какие мы имеем для этого объективные данные, коль скоро нет рынка, на котором степень напряженности соответствующих потребностей могла бы получить выражение со стороны самих потребителей. Но и априорное вычисление ственных благ, необходимых для удовлетворения самых минимальных потребностей, при отсутствии рынка не представляет из себя такой легкой задачи, как многие это себе представляют.

Начнем с пищи. Пусть статистика даст нам достаточно свежие и точные данные о численности населения, о его половом и возрастном составе, о характере его занятий. Далее физиология даст нам указания о количестве пищевых калорий, необходимых людям разного пола и возраста при различной напряженности труда. Наука указывает нам, какой в пище должен быть минимум белка; остальные калории могут быть покрыты углеводами и жирами. Зная теперь состав пищевых веществ, мы можем, следовательно, составить рацион, в котором имелось бы достаточ-

ное количество калорий, в том числе и в форме белков. Необходимо все же заметить, что все эти подсчеты весьма приблизительны, ибо количество калорий, необходимых взрослому рабочему, колеблется в очень широком масштабе в зависимости от напряженности работы, в пределах от 2,5 до 8 тыс. в день; пищевые средства имеют весьма непостоянный состав, а анализировать каждую порцию их не представляется возможности. Но главная трудность не в этом.

В 90-х годах прошлого столетия основатель современной энергетической теории питания германский физиолог Рубнер выставил такое положение: если доставлять животному с пищей минимальное количество энергии, необходимое для поддержания его функций, то организм в некоторой степени относится безразлично к тому, доставляется ли эта энергия в той или другой форме. Четверть столетия прошло с той поры. Энергетическая теория питания сохраняет, конечно, свое значение, но в нее внесено множество дополнений. Организму, как это давно известно, необходим известный минимум белков, но оказывается, что белки белкам рознь, — есть белки полноценные и есть белки неполноценные, но и без первых обойтись нельзя. В пище обязательно должны заключаться и лецитины, и нуклеины, и мало исследованные витамины. Далее оказалось, что и жиры жирам рознь. Поэтому и при достаточном количестве пищевых калорий, и даже при достаточном количестве белков, можно все-таки довести население до массовых заболеваний цынгой.

Нам, может быть, возразят, что если ВСНХ во всеоружии науки не может подобрать соответствующего рациона и не может дать надлежащих директив производству, то как же сумеет это сделать обыватель? Но последнему никакая наука не нужна, он чувствует состояние своего желудка и своего организма и, следуя своему инстинкту, говорит, что ему что-то очень хочется мяса, или яиц, или творога, или морковки. А инстинкт его не обманывает. И при наличии рынка эти запросы на нем суммируются, и получают надлежащие директивы производству, гораздо более правильные, чем может дать физиология со статистикой вкуче.

Но задача определения потребности в пищевых продуктах не самая трудная. Кто возьмется вычислить, сколько нужно населению Петрограда дров для избавления его от страданий от холода? Если мы воспользуемся старыми нормами, то они явно неприменимы теперь, когда приходится согревать отдельные квартиры и даже отдельные комнаты в опустевших домах или в до-

мах, которые по всей своей конструкции приспособлены к центральному отоплению. Новых же норм нет. Да и как социалистическое общество может выверить свои априорные нормы, когда нет механизма, выражающего напряженность потребности обывателей в дровах?

С определением норм для одежды обстоит еще хуже, ибо, сколько бы мы ни настаивали ввиду тяжелого положения республики на том, что граждане вправе от нее требовать удовлетворения лишь своих минимальных потребностей, в этой области невозможно отделить необходимых потребностей от условных, конвенциональных. Пусть уже мы, мужчины, помирились бы на самой элементарной одинаковой одежде, но могучий инстинкт не позволит женщинам помириться с таким положением. В условиях свободного менового хозяйства женщина урежет себя в пище, чтобы придать известный эстетический оттенок своей одежде. Вправе ли наша республика даже в том тяжелом положении, в каком она сейчас находится, подавить этот инстинкт? Мы думаем, что нет. Но производством какого количества необходимых предметов республика должна пожертвовать для удовлетворения минимальных потребностей женщин в украшениях: в лентах, в кружевах, в перьях?!

Нам скажут: разве государство и при капиталистическом строе не берется по определенным нормам удовлетворять потребностям известных групп населения, и разве оно с этой задачей не справляется вполне удовлетворительно? Перед нами самый разительный пример — содержание громадных армий. Но в данном случае задача до чрезвычайности упрощена. Мы имеем здесь комплекс людей одинакового пола и возраста, исполняющих однородную работу и размещаемых вместе. Вся эта масса обзрима, с ней поддерживается тесный контакт, и последствия того или другого способа ее содержания — на виду. И, в конце концов, даже прекрасно содержимый солдат считает себя несчастным, если он не имеет денег. Это значит, что он исключен из менового общества, это значит, что он лишен минимальной свободы в удовлетворении своих потребностей.

В момент, когда коммунизм находился у нас в апогее своего развития, у нашей государственной власти мелькала мысль, что в столь же однородные условия могут быть поставлены ее граждане. Отсюда опыты создания домов для рабочих, практика механических вселений и уплотнений, коммунальные столовые. Однако проделанные опыты были мало удачны. Этой программы провести до конца не удалось, ибо ее предпосылкой

должна была бы быть отмена моногамного брака, чего последовательно и требовала гр. Коллонтай, но на это наша власть не пошла. Но если бы даже наша власть в этих экспериментах дошла до их логического конца, она в лучшем случае создала бы счастье... "сытой казармы".

Итак, даже во всеоружии теоретической науки и громадного статистического аппарата социалистическое государство не в силах измерить, не в силах взвесить потребностей своих граждан, а в связи с этим оно не может дать надлежащих директив производству. Но все же не в этом заключается самая слабая сторона социалистического хозяйства — она заключается в его стремлении централизовать в руках своей бюрократии все распределительные функции.

В условиях свободного менового хозяйства каждое предприятие непрерывно отстаивает себя в борьбе за существование. Ему постоянно нужны новые материалы; ему надо обновлять свой основной капитал, его рабочие должны есть каждый день, и используемый в нем капитал должен отбрасывать прибыль. Средства для этого оно добывает себе само от народного хозяйства, вынося свои продукты на рынок. Если эти продукты имеют ценность в народном хозяйстве, если производительность предприятия высока, то рынок даст предпринимателю достаточно средств в форме всеобщего эквивалента. На вырученные деньги он сам приобретет материалы, обновит машины, оплатит рабочих и служащих; а их остаток составит его прибыль, и при достаточных размерах он часть ее может употребить на расширение производства. Если его предприятие доказало свою жизнеспособность, народное хозяйство открывает предпринимателю кредит, позволяющий ему расширить производство за пределы того, что ему позволил бы его собственный капитал. Наоборот, если производительность предприятия низка, средств, вырученных на рынке от реализации продуктов его, будет недостаточно для продолжения производства; это для него *emento mori*, — народное хозяйство не позволяет растрачивать несовершенной производственной организацией своих средств. Словом, развитие каждого капиталистического предприятия стоит в точном соответствии с его производительностью.

В социалистическом хозяйстве мы имеем принципиально отличное положение: между производительностью предприятия и его питанием прямой связи здесь нет. Мы имеем здесь два акта: первый — продукт предприятия поступает в "общий котел", и второй — из "общего котла" предприятие получает необходи-

мые ему средства для дальнейшего производства. Круговорот хозяйственных благ не совершается в социалистическом обществе на основании совершенно регулярных, закономерных актов купли-продажи, не зависящих от взглядов отдельных участвующих в них лиц, а определяемых рыночными конъюктурами. В головах некоторых служащих ВСНХ акт поступления продуктов в "общий котел" и акт поступления оттуда средств производства для продолжения предприятия могут быть приведены в связь. Но связь эта весьма неопределенная.

Если бы даже социалистическое государство и предложило служащим ВСНХ руководиться соответствием этих двух актов, то они не в состоянии ее констатировать по указанной уже причине — за отсутствием в социалистическом хозяйстве ценностного учета. Данный совхоз предоставил в общий котел столько-то ведер молока, столько-то пудов мяса, столько-то пудов зерна. Сколько же он за это вправе получить пудов улучшенных семян, минеральных удобрений, концентрированных кормов, голов улучшенного скота, прозодежды, топлива и т.п.? Попытка решить эту задачу, сделанная нашим авторитетным специалистом в области экономии сельского хозяйства А.В.Чаяновым, не состоятельна, — таково мнение не только наше, но и марксистов. Она несостоятельна, ибо, как мы показали, в пределах безрыночного хозяйства эта задача неразрешима.

Итак, если бы даже служащие ВСНХ стояли твердо на принципе, что питание предприятия должно соответствовать его производительности, если бы даже они имели возможность взять на себя гигантский труд изучения каждого из бесчисленных предприятий, с которыми они имеют дело, то, в конце концов, мы не могли бы им дать объективного критерия для оценки этих предприятий. Все будет зависеть, и не может не зависеть, от их усмотрения. А вместе с тем большой простор открывается для различных политических влияний на экономическую жизнь, которые в социалистическом государстве, где политическая власть окончательно слита с экономической, должны и без того проявляться сильнее, чем в каком бы то ни было другом обществе. Поэтому даже в социалистическом государстве, находящемся в очень трудном экономическом положении, остатки средств могут растрачиваться на такие предприятия, которые совсем не являются целесообразными, а вызываются иными соображениями власти.

А между тем и положительная оценка ВСНХ того или другого экономически здорового предприятия далеко не обеспечивает

его нормального развития. Заведывание распределением отдельных продуктов и средств производства в порядке разделения труда необходимо поручить отдельным учреждениям — Главкам. Перед каждым из них конкурирует целый ряд предприятий, и все они конкурируют бумагами и словами, которые ведь дешево стоят в противоположность тому, что происходит в капиталистическом хозяйстве, где конкурируют деньгами. Все требуемые средства производства комплементарны, только вкупе они делают продолжение производства возможным, и надо, чтобы во всех Главках по данному предприятию состоялись одинаковые заключения и с соответственным численным их выражением. Задача эта бесконечно более сложна, чем она была в капиталистическом хозяйстве, где в худшем случае приходилось делать ту или другую надбавку при приобретении того или другого средства производства. Не удивительно поэтому, что стройное функционирование предприятия в социалистическом государстве есть не правило, а исключение. У семи нянек дитя без глазу... Единогласно признано, что Грозненский нефтяной район функционирует лучше других, и наличие такого убеждения не помешало району остаться без продовольствия. Кто сомневается в том, что астраханские рыбные промыслы в России — важнейшие? Тем не менее они остались без сетей, и миллионы пудов рыбы пропали, так как нижегородским кустарям, искони изготавливающим сети, не был предоставлен материал для их плетения. Скажут, что это неналаженность. Но может ли что-нибудь подобное случиться в совершенно неналаженном, анархическом капиталистическом обществе? Конечно, нет. Имея такой драгоценный продукт, как нефть, предприниматель, конечно, всегда найдет хлеб для тех, кто ее добывает. Точно так же скупщик сетей всегда найдет для своих кустарей материал; в худшем случае он заплатит лишний золотой рубль за пуд пеньки, который астраханский промышленник ему, конечно, возместит²¹.

Разница эта обусловлена, конечно, не тем, что в капиталистическом обществе хозяйством руководят более интеллигентные и более добросовестные люди, чем служащие ВСНХ, а тем, что формы экономической организации здесь принципиально различные. Оказывается, что у социалистического хозяйства, в действительности, нет никакого механизма для координирования каждого отдельного производства с народным хозяйством.

Отсюда и получилось то обстоятельство, что только те предприятия сохранили в РСФСР свою жизнеспособность, которые, несмотря на громы и молнии Главков и Центров, а они

были далеко не картонные, не утрачивали своих связей с вольным рынком и заботились о самоснабжении, не полагаясь на милость Главков и Центров²². Мало того, в конце концов эти предприятия, не питавшиеся государством из "общего котла", давали и государству больше, чем состоящие у него на полном содержании.

Нам могут сказать: а разве в самом капитализме не замечаются тенденции к централизации? Ведь социализм в сущности делает дальнейшие шаги в том же направлении, в каком развивался и капитализм. Действительно, Standard Oil Company распоряжается всей североамериканской нефтяной промышленностью, а стальной трест — всей металлургией. Недаром, в подражание американцам, слово "трест" стало теперь излюбленным в нашей социалистической практике. Однако между капиталистическим трестом и социалистическим остается принципиальное различие в организации. Капиталистический трест все-таки ориентируется на рынок, социалистический же его отрицает. Капиталистический трест реализует свой товар на рынке и в порядке свободной конкуренции с другими предприятиями привлекает рабочих, закупает двигатели, орудия, металлы и т.п. Он отличается от других капиталистических предприятий лишь иным способом формирования цен на свои продукты. Но и эти цены не определяются односторонне, по произволению треста. За всяким повышением цены продукта следует сокращение спроса и, следовательно, повышение расходов, падающих на единицу продукта. Поэтому образование треста не предвещает еще фиксации цен на высоком уровне. При более дальновидной политике тресты часто понижают цены ниже нормы, наиболее выгодной для них в данный момент, чтобы приучить более широкие слои населения к пользованию данным продуктом, чтобы предупредить распространение конкурирующего продукта. Итак, тресты не только по своим целям, но и по своей экономической организации имеют мало общего с социализмом²³...

Мы могли бы на этом месте закончить наше исследование. Совершенно очевидно, что экономическая система, которая не располагает механизмом для приведения производства в соответствие с общественными потребностями, несостоятельна. Стремясь преодолеть "анархию капиталистического производства", социализм может повергнуть народное хозяйство в "суперанархию", по сравнению с которой капиталистическое государство являет собой картину величайшей гармонии²⁴. Но мы могли бы на этом остановиться лишь в том случае, если бы марксизм пред-

ставлял из себя научную теорию и больше ничего. В действительности же марксизм в качестве экономической программы стал преобладающим лозунгом величайшего общественного движения современности... Это обязывает нас рассмотреть марксизм и с других существенных точек зрения.

6. Проблема распределения и социализм

Прочтя настоящее заглавие, каждый социалист скажет, что проблема распределения имеет интерес только в обществе, в котором владеющие классы под видом ренты и прибыли присваивают себе продукт чужого труда, но такой проблемы нет и не может быть в пределах социалистического общества, ибо рабочий получает в нем полный продукт своего труда.

Однако действительно ли социалистическое общество может выплачивать рабочему полноценный продукт производства без всяких отчислений в счет используемых им в процессе труда природных сил, поскольку они даны в ограниченном количестве, и капитала? Не приведет ли такой порядок к нелепостям и даже... к несправедливостям? Исследуем.

Социалистическое общество посылает две группы рабочих на два рудника. Обе они трудятся одинаково усердно и искусно и наламывают одинаковое количество руды. Но из одной руды добывают железо, а из другой платину. И в социалистическом обществе платину будут ценить выше, чем железо. Будет ли социалистическое общество платить каждой группе в соответствии с произведенными ими ценностями?

Возьмем другой случай. Социалистическое общество предоставляет двум равночисленным группам сельскохозяйственных рабочих два участка. Они проработали год с одинаковым усердием и искусством, а в результате, вследствие разнокачественности участков, на одном из них получилось в 1,5 раза больше продуктов, чем на другом. И в социалистическом обществе 1,5 пуда зерна ценятся выше, чем 1 пуд. Будет ли социалистическое общество платить обеим группам рабочих в соответствии с произведенными ими ценностями?

Нам возразят, что платиновый рудник следует использовать интенсивнее, чем железный, и плодородный участок — интенсивнее, чем малоплодородный, и тогда предельной затрате труда будет соответствовать продукт одинаковой ценности. Но ведь это не меняет элементарного факта, что группа рабочих на плати-

новом руднике в целом вырабатывает больше ценностей, чем группа рабочих на железном руднике, и что группа рабочих на плодородном участке в целом вырабатывает больше ценностей, чем на малоплодородном. В связи с этим в пределах капиталистического общества при одинаковой оплате труда и капитала на платиновом руднике осаждается большая рента, чем на железном, а на плодородном участке большая, чем на малоплодородном.

Вернемся теперь к уже использованному для другой цели примеру производства канатов на фабрике и в кустарных мастерских. На фабрике группа рабочих произведет больше канатов и, может быть, лучшего качества, чем такая же группа рабочих, трудящихся столь же усердно и искусно в кустарных мастерских. И в социалистическом обществе канаты ценятся пропорционально их количеству и в соответствии с их качеством. Будет ли в данном случае социалистическое общество платить обеим группам рабочих в соответствии с ценностью продукта производства?

Ответы на поставленные вопросы не возбуждают сомнений. Очень последовательные социалисты могут, пожалуй, отмахнуться от поставленных нами вопросов заявлением, что они вообще не считают нужным ставить вознаграждение рабочего в зависимость от результатов того производства, в котором он работает. Однако последовательное проведение этого принципа невозможно. И русский коммунизм первоначально сильно тяготел к принципу "работать по способностям и получать по потребностям". Но наша власть скоро признала губительное влияние этого принципа на интенсивность труда и вынуждена была перейти к системе премиальной оплаты труда, а затем и к системе коллективного снабжения, имеющей целью привести оплату труда в еще более строгое соответствие с его результатами. Но если социалистическое общество, подобно капиталистическому, вынуждено дифференцировать вознаграждение трудящихся, то очевидно, что оно будет это делать в соответствии с продуктивностью труда лишь постольку, поскольку последняя определяется его интенсивностью и проявленным искусством, а не постольку на нее влияют природная обстановка и большее или меньшее обилие оплодотворяющего труд капитала. Но тогда и в пределах социалистического общества в продукте производства приходится различать долю, которая должна быть вменена (нельзя не согласиться с П.Б.Струве, что соответствующий термин австрийской школы, «zugerechnet», чрезвычайно удачен) труду, и доли, которые должны быть вменены природной обстановке и капиталу. В капиталистическом обществе последние две доли

именуются рентой и прибылью; если эти два термина неприятно звучат для социалистического уха, то можно было бы придумать какие-нибудь новые термины, но ведь существо дела от этого не изменилось бы. Нам приходится вспомнить тот вывод, к которому мы уже пришли при изучении проблемы трудового учета: "тот факт, что производство представляет собою всегда взаимодействие трех факторов: труда, капитала и природы, — имеет свое значение и при социалистическом строе и не позволяет себя игнорировать". **Итак, прибыль и рента являются не историческими, а логическими категориями хозяйства**²⁵.

Мы чувствуем, что в этом пункте наши экономические воззрения коренным образом разошлись с воззрениями не только коммунистов и социалистов, но всей мыслящей русской интеллигенции, которая вся воспитана на традициях научного социализма. Ведь и покойный Туган-Барановский, который первый на столбцах марксистского органа "Современный мир" позволил себе развить теорию предельной полезности, в этом отношении остался верным научному социализму — прибыль и ренту он признал историческими категориями капиталистического хозяйства. Ввиду этого мы опасаемся, что наши читатели не легко помирятся с нашими выводами и будут чутко прислушиваться к возражениям против них. Это обязывает нас войти в их рассмотрение. Попытаемся проследить возможные зигзаги экономической мысли, направленные к тому, чтобы порвать цепь наших умозаключений.

Для защиты концепции научного социализма, вероятно, выдвинуто будет такое его толкование. Маркс, будто бы, совсем не утверждал того, что ценность данного продукта определяется именно трудом тех рабочих, которые участвовали в его создании. Маркс утверждал только, что все ценности, произведенные в определенный промежуток времени в народном хозяйстве, должны быть рассматриваемы как продукт труда рабочего класса в целом. В связи с этим и каждого рабочего следует считать производящим при нормальном усердии и умении известную среднюю ценность, независимую от природной обстановки и от степени оплодотворения труда капиталом. Мы могли бы из 1-го тома "Капитала", в котором товары всегда фигурируют как "кристаллизованный труд", привести достаточно цитат в пользу более реалистического истолкования экономической теории Маркса, и мои оппоненты, наверно, сумели бы из 3-го тома "Капитала" привести достаточно цитат в пользу своего более абстрактного истолкования теории Маркса. Нам представляется, что, хотя

экономические концепции 1-го тома теперь устарели, но они отличаются большой отчетливостью, последовательностью и потому имели большое значение для развития науки. Наоборот, концепции 3-го тома "Капитала" и менее ясны, и более расплывчатые, а потому имеют меньшую научную ценность. Они являются выражением того, что под конец жизни Маркс поколебался в своей реалистической концепции 1-го тома, пытался ее смягчить, но не был уже в состоянии коренным образом переработать своих воззрений, а потому, надо полагать, не мог закончить разработки своего труда. Но, впрочем, я не начетчик в Марксе и готов положиться на своих оппонентов, что абстрактная концепция более соответствует общему духу марксизма. Однако это несколько еще не колеблет наших выводов.

Рабочие двух социалистических республик трудятся с одинаковым усердием и умением, но труд в одной республике мало оплодотворен капиталом, а в другой им обильно оплодотворен. Результаты труда, конечно, различны. Чему должна быть вменена разница в продуктивности труда?

Рабочие двух социалистических республик трудятся одинаково усердно и умело, и труд их в одинаковой степени оплодотворен капиталом. Но одна республика располагает только залежами посредственного бурого угля, бедными металлом железными рудами, малопродуктивными супесчаными почвами и совсем не располагает хорошими естественными гаванями; а другая республика располагает прекрасными антрацитами, богатыми металлом железными рудами, плодородными суглинистыми почвами и прекрасными естественными гаванями. Результаты труда будут в обеих республиках, конечно, различны. Чему должна быть вменена разница в продуктивности народных хозяйств обеих республик?

Наши теоретические конструкции могут воплотиться в жизни в очень конкретных фактах, и мы можем быть поставлены перед задачами весьма актуального порядка.

Представим себе, что всемирное торжество социализма совершилось. Но и после этого, конечно, останутся народы бедные капиталом и богатые капиталом. Представим себе, что разоренный русский рабочий обратится к английскому с просьбой дать ему паровозы, машины, орудия, удобрения и с обещанием через 25 лет вернуть весь этот капитал или соответствующий эквивалент. Процент на капитал есть результат эксплуатации. И, может быть, русские рабочие, горячие марксисты, убедят не любящих теорий англичан, что пролетариям брать проценты, да еще с про-

летариев, — нехорошо. Однако такая победа русской точки зрения могла бы иметь для русского рабочего класса весьма печальные последствия. Мы опасаемся, что тогда английские рабочие скажут своим русским товарищам: "Конечно, капитал вам нужнее, чем нам. Но и мы лишним капиталом не располагаем. Вот американские товарищи имеют каждый по автомобилю, а у нас автомобильные фабрики не оборудованы. Мы начали расселяться в городах-садах, и это дело еще очень далеко от своего завершения, и приходится жить в старых мрачных городах, напоминающих горькие времена капитализма. Неужели нам отложить на целое поколение удовлетворение этих наших нужд? Ведь не забудьте, товарищи, что это ведь капиталы не буржуазии, а наши пот и кровь". Мы предоставляем марксистам найти возражения против этих слов английского рабочего народа, ибо мы ничего возразить против них не умеем. Очевидно, что после всемирной социальной революции будет одно из двух: или международная циркуляция капитала прекратится — к громадному ущербу не только для производительных сил человечества, но и для успехов его культуры, — или в международных отношениях категорию процента на капитал пришлось бы признать правомерной, что бы о ней ни говорил Маркс.

Теперь мы можем себе представить и другую картину. Будет день — и английский рабочий народ обратится к русскому с такими словами: "Вот у вас, товарищи, есть сибирские леса. Использовать их, как следует, вы не можете — у вас нет ни капиталов, ни квалифицированных рабочих, ни организаторов. Разрешите нам эти леса использовать!" И с большим правом, чем в предшествующем случае русские рабочие, англичане могли бы прибавить, и даже не ссылаясь на слова великого учителя: "Не вы, русские товарищи, эти леса растили, сами выросли, и, пожалуй, не пристало вам и требовать вознаграждения за их использование". Но вероятнее всего, что практичным англичанам, еще не изжившим глубоко в них вкоренившихся традиций капиталистического строя, такие мысли в голову не придут, и они попросту предложат своим русским товарищам определенное рентное вознаграждение за использование лесов, от которого последние, по всей вероятности, ..не откажутся²⁶.

Итак, тот метод исследования, на который мы вступили, ввиду возможных возражений со стороны наших оппонентов оказался особенно плодотворным, ибо он дает возможность отвлечься от классовых отношений, которые своим влиянием на нашу эмоциональную сторону обычно затемняют вопрос. Логиче-

ский характер ренты и прибыли, как категорий всякой хозяйственной деятельности, в интернациональных отношениях выступает с особой отчетливостью.

Если бы мои предполагаемые оппоненты из лагеря научных социалистов не нашли достаточных доводов против выдвинутых нами здесь положений, то применительно к прибыли они наверное сказали бы, что если она есть логическая категория хозяйства, то в конце концов она должна быть отчислена труду, ибо ведь капитал есть продукт труда. Однако мы не можем согласиться и с этим утверждением научного социализма.

Отвлечемся опять от затемняющих вопрос социальных отношений. Две социалистические республики – в одинаковых природных условиях, с одинаковыми запасами капитала, с одинаково усердным и умелым рабочим классом. Между ними только одно отличие. Рабочий класс одной республики сохранил, в качестве наследия от капиталистического строя, столь распространенное в последнем качество – предусмотрительность. Благодаря этому оказывается, что в каждый новый год он вступает, не только сохранив старый капитал, но и приумножив его. Рабочий класс другой республики, наоборот, страдает некоторой непредусмотрительностью. В связи с этим к концу года его капитал оказывается не только не приумноженным, но даже сократившимся. Если так будет продолжаться несколько лет, то рабочий класс первой республики будет богатеть: он будет и лучше удовлетворять своим потребностям, и ему все легче будет приумножать свой капитал. Наоборот, рабочий класс другой республики, трудясь столь же усердно и умело, будет беднеть; и даже если нужда его обучит благоразумию, то, вследствие низкой производительности обедневшего капиталом народного хозяйства, поправить его состояние будет очень трудно. Конечно, богатая, но мирная социалистическая республика не придет с дредноутами, цепелинами и дальнобойными пушками, чтобы империалистически подчинить свою бедную соседку, как это нередко случалось при капиталистическом строе. Надо полагать, что, насытив капиталом свое собственное хозяйство, она его избытки предложит за известный процент своей обнищавшей соседке и... пущенным на проценты капиталом она выручит из беды дружественный народ, впавший в бедность по собственному легкомыслию.

Приведенный пример, который мы намеренно поставили так, чтобы отвлечься от социальных отношений, нам с отчетливостью показывает, что, хотя труд, конечно, является необходимым фактором всякого производства, а следовательно и произ-

водства капитала, все же само по себе производство, а следовательно и труд, капитала не творит. Для создания и даже сохранения капитала необходимо еще что-то... может быть, воздержание? Но термин этот остроумно высмеян Лассалем с помощью картины толпы капиталистических аскетов с Ротшильдом во главе, которые своим "воздержанием" творят главные массы капитала. Для тех, кто накапливает капитал из скромного дохода, этот акт действительно требует воздержания, но, чем доход обширнее, тем термин этот становится менее подходящим, ибо в этих случаях для накопления капитала требуется только благоразумие, расчетливость²⁷. Английские экономисты пустили в обращение более объективный термин – "ожидание" (waiting). Но дело не в термине, нам важно было показать, что капитал есть особая категория хозяйственной жизни, происхождение коей не сводится просто к труду, – к производству.

Очевидно, что в своем протесте против индивидуального присвоения ренты и прибыли научные социалисты зашли слишком далеко, отрицая ренту и прибыль как логические категории хозяйства, а вместе с тем отрицая особое от труда и производства происхождение капитала. Между тем никакая рациональная организация хозяйства невозможна без распределения произведенных ценностей на три категории: заработную плату, прибыль и ренту.

Мы сделали длинный теоретический экскурс. Но мы вернулись из него с ценными выводами, конечно, не для марксистской доктрины, но для практического социализма. Уже опыт русской революции доказывает, что попытка коммунизма сделать вознаграждение за труд независимым от его результатов приводит неминуемо к параличу энергии трудящихся. В настоящее время наша республика стремится привести вознаграждение за труд в возможно строгое соответствие с результатами труда. В этих условиях совершенно невозможно держаться той точки зрения, что трудящиеся в данном производстве могут претендовать на весь его продукт. В особенности же с того момента, когда наша республика, прорывая марксистскую концепцию социализма, разрешает отдельным фабрикам реализовать свои продукты на рынке ("разбазаривать" их, как ворчат твердокаменные марксисты), вопрос приобретает актуальное значение. Вправе ли рабочие национализированной табачной фабрики реализовать на рынке в свою пользу весь продукт за вычетом, конечно, той его части, ценность коего должна покрыть амортизацию капитала, или нет? С марксистской точки зрения

ответ должен быть утвердительный, с развиваемой нами точки зрения ответ должен быть отрицательный. Если капитал принадлежит республике как совокупности трудящихся, если производительность труда зависит от капитала, то она вправе требовать от рабочих вознаграждение за то, что она предоставила им возможность использовать свой труд на фабрике, она вправе требовать процента на капитал. А если бы республика предоставила рабочим землю, то она вправе за нее требовать ренту²⁸.

Еще явственнее выступает практическая несостоятельность марксистской доктрины в условиях нашей новой экономической политики — при сдаче в аренду национализированных фабрик. Если рабочим по праву должен принадлежать весь продукт производства, то достаточно того, что им посадили на шею эксплуатирующего их предпринимателя. На каком же основании республика требует еще от предпринимателя арендный платеж, который, конечно, ограничивает возможный заработок рабочих? Для рабочих является еще недостаточным утешением тот факт, что наша республика рабочая, ибо фонд рабочего класса не есть все-таки доход данной группы рабочих.

С нашей точки зрения, взимая арендный платеж с предпринимателя, республика рабочих нисколько не обижает. Но чтобы ближе разобраться в размерах этого платежа, нам необходимо расчленить капиталистическую прибыль. С точки зрения современной политической экономии она не представляет из себя склада "прибавочной ценности", она делится на следующие довольно определенные элементы: вознаграждение за капитал, вознаграждение за риск, субъективный и объективный, и предпринимательский доход. Очевидно, что республика имеет право на вознаграждение за капитал и за субъективный риск, а частью и за объективный риск; предпринимательский доход и отчасти вознаграждение за объективный риск должны быть предоставлены предпринимателю. Марксизма в такой организации, конечно, нет ни крупинки, но элементы социализма, в более широком смысле²⁹, имеются, ибо общество сохраняет за собой нетрудовые доходы, к которым предпринимательский доход не может быть целиком причислен.

А надо признать, что и рента, и проценты на капитал очень и очень пригодятся социалистической республике. Прежде всего социалистическое государство ведь фактически несет на себе главный риск производства, и при малейшей непредусмотрительности оно свой капитал может загубить. И еще важнее то, что вся конструкция социалистического общества такова, что она уни-

вает у его членов всякий интерес к сбережениям³⁰; этим она подрывает в корне столь могучий при индивидуалистическом строе процесс капиталообразования. Таким образом, социалистическое общество должно взять на себя тяжелое, может быть, непосильное, бремя расширенного воспроизводства. И само собою разумеется, что социалистическое общество обязано удовлетворять коллективным потребностям своих граждан, в особенности их культурным нуждам, во всяком случае в более широком масштабе, чем они удовлетворяются в капиталистическом обществе, где культурные нужды в значительной части удовлетворяются за частный счет и по частной инициативе. Не из одних налогов же собирать нужные для всего этого средства. Налоги легче собирать в капиталистическом обществе, где значительная часть доходов концентрируется у небольшой группы населения, и их труднее собирать в обществе, где они уравнилельно расплелены.

На эту необходимость делать из заработной платы отчисления для целей расширенного воспроизводства и для культурных нужд государства указал в одном из своих писем и Маркс. Но он не дал указаний на тот принцип, на основании коего эти отчисления в совершенно определенном количестве могли бы быть правомерно произведены.

Наши выводы о природе прибыли и ренты имеют значение также и для родственного социализму кооперативного движения³¹. Кооперация пока еще живет теориями научного социализма, и это при соприкосновении с рабочим вопросом ставит ее в весьма двусмысленное положение.

Одной из важнейших очередных задач для потребительской кооперации, а отчасти и для других ее видов, является широкое развитие собственного производства. Эта задача имеет большое значение не только для кооператоров, но и для рабочего класса, ибо кооперативное движение, конечно, будет предпочтительно строиться на экономии высокой заработной платы и будет оказывать благоприятное влияние и на положение рабочих в капиталистическом производстве. Но идеология современного социализма до крайности запутывает отношение кооперации к работающим в ее предприятиях служащим и рабочим.

В этом отношении очень характерны рассуждения покойного М.И.Туган-Барановского, кооператора и социалиста*... "Весь продукт, производимый на фабрике потребительного общества, — говорит он в полном согласии с учением Маркса, —

---

* М.И.Туган-Барановский. Социальные основы кооперации, стр. 170–181.

создан рабочими, прямо или косвенно принимавшими участие в производстве. Потребительное общество, давшее фабрике капитал, ни малейшим образом не создавало прибавочного продукта и, значит, может претендовать на возвращение из полученного продукта лишь той его части, которая соответствует по своей ценности затраченному капиталу. Но если так, то для чего потребительному обществу устраивать фабрику? Если оно вернет себе только затраченный капитал, то устройство фабрики будет для общества бесполезно". Вывод Туган-Барановского из сделанной марксистской посылки не только в основе правилен, он даже смягчен. Эта фабрика несомненно вредна для потребительного общества, ибо отвлекает его средства и подвергает их риску. Противоречие здесь получается неизбежное, и в конце концов Туган-Барановский приходит к довольно грустному для кооператора и научного социалиста выводу: "Кооператив не может вознаграждать занимаемых им рабочих согласно принципу возвращения им полного трудового продукта". После этого довольно жалким является самоутешение автора, что кооператив будет применять высшие из норм вознаграждения труда, практикуемых в капиталистических предприятиях, т.е. что он будет лишь умеренно эксплуатировать трудящихся у него рабочих и служащих. Согласно взглядам современной политической экономии, потребительское общество имеет уже во всяком случае полное право оставить за собой и процент на капитал, и вознаграждение за риск, и предпринимательский доход, и, прибавим, на доходы потребительного общества, полученные от капитала, действительно сколоченного воздержанием скромных тружеников, меньше всего вправе претендовать не только рабочие, но и общество в целом.

Если, таким образом, и в социалистическом обществе продукт производства должен быть распределен на заработную плату, на которую могут претендовать рабочие, и на прибыль и ренту, которые должны быть отчислены в пользу заменившего капиталиста государства, то практическое разрешение этой задачи при отсутствии рынков на предметы потребления и на средства производства в пределах марксизма невозможно. В капиталистическом хозяйстве эта задача решается в стихийном процессе конкуренции предпринимателей на рынке средств производства. Притом дело не идет ни для земли, ни для капитала, ни для труда о выработке каких-то средних. Для каждого участка назначается своя рента³², для каждой вещной формы капитала – своя quasi-рента и для каждой формы труда соответствующая данным усло-

виям заработная плата. Каждое средство производства при совершенной конкуренции оценивается в соответствии со своей предельной производительностью. В социалистическом обществе, если бы мыдаже опирались на действующий рынок потребительных благ, чего в данном случае нет, мы все же не сумели бы выполнить этой задачи вменения с тем же совершенством, как она выполняется в стихийном процессе.

Другое дело – условия, создаваемые новой экономической политикой. Раз воссоздается рынок продуктов потребления, а государство воссоздает и рынок на средства производства, то, хотя и в малосовершенной форме, но все же стихийный процесс вменения опять восстанавливается.

Защищая положение о ренте и прибыли как логических категориях всякого хозяйства и о специфическом происхождении капитала, мы не хотели бы взять на себя ответственности за вывод, который делают из них многие экономисты, – о полной и безусловной правомерности индивидуального присвоения земли и капитала, бесконтрольного ими распоряжения и индивидуального присвоения ренты и прибыли³³. И после признания выдвинутых положений этот вопрос еще подлежит особому рассмотрению. Против приведенных выводов могут быть выдвинуты и после принятия наших положений серьезные возражения. Пусть теперешнее распределение дохода является следствием указанных нами объективных фактов, определяющих производительность труда, но самое это распределение исходит из данного крайне неравномерного распределения собственности, которое имеет свои исторические корни не столько в экономической жизни, сколько в политическом преобладании высших классов, а в глубине веков – прямо в насилии и грабеже. А затем производительность земли и капитала есть результат политического и культурного развития общества, а не заслуга землевладельцев и капиталистов. Ведь совсем не далеко от нас то время, когда земля без прикрепленного к ней населения не имела никакой цены, а капитал не только не давал дохода, а требовал расхода для своего сохранения. Вот почему в известной мере общество как целое может смотреть на землю и на капитал как на свое достояние и может претендовать на известное участие в отбрасываемых этими факторами доходах³⁴. Эта правовая идея выношена 19-м столетием, на ней строится современная социальная политика, которая не может основываться только на целесообразности, а должна иметь под собой и известное правосознание. Наша критика, конечно, не направлена против этой

идеи, выстраданной 19-м веком, мы не защищаем принцип «laissez faire, laissez passer», мы боремся только против системы, которая стремится с корнем уничтожить основную движущую силу европейской цивилизации — принцип хозяйственной свободы. К рассмотрению вопроса об отношении социализма к этому принципу нам предстоит теперь перейти.

7. Хозяйственная свобода и социализм

”Социализм есть скачок из царства необходимости в царство свободы”, — так утверждают Энгельс и Маркс.

Для того, чтобы попасть в католический рай, приходится пройти через чистилище; для того, чтобы вступить в социалистическое царство свободы, надо пройти через диктатуру пролетариата. Таким образом, скачок социального переворота приводит нас пока что только к диктатуре.

В каком отношении стоит диктатура пролетариата к принципу личной свободы, явствует из самого понятия диктатуры³⁵ и иллюстрировано русским опытом. Совершенно безнадежны попытки Каутского и русских меньшевиков затемнить этот простой и ясный вопрос сближением марксистской диктатуры пролетариата с демократией. Маркс, конечно, умел различать эти два понятия, и если он применил термин ”диктатура” для характеристики политического режима эпохи, переходной от капитализма к социализму, то он сделал это не «pour éparer le bourgeois»: он для этого слишком серьезен.

Но режим диктатуры, по марксистской концепции, только временный. Правда, Н.Бухарин в своей ”Экономике переходного времени” нас убеждает, что дело перестройки общества на новый лад потребует не отдельных лет, а десятки лет³⁶, и русский опыт как будто говорит за то, что этой перестройки не следует делать слишком стремительно.

Но, как бы там ни было, рано или поздно, когда диктатура пролетариата окончательно уничтожит классовое расчленение общества, она себя самое упразднит. Мало того, согласно учению Маркса, тогда начнется и отмирание самого государства. Научный социализм утверждает, что государство есть организация классового господства, — и только. В демократии через государство осуществляется власть буржуазии над пролетариатом, подавление первым классом второго; при диктатуре пролетариата с помощью государства осуществляется обратная задача. Но раз классов больше нет, то становится излишним и государство. В социалисти-

ческом обществе нет больше власти людей над людьми, остается только организация производства — власть людей над вещами, над природой. Социализм, хотя совершенно иными путями, ведет общество к тому же блаженному безгосударственному состоянию, к которому призывает его и анархизм.

Вся эта конструкция безгосударственного состояния, однако, при ближайшем рассмотрении возбуждает глубокое недоумение. Действительно ли в социалистическом обществе осуществляется только власть человека над вещами, над природой?.. Скажем, что в пределах буржуазного общества мне принадлежит дом. Не ясно ли, что речь здесь идет не об отношении моем к физическому телу, к дому? Речь здесь, очевидно, идет о юридических отношениях меня и моих сограждан по поводу дома. "Мне принадлежит дом", — это значит, что никто из моих сограждан без моего разрешения им пользоваться не может. Но ведь совершенно такой же правовой характер сохраняют аналогичные отношения и в пределах социалистического общества. Вместо домовладельца здесь выступает общество как целое, которое через свои правомочные органы распоряжается домом, и отдельные граждане помимо этих органов распоряжаться им будут не вправе.

Точно так же и организация производства не обнимает только отношений людей к природе. Если нечто подобное можно сказать об изолированном крестьянском хозяйстве, то такое утверждение является чрезвычайно странным по отношению к социалистическому хозяйству. Последнее строится на крупном производстве, оно предполагает сильнейшую дифференциацию и обширную интеграцию труда граждан, оно предполагает строжайшее координирование всех отраслей народного хозяйства. Очевидно, социалистическое общество требует от своих сограждан во всяком случае не меньшей дисциплины, чем капиталистическое. И в нем устанавливаются весьма сложные взаимоотношения между гражданами на почве неизбежной между ними иерархии в процессе производства. Затем нет оснований рассчитывать, что в сознании каждого гражданина его интерес отождествится с интересом общества. А раз общество связано сложными правовыми отношениями, раз возможны антагонизмы, если не между классами, то между гражданами, и между ними и обществом в целом, то должна существовать и принудительная организация — государство, которое бы своим авторитетом поддерживало данный строй правовых отношений. Если только люди после утверждения социализма не претворятся в ангелов, то наш вывод едва ли можно оспаривать. Таким образом, и

для социалистического общества идея безгосударственного существования является мечтой. Конечно, формы принуждения могут стать весьма мягкими, но ведь к этому стремится, и не совсем безуспешно, и современное демократическое государство.

Мы не бросим социализму упрека за то, что он не в состоянии осуществить обетований Маркса о безгосударственном бытии. Но зато мы не можем просто положиться и на обещание научного социализма осуществить царство свободы; мы должны рассмотреть, имеются ли для этого в социализме соответствующие экономические предпосылки.

Рассмотрим, насколько социализм совместим с принципом хозяйственной свободы, и остановимся на трех ее элементах: на свободе хозяйственной инициативы, на свободе организации потребления и на свободе труда.

Свобода хозяйственной инициативы имеет ценность для личности, но едва ли не большую ценность она имеет для общества. Исключительно широкое развитие производительных сил капиталистического общества стоит в теснейшей связи с принципом свободной конкуренции. В условиях свободного менового хозяйства никакая производственная организация не имеет монополии на исполнение в пользу общества тех или других хозяйственных функций. Каждая организация может быть вытеснена другой, исполняющей соответствующие функции совершеннее, дешевле. И на этом строится прогресс народного хозяйства.

Нетрудно видеть, что условия для проявления свободной инициативы в социалистическом обществе гораздо менее благоприятны. Прежде всего, при более или менее уравнительном вознаграждении за труд отпадает значительная часть тех стимулов, которые возбуждают в капиталистическом мире дух предприимчивости. Конечно, научные открытия делаются не из корыстных мотивов, а из неугасимого устремления человеческого духа к истине. В изобретениях научный интерес уже отодвигается на задний план, и практические мотивы имеют большее значение. Но непосредственно хозяйственную жизнь двигают ведь не ученые, ни даже изобретатели. — ее двигают организаторы-практики. Их задача состоит не в научных открытиях, не в изобретениях и обычно даже не в практическом использовании последних. Их задача состоит в том, чтобы найти самую удачную комбинацию факторов производства для создания того или другого продукта с наименьшими затратами; она состоит в том, чтобы отыскать новые, более дешевые, или совершенные средства для удовлетворения потребностей или, чтобы наметить вновь назревающую

общественную потребность, найти дешевые способы ее удовлетворения. Имея дело в большинстве случаев с материальными потребностями людей, предприниматели не могут сами руководиться идеальными устремлениями – их влечет к деятельности жажда обогащения³⁷.

Этот интерес в социалистическом обществе отпадает – он противоречит его эгалитарному духу. Но, если бы даже предприимчивость в социалистическом обществе все-таки не заглохла, ей все же трудно было бы добиться каких-нибудь результатов, ввиду полной бюрократизации хозяйственной жизни. Скажут, что социалистическое общество постарается поставить во главе своих предприятий возможно более талантливых организаторов, которые будут с величайшим вниманием относиться ко всем предлагаемым новшествам. Однако ведь и социализм не может гарантировать от nepoтизма, а отсутствие ценностного учета до крайности затруднит оценку делаемых предложений высшими должностными лицами³⁸. Но даже при самом удачном замещении высших постов большую опасность представляет то, что каждое новшество должно быть оценено только в определенном месте. И во сколько раз капиталистическое хозяйство является в этом отношении более сильным, благодаря тому, что капиталисты конкурируют друг с другом, и их взаимная конкуренция заставляет их с жадностью хвататься за каждую удачную новинку³⁹. Да и новатор может сам обладать капиталом или может достать кредит для осуществления своей идеи.

Социалистическая организация хозяйства, если бы ей наконец удалось отлиться в устойчивые формы, отличалась бы громадным консерватизмом и инерцией. Ничего, подобного вечно изменчивой хозяйственной жизни капиталистического общества, социалистическое общество не представляло бы.

Если социализм не дает простора для проявления инициативы в сфере производства, то в еще меньшей степени он в состоянии обеспечить свободу в сфере потребления. Уже из того, что социализм организует производство не руководясь проявлением воли потребителей на рынке, вытекает его тенденция к авторитарному распределению хозяйственных благ. Правда, значительная часть марксистов противопоставляет себя – как социалистов в специальном смысле – сторонникам авторитарного распределения хозяйственных благ – как коммунистам. Однако можно показать, что между социализмом и коммунизмом, в рассматриваемом смысле, имеется глубокая внутренняя связь. Маркс и Энгельс недаром назвали свой знаменитый манифест

коммунистическим, и действенная русская социал-демократическая партия недаром к моменту социального переворота переименовалась в коммунистическую.

Марксисты, не приемлющие коммунизма, представляют себе, что социалистическое государства будет платить своим гражданам за труд бонами, в обмен на которые они могли бы себе свободно выбирать хозяйственные блага. Однако, раз цены устанавливаются независимо от рыночных запросов, то между спросом и предложением не может быть равновесия. На одни хозяйственные блага цены будут слишком низки, и спрос на них превысит предложение, а на другие хозяйственные блага цены будут слишком высоки, и спрос на них отстанет от предложения. Очевидно, что было бы нелепо первые предоставить тем, кто их случайно раньше захватит, а вторые оставить гнить на складах. И те и другие остается авторитарно распределить⁴⁰.

Могут сказать, что такое несоответствие между спросом и предложением будет только кратковременным, что в последующих производственных циклах производство приспособится к спросу. Однако в капиталистическом обществе, в котором такое приспособление составляет жгучий интерес предпринимателей, равновесие спроса и предложения достигается только путем постоянного и подчас значительного колебания цен. Как же можно надеяться, что гораздо более тяжеловесное социалистическое хозяйство сумеет устанавливать равновесие спроса и предложения при неизменных ценах? Авторитарное распределение хозяйственных благ является, таким образом, необходимой чертой социализма как системы, отрицающей рыночное регулирование цен. В Советской России имелась еще и другая добавочная причина, вынуждавшая скрупулезное распределение хозяйственных благ, — это крайнее истощение страны, в которой средства существования имелись в обрез. Но при сохранении социалистического строя этот порядок распределения пришлось бы сохранить и в том случае, если бы стране удалось выйти из состояния крайнего истощения; только пайки стали бы тогда не столь скудными.

Авторитарное распределение хозяйственных благ отрицает право на свободное удовлетворение потребностей. Авторитарное распределение хозяйственных благ — это значит, что я обязан есть то, пусть прекрасно изготовленное, блюдо, которое мне предлагает наша коммунальная столовая; это значит, что я не вправе выбрать ту мебель, которая мне по душе; это значит, что

молодая барышня обязана надеть не ту шляпку, которая ей к лицу.

Но авторитарное распределение хозяйственных благ отрицает свободное удовлетворение не только наших материальных потребностей, но и наших высших духовных потребностей, ибо и они нуждаются в материальном субстрате⁴¹. И здесь необходимо подчеркнуть, что тот социализм, который себя от коммунизма отгораживает, будь он даже осуществим, в лучшем случае мог бы обеспечить свободное удовлетворение элементарных потребностей, но никак не высших. Если все печатное дело находится в руках государства, то довольно трудно себе представить, чтобы оно стало печатать интересующие гражданина произведения метафизической философии, когда оно их в лучшем случае считает бесполезными, или чтобы оно стало строить церкви, когда государственная власть относится к религии отрицательно*.

Авторитарное распределение хозяйственных благ точно так же, как и бюрократизация хозяйственной жизни, не только ограничивает до крайности свободу граждан, оно понижает также производительность народного хозяйства. Если мы известное количество хозяйственных благ распределим авторитарно среди определенной группы людей, то их потребности будут хуже удовлетворены, чем в том случае, если бы им предоставили возможность свободно распределить эти блага между собою, сообразно своим дифференцированным потребностям⁴². Хозяйственные блага являются таковыми, в конце концов, не сами по себе и даже не в меру того, сколько на них затрачено труда, как полагают марксисты, а единственно постольку, поскольку они удовлетворяют наличным потребностям людей. Раз данная организация распределения плохо обеспечивает удовлетворение этих потребностей, то это равнозначительно понижению производительности народного хозяйства⁴³.

---

* "Лопай, что дают!" — этим лаконическим афоризмом из чеховской "Жалобной книги" С.Струмилин охарактеризовал в конце 1920 года на столбцах "Экономич. Жизни" действовавшую в России систему распределения; тем же чеховским афоризмом я уже три месяца до того охарактеризовал в своем устном докладе коммунистическую систему распределения. Такое поразительное совпадение не только в оценках, но и в способе их выражения двух столь разномыслящих экономистов свидетельствует о том, что указанное изречение и должно было бы красоваться в качестве мотто на увлекательных статьях г. Ларина в защиту натурализации заработной платы и отмены денежного обращения — двух основ системы распределения.

К этому остается добавить, что наш русский опыт с достаточной ясностью доказал, что авторитарное распределение хозяйственных благ — это самая громоздкая, самая дорогая система распределения, какую себе только можно представить⁴⁴.

Если русские социалисты-большевики в момент социальной революции правильно уловили связь между социализмом и коммунизмом, в указанном смысле слова, то внутренняя связь социализма с принудительной организацией труда осталась для них неясной до конца. Необходимость прибегнуть к принудительной организации труда возникла для господствующей партии совершенно неожиданно в процессе строительства социализма, и она склонна была считать эту организацию временной мерой, связанной с военными условиями. Только один из наиболее решительных и последовательных вождей русского коммунизма интуитивно уловил указанную связь и принял ее. А между тем нетрудно видеть, что связь социализма и коммунизма с принудительной организацией труда необходима, а не случайная.

В свободном меновом хозяйстве при недостатке товара цена на него повышается, а при избытке — понижается. Движение товарных цен находит себе отражение в уровне заработной платы в различных отраслях народного хозяйства, и это вызывает передвижение труда из одних отраслей в другие в соответствии с общественными потребностями. Но в социалистическом обществе колебания в спросе на товары не отражаются на их ценах, а вознаграждение рабочих подчинено эгалитарному принципу. Таким образом, социалистическое хозяйство не располагает механизмом, вызывающим спонтанное распределение труда в соответствии с общественными потребностями, но так как такое распределение все же необходимо, то остается его установить принудительно. Трудармии являются, конечно, идеальной организацией труда в условиях социализма⁴⁵.

Надо ли в XX-м столетии доказывать, что принудительный труд является менее производительным, чем свободный труд?⁴⁶

Вопрос о политической свободе выводит нас за пределы нашего исследования, но он после сказанного и без того ясен. Научный социализм утверждает, и по нашему мнению с полным основанием, что публично-правовые институты не могут висеть в безвоздушном пространстве, что у них должен быть экономический фундамент. Капиталистическое общество декларировало права человека и гражданина, и эта декларация прочно связана с его экономическими устоями: с свободной конкуренцией, с свободным потреблением, свободой труда и, больше всего,

с принципом частной собственности. Пока указанные экономические устои будут стоять прочно, до тех пор будет сохранять свое значение и декларация прав человека и гражданина⁴⁷. За отсутствием экономических предпосылок индивидуальной свободы в социалистическом обществе, в нем не может быть речи о политической свободе, и наши коммунисты с полной последовательностью ее отрицают как институт буржуазного общества.

Правда, социализм в утешение утверждает, что и в пределах капиталистического общества под формальной свободой таится фактическое отрицание, насилие экономически сильным над экономически слабым. В социалистической критике капиталистической свободы не все правда, но много правды. Именно на этом основании современные демократии от буржуазного принципа «laissez faire, laissez passer» отреклись; в свободный меновый строй введено много корректив, усиливающих позицию экономически слабых, и еще много корректив предстоит ввести. Но, конечно, дело личной свободы не выиграет от того, если она будет отменена и с формальной стороны, и по существу*.

Нам остается рассмотреть, в чем заключается смысл слов Энгельса и Маркса о социализме как "царстве свободы". Ведь это не случайно оброненная фраза, это одна из основ их учения об обществе будущего.

Смысл слов Энгельса и Маркса таков. Процесс развития капиталистического общества стихийный. Каждый член общества участвует в формировании отношений капиталистического хозяйства, и, тем не менее, они выступают и перед обществом, и перед личностью как нечто объективно данное, независимое и от воли личности, и от воли общества. Каждый фабрикант в периоды

---

* Несовместимость социалистического строя с индивидуальной свободой была очевидна для всех, кто пытался серьезно вдуматься в его конструкцию, исходя даже из посылок научного социализма. К этому выводу пришли не только известные противники социализма, Герберт Спенсер и Евгений Рихтер, но к такому же выводу, к огорчению и себя, и своих читателей, пришел и горячий апологет социализма, пропевший ему свою лебединую песню, М.И.Туган-Барановский. "Централизация социалистического государства, — говорит он, — предполагающая строгое подчинение личности велениям центральной власти, передачу этой последней всей хозяйственной инициативы и всей ответственности за правильный ход процесса общественного хозяйства, не соответствует идеалу наибольшей свободы личности" ("Социализм как положительное учение", стр. 83). Конечно, апологет социализма выражается мягко.

промышленного оживления участвует в подготовке промышленного кризиса, который в свое время больно ударит его самого, и, тем не менее, он ничего не может изменить в своем поведении, и капиталистическое общество в целом не в состоянии предупредить грядущего промышленного кризиса. Постольку капиталистическое хозяйство есть царство необходимости.

В социализме общество берет свою судьбу в свои руки. Оно организует свое хозяйство по единому рациональному плану; в нем действуют не стихийные силы, а воля общества. В нем нет неожиданностей, ибо процесс хозяйственного развития регулируется волей общества. Постольку социализм есть царство свободы.

К сожалению, Маркс и Энгельс не занимались более углубленно исследованием того строя, к революционному осуществлению коего они призывали. Таким образом, и идея "царства свободы" осталась ими не разработанной. Попытаемся ее проанализировать.

Очевидно, что социалистическое общество не есть царство свободной личности. Наоборот, эта личность лишается всякой свободы во имя того, чтобы общество за то свободно располагало своей судьбой. Но через какой же орган общество осуществляет свое свободное самоопределение? Очевидно, через государство. Мысль Маркса о безгосударственном бытии социалистического общества должна быть решительно отброшена. Именно в социализме государство является во всемогуществе и политической, и экономической власти. Не прежнее монархическое государство Запада, не современное демократическое государство, а социалистическое есть тот Левиафан Гоббса, который без остатка поглощает личность⁴⁸.

Но если социалистическое государство настолько всемогуще, то проблема организации власти, которой научный социализм совсем почти не занимался, имеет первенствующее значение для социализма. В настоящее время коммунизм полагает, что он, в согласии с некоторыми идеями французского синдикализма, нашел новые принципы организации власти, которые дадут возможность правильнее выявлять народную волю, чем она выявляется в западных демократиях. Пишущий эти строки не специалист в государственном праве и не решается высказывать по этому вопросу каких-либо суждений. Но одно ему известно: вожди революций от 1789 по 1848 год относились к задаче создания государственной власти, точно отображающей народную волю, с величайшим пафосом, которого коммунисты в проблему

организации власти не вкладывают. От этой власти они ждали тех «miracles de la république», о которых любил говорить Робеспьер. И в процессе творчества этой власти оказалось, что проблема выявления народной воли оказывается гораздо сложнее, чем ее себе сначала представляли. На этом поприще человечество уже постигло много разочарований. Давно ли социалист Фердинанд Лассаль возлагал самые пылкие надежды на всеобщее избирательное право? А теперь государственное устройство, основанное на этом принципе, подвергается со стороны коммунистов самым жестоким нападениям; власть, основанная на всеобщем избирательном праве, по их мнению, оказывается не властью народной, а властью финансового капитала.

Лишив личность всех ее прав и отдав ее в полное распоряжение государства, питают ли социалисты, со своей стороны, уверенность, полную уверенность в том, что проблема народной власти ими решена? Ведь они поставили ставку гораздо более серьезную, чем современная демократия. Последняя, организуя по-своему государственную власть, не приносила ей в жертву личности, наоборот, она стремилась возможно вернее обеспечить ее права. Будем помнить, что история знает много разбитых иллюзий, и настоящий проект организации коммунистической власти через испытания истории еще не прошел.

Уверенность коммунистов основывается, впрочем, не на механизме конструкции власти, а на характере социальной среды, на которой она строится. Раз классы уничтожены, то нет опасности, что привилегированное меньшинство захватит власть над большинством. Наоборот, если классовое расчленение общества налицо, то никакой механизм, вплоть до всеобщего тайного голосования, не предупредит вырождения демократии в олигархию.

Но существует ли у коммунистов уверенность в том, что в социалистическом обществе, в верхах коего экономическая власть над производительными силами народа достигает максимальной концентрации, существует ли у них уверенность, что в таком обществе возникновение классовых противоречий невозможно? История ведь знает столько случаев, когда в среде экономически не дифференцированного общества, возникшего на развалинах прежней иерархии, эта дифференциация все-таки наступала. И если олигархия завладеет подобной всемогущей властью, то какова же будет судьба социалистического общества?⁴⁹ И эта ставка ставится во имя осуществления единого плана социалистического хозяйства, принципы коего, как мы показали, в сущности, неизвестны.

Но мы чувствуем, что мы подошли со своей аргументацией к глухой стене. Есть два мирозозерцания, между которыми не может быть никакого соглашения, никакого компромисса. Согласно одному из них, человечество стремится к конечному блаженному состоянию, строение этого блаженного состояния известно, и соответствующий механизм остается только осуществить идеалистическим подвигом. В новом обществе, в котором идеал уже осуществлен, свобода личности не нужна, ибо ей нечего творить в совершенном обществе. Зачем нужна свободная личность блаж. Августину в его «*civitas Dei*», и зачем она нужна Карлу Марксу в его социалистическом обществе?

Но есть и другое мирозозерцание. Нет никакого конечного блаженного состояния. Механизм осуществления рая на земле неизвестен. Надо в каждую эпоху решать конкретно те задачи, которые ставит жизнь. Человечеству можно указать лишь самые общие директивы для его устремлений, и ему можно заранее сказать, что каждое его достижение будет сопровождаться возникновением новых противоречий, постановкой новых задач.

Счастье человечества заключается именно в вековечном устремлении. Источником вековечного движения вперед человечества является творческая человеческая личность. И великим преимуществом современной европейской цивилизации перед всеми предшествовавшими цивилизациями является то, что она это познала. Идея свободы человеческой личности родилась еще в бурях Реформации, когда Лютер перед синклитом могущественнейших светских и церковных владык произнес свои великие слова: «*So denke ich, und anders kann ich nicht*». Для тех, кто стоит на почве такого мирозозерцания, принцип свободной человеческой личности есть верховная ценность, это наш последний критерий. Этого нашего первородства мы не продадим за утопию земного рая, ибо в нем святой талисман европейской цивилизации⁵⁰.

Интеллигенция в истории Европы естественно являлась первым борцом за свободную человеческую личность, за нее она всходила на костры, принимала муки и гибла в тюрьмах. Если вдуматься в те психологические силы, которые толкали и русскую интеллигенцию, едва ли не в большей своей части дворянского или буржуазного происхождения, на штурм самодержавия, то мы найдем, что и здесь в основе ее революционных порывов была, не всегда осознанная, тоска по личной свободе, негодование против рабства. В погоне за свободой она опиралась то на те, то на другие социальные слои, силы которых

определяли ее поражения и ее победы. Та часть интеллигенции, которая в пылу борьбы во имя интересов определенного класса отказывается от принципа свободной личности, изменяет своему назначению. Пусть решит история, даст ли она этой жертвой народу счастье⁵¹.

Мы далеко отошли от нашей основной экономической темы. Таков уж вопрос об экономической свободе – он неразрывно связан с общим вопросом о свободе человеческой личности⁵².

8. Субъективные моменты в социалистическом хозяйстве

Многие социалисты утверждают, что при оценке социалистического хозяйства необходимо считаться с чрезвычайной повышенной производительностью труда его рабочих, являющейся следствием устранения антагонизма между ними и предпринимателями. Сам Маркс предусматривал влияние нового строя на психологию рабочих, хотя не представлял себе этого влияния моментальным. Но в будущем он предвидел, что гражданин социалистического общества станет настолько социальным существом, что откажется от требования того, чтобы его вознаграждение соответствовало его труду, он примет истинно коммунистический принцип: "каждый (работает) по способностям, каждый (получает) по потребностям". С этой социальной психологией Маркс связывал и идею безгосударственного бытия общества.

Однако нет никаких оснований полагать, чтобы социальный переворот сам по себе мог благоприятно повлиять на интенсивность труда рабочего. Предшествующая социальному перевороту обостренная классовая борьба может иметь свои положительные психологические влияния на рабочий класс, вызывая чувства классовой солидарности и даже самопожертвования, но она не может усилить внимания и любви рабочего к его производственной деятельности. Если социальный переворот устраняет в производстве антагонизм между предпринимателем и рабочим, то с переходом производства в руки общества еще не достигается отождествления в сознании рабочего его интересов с интересами общества. "Рабочий на государственной фабрике, – говорит М.И.Туган-Барановский*, – не имеет никаких мотивов развивать более чем среднюю энергию труда и

---

* Социализм как положительное учение, стр. 88.

давать более среднего количества трудового продукта". Социальная революция, сметая прежнюю иерархию, не может не расстроить прежней трудовой дисциплины. Социалистическому государству приходится затрачивать немало усилий на то, чтобы эту дисциплину восстановить, и для этого ему, в общем, придется вернуться к той же иерархической организации крупного производства. Попытка навязать рабочему классу немедленно после революции коммунистический принцип "каждый по способностям, каждому по потребностям" может лишь самым пагубным образом повлиять на производительность труда; наша республика имеет в этом отношении достаточно горький опыт, и сейчас она всячески стремится к тому, чтобы установить самое строгое соответствие между вознаграждением за труд и его интенсивностью.

Но не только немедленно после социального переворота нельзя ожидать коренных перемен в психологии трудящихся, но и принципиально в процессе экономического строительства необходимо исходить из того, что человек в своей экономической деятельности руководится эгоистическими мотивами. Наша республика немало потерпела от того, что она хотела этот принцип игнорировать. Поддерживая силу этого основного принципа классической политической экономии и в пределах социалистического общества, мы совсем не отрицаем значения альтруистических чувств в социальной жизни. Но бескорыстие и даже самопожертвование люди проявляют в высшей творческой работе, в борьбе за ценности, которые они признают нетленными (хотя бы другие со стороны и считали их фикциями), и, наконец, в своей интимной жизни. Но ошибочно ожидать от людей, чтобы они бескорыстно изо дня в день пекли хлеб, тачали сапоги или шили платье и даже не для ближних, а для дальних, которых они, может быть, не знают и не видят. Русский пролетариат проявил исключительный запас героизма в борьбе за свой общественный идеал, но за станком он работал с напряжением, соответствовавшим получаемому вознаграждению. И титаны человеческого духа не иначе регулировали свою экономическую деятельность. Спиноза писал свои трактаты из глубокой душевной потребности, он написал бы их и в том случае, если бы ему грозила за это тюрьма, но стекла он, конечно, гранил за вознаграждение. И я не задену ничего религиозного чувства, если скажу, что создатель религии любви за свою проповедь принял крестную смерть, но, если он раньше был плотником, то плотничьи работы он исполнял за вознаграждение, — это так, если в нем было человеческое естество. Только отрицая основные законы человеческой

природы, можно строить экономическую жизнь, не исходя из указанного положения политической экономии. Прогресс культуры выражается в том, что рабочий относится со всей добросовестностью к взятым на себя обязательствам. Это достижимо и в пределах капиталистического общества и достижимо, конечно, и в пределах социалистического общества.

После того, как экспансивные надежды на то, что социалистическая организация производства вызовет громадный подъем производительности народного хозяйства, не только не оправдались, но выяснилось обратное, многие и правые, и левые социалисты, с довольно легким сердцем, готовы ответственность за неудачу сложить на рабочий класс: не то он оказался неподготовленным, не то его захлестывает окружающая мелкобуржуазная стихия, на которую в социалистической литературе обязательно все собаки вешаются. Однако мы позволяем себе усомниться в том, чтобы неудачи нашего социалистического строительства можно было поставить в счет психологии рабочего класса. Конечно, после социального переворота никаких чудес не случилось, но вольно было их ожидать. Если же производительность труда рабочего класса упала до минимума, то это соответствовало неблагоприятным объективным условиям — полной дезорганизации народного хозяйства и, в частности, тяжелым продовольственным условиям. Но принципиально нет никаких оснований сомневаться в том, что рабочий будет трудиться за станком социалистического государства не менее усердно, чем за станком капиталиста.

Но если строительству социалистического хозяйства грозит опасность в субъективных моментах, то она лежит не в психологии рабочего класса, а в психологии организаторов производства.

Характерной чертой научного социализма является односторонний взгляд на процесс производства как на процесс механического труда. Громадной роли торговца в капиталистическом обществе марксизм совершенно не признает, для марксизма он паразит. Не признает он значения и экономического организатора производства, для него он специалист по откачиванию прибавочной ценности. И даже роли технического организатора производства марксизм недооценивает⁵³.

В соответствии с таким взглядом на процесс производства участь многих экономических и даже технических организаторов его была после русской социальной революции весьма печальна. Технических руководителей предполагалось заметить коллегиями сознательных рабочих, а прежних экономи-

ческих организаторов — интеллигентами, более или менее знакомыми с "Капиталом" Маркса. Только на горьком опыте власть убедилась, что дело не так просто. Изгнанные были экономические и технические организаторы были реабилитированы, объявлены спецами и возвращены на свои места⁵⁴.

Тем не менее, мы не можем ждать ни от старых, ни от новых спецов той полезной работы, которую они давали капиталистическому обществу. Успех производства зависит, главным образом, от его организации не только технической, но и экономической; решающее значение имеет бережное отношение к основному капиталу, экономия на материалах, удачная комбинация капитала и труда, отыскание надлежащих источников сырья и подходящих рынков сбыта — и без этих предпосылок не поможет самый усердный и умелый труд рабочих. Этой высоко ответственной роли организаторов соответствует психология предпринимателя в капиталистическом обществе. На него падает риск предприятия, и он первый выигрывает от его успехов. Отсюда громадное напряжение его воли. Его труд никем не нормируется — он определяется потребностями дела.

Совершенно не такова психология экономического организатора в социалистическом государстве. Здесь он чиновник и не больше. Если он даже и получает несколько лучшее вознаграждение, чем рабочий, на что социалистическое общество по эгалитарным соображениям идет с трудом, то это добавочное вознаграждение не имеет значения для стимуляции его труда. Риск предприятия лежит не на нем, а на государстве, он мало теряет от неудачи и ничего не выигрывает от удачи. А отсутствие ценностного учета почти изымлет его из контроля⁵⁵. Он добросовестно отбыл свои 6 или 8 часов в конторе и считает свой долг исполненным. А ведь для экономического творчества нужна не формальная исполнительность.

Многие неудачи нашего социалистического строительства стоят в явственной связи с дефектами в психологии руководителей. Собрали у крестьян миллионы пудов картофеля — и сгнили; привезли дрова — их разворовали. Можно быть уверенным, что если предприниматель в пределах капиталистического общества возьмется поставить картофель или дрова, то картофель у него не сгниет, и дров у него не разворуют. Не так-то легко он позволит у себя урвать ту прибыль, из-за которой он хлопочет, и зубами он будет отбивать покушение на свой капитал. На митинге рабочие пожаловались, что купленная Внешторгом обувь оказалась плоха. Представитель Внешторга объяснил, что мы

пролетарии, не купцы, американские капиталисты нас и надули. Рабочие отнеслись к этому заявлению с пролетарским добродушием. Капиталистический строй этого пролетарского добродушия не знает: купец, который позволяет себя надуть, не долго проторгует, и нет для него извинения.

Не только для организации производства у советского служащего не хватает энергии и активности; даже для такой, казалось бы, более простой задачи, как охрана капитала, эта психология оказывается столь же несостоятельной. И здесь нужен, и очень даже нужен, хозяйский глаз, и когда его нет, то рушатся дома, тонут суда, ломаются станки и разворовываются материалы.

Нет, если для строительства социализма имеются трудности субъективного порядка, то они лежат никак не в психологии рабочего класса, они лежат в психологии его экономических организаторов. Стимулы, которые им может дать эгалитарное социалистическое общество, не соответствуют ответственности лежащих на них задач. А между тем, при громадной концентрации всех экономических функций в руках государства ответственность экономических организаторов в социалистическом обществе воистину колоссальна, она больше, чем в капиталистическом обществе.

9. Социализм и сельское хозяйство

Мы до сих пор исходили из того предположения, что еще до наступления социального переворота, в процессе естественного развития капитализма, произойдет объединение всего производства в очень крупные предприятия, которые и будут национализированы. В обрабатывающей промышленности, действительно, проявляется сильная тенденция к концентрации производства, и относительное значение мелкого производства падает. Тем не менее абсолютное значение мелкой промышленности повсюду еще весьма значительно, а национализация мелких предприятий, как показывает наш опыт, ведет к их гибели — к немалому ущербу для народного хозяйства.

Если, таким образом, и в промышленности процесс национализации производства встречает затруднения, то в сельском хозяйстве он сталкивается с непреодолимыми трудностями. Ничего подобного быстрому процессу концентрации производства в сфере сельского хозяйства не наблюдается. Существует только одна страна, Англия, в которой сельское хозяйство организовано

капиталистически; и этот результат получился как продукт эволюции аграрных отношений в минувшую эпоху, в условиях, коренным образом отличных от современных. Но и в Англии все же имеется около 1/2 миллиона хозяйств, и там хозяйство в 100 дес. считается очень значительным, и никаких тенденций к дальнейшей концентрации сельскохозяйственного производства там не замечается. На континенте Европы и, в частности, в России, почти повсюду первенствующее значение имеет мелкое производство, основанное преимущественно на использовании труда крестьянина и его семьи. Даже в Соединенных Штатах, где промышленный капитализм достиг такого колоссального развития, даже в этой стране трестов и миллиардеров господствует мелкая форма сельскохозяйственного производства, в которой наемный труд играет лишь второстепенную роль. Правда, площади американских ферм больше площадей крестьянских хозяйств Европы, но это объясняется экстенсивным характером американского сельского хозяйства.

Экономисты спорят о степени дифференциации крестьянства, о том, происходит ли нивелировка его или дальнейшая дифференциация. Спор этот представляет большой интерес для выяснения вопроса о том, имеет ли социальная революция почву в деревне. Марксисты доказывают, что на сторону социальной революции можно привлечь не только сельскохозяйственных рабочих, которые слишком малочисленны и рассеяны, а также и беднейшие слои крестьянства. Действительно, в русской социальной революции массы крестьянства играли самую активную роль, хотя мы думаем, что это не результат его сильной дифференциации, а общинного уклада его жизни, и мы думаем, что в деревне собственников идея социальной революции будет иметь под собой гораздо менее благодатную почву.

Но для нас сейчас важнейшее значение имеет вопрос о результатах социальной революции. А в этом отношении не может быть двух мнений. Обаяние собственного хозяйства у беднейшего крестьянина, а отчасти и у сельскохозяйственных рабочих, настолько велико, что целью этого крестьянства может быть только расширение своего хозяйства за счет крупного. Таким образом, результатом социальной революции в деревне может быть только разрушение капиталистического сельского хозяйства и полное распыление производства.

Что же может сделать социалистическое государство с этими миллионами мельчайших хозяйств? Как оно может эту мелкобуржуазную стихию усложить в рамки планового хозяйст-

ва? Подтолкнуть их возможно скорее слиться в крупные коллективные хозяйства? Если бы этот процесс имел шансы на успех, то он во всяком случае потребовал бы громадного промежутка времени. Но на чем основаны в данном случае надежды на успех? Ведь при всем громадном развитии сельскохозяйственной кооперации она нигде на свете еще не привела к возникновению коллективных хозяйств.

Полная производительная кооперация не может похвастать успехами в сфере промышленности, хотя усилий в этом направлении сделано достаточно. Можно даже с известным основанием утверждать, что идея государственного социализма родилась в связи с неудачами производительной кооперации. Потому ли производительная кооперация в сельском хозяйстве должна иметь особенный успех, что самые выгоды крупного производства в сельском хозяйстве сомнительны? Или потому, что кооперирование сельскохозяйственного производства требует кооперирования и домашнего хозяйства, что, в свою очередь, связано с своеобразными трудностями? Наши опыты искусственного создания колхозов, конечно, не могли дать ничего положительного.

Остается для вовлечения крестьян в плановое хозяйство рассматривать их как батраков⁵⁶, сидящими на государственной земле, обязанными вести хозяйство под диктовку власти и обязанными сдавать весь продукт государству. Но это значит оставить мелкое хозяйство при всех его слабых чертах и лишиться его единственного преимущества — личной заинтересованности трудящегося в результатах его труда.

Мы не убедились в том, что социалистическое государство в состоянии организовать промышленность, но овладеть ею оно может, это предсказывал Маркс, и это подтвердила наша революция. Совершенно иначе обстоит с сельским хозяйством. Социальная революция в деревне не содержит в себе ни крупицы социализма, она не только не приближает сельского хозяйства к социалистическому идеалу, наоборот, она отбрасывает его от него неизмеримо далеко.

А между тем, если примириться с этой "мелкобуржуазной стихией", если удовлетворить ее органическому требованию свободного обмена, то, в особенности в аграрной стране, этим вся система социалистического хозяйства — система планового распределения хозяйственных благ в государственном масштабе — взрывается⁵⁷.

10. Заключение

Мы стоим перед удивительным зрелищем: социалисты, убежденные социалисты, у которых слово не расходится с делом, которые ни перед чем не останавливались для торжества своей идеи, — собственными руками уничтожают следы своего творчества и, заменяя строй гармонический, чуждый эксплуатации, строим анархическим, построенным на эксплуатации⁵⁸, ждут именно от последнего увеличения ресурсов республики и улучшения экономического положения трудящихся. Мы видим, как социалисты усиленно приглашают в страну иностранный капитал, чтобы он собирал у нас ту прибавочную ценность, уничтожение которой они считают своим призванием.

Как объяснить это странное явление?

Правое крыло социализма на это отвечает: "Тут нет ничего удивительного. Этот печальный результат мы предвидели. Маркс говорил, что социальная революция может иметь успех только тогда, когда все предпосылки для социалистического строя готовы, а в России, в стране крестьянского хозяйства, этих предпосылок не было".

Такая точка зрения может быть оправдана буквой учения Маркса, может быть подкреплена кое-какими цитатами из него, но едва ли она соответствует его общему духу.

Промышленный капитализм получил в России умеренное развитие, он не привлек к себе на службу значительной части населения страны. Но, поскольку русская промышленность существовала, она, в смысле учения Маркса, созрела для социальной революции. Благодаря тому, что русская промышленность не развилась столь органически, как промышленность на Западе, благодаря тому, что она насаждена в течение последних двух столетий правительством, дворянством, иностранным капиталом, она представляла собой картину поразительной концентрации и вширь, и вглубь, в смысле комбинирования последовательных стадий переработки продукта с различными подсобными производствами. Русские заводы — Путиловский, Обуховский, Брянский, Мальцевский, русские мануфактуры являются колоссами не только на русский масштаб, но и на международный. И трестирование и синдицирование русской промышленности зашло накануне революции довольно далеко⁵⁹. Русские столицы представляли собою громадные центры скопления промышленного пролетариата, организованного в недрах предприятий-колос-

сов. Отсутствие демократического режима, невозможность легальной защиты своих экономических интересов поддерживали боевое настроение пролетариата и подготавливали социальный взрыв. Концентрации промышленности соответствовала концентрация богатства в тонком слое крупной буржуазии. По той же причине, вследствие неорганического характера развития русской промышленности, в России не имелись те широкие кадры мелкой городской буржуазии, которые в европейском городе стоят между пролетариатом и крупной буржуазией, смягчая их столкновения. Противоположность между роскошью верхов и бедностью низов была в русском городе разительнее, чем где бы то ни было. Итак, русский город вполне созрел для предусмотренного научным социализмом «Zusammenbruch»'а.

Правые социалисты нам, конечно, возразят, что если относительно русского города можно спорить о том, созрел ли он или нет для предусмотренного Марксом социального переворота, то социально-экономический облик русской деревни к схеме Маркса уже во всяком случае не подходит. А Россия — страна аграрная, и, следовательно, если русская деревня не созрела для социальной революции, то, значит, не созрела и вся страна. Но если зрелость России для социализма определять с точки зрения ее деревни, то позволительно спросить правых социалистов: когда же при таком буквальном толковании учения Маркса такая аграрная страна, как Россия, созреет для социализма? Ведь пределы индустриализма ограничены, даже для двух менее многолюдных стран, чем Россия, — для Англии и Германии, — мир оказался тесен. Русской промышленности придется в будущем рассчитывать почти исключительно на собственный внутренний рынок, и, владея 1/6-ой частью суши земного шара, Россия останется страной аграрной. А между тем никаких заметных признаков концентрации сельскохозяйственного производства в России не было заметно. Если держаться буквы учения Маркса, то придется признать, что ни Россия, ни какая бы то ни было аграрная страна для социальной революции в обозримом будущем не созреют, и, следовательно, схема научного социализма к аграрным странам вообще не относится. Общезначимость схемы Маркса этим отрицается.

Да и самая политическая позиция правых социалистов вызывает глубокое недоумение. Если правые социалисты признают страну незрелой для социальной революции и совершенно не в состоянии предусмотреть, когда она даже в отдаленном будущем для нее созреет, то какой же смысл имеет их социа-

листическая пропаганда в массах? Нельзя же в самых черных красках рисовать правовое демократическое государство, объявлять его ведущим к обнищанию трудящихся, нельзя же в самых розовых красках разрисовывать социалистический строй, чтобы заканчивать свою проповедь предложением трудящимся сидеть смиренно и "годить", когда общество созреет для социализма. А когда разогитированные народные массы откажутся пассивно ждать этого лучшего будущего, то нельзя, умывая руки, заявлять, что мы, мол, тут ни при чем, мы предлагали "годить". Конечно, и Маркс не благославлял каждого мятежа рабочих, но вся его пропаганда освещена твердой верой в близкое торжество социализма, и никакими случайными цитатами из трудов Маркса нельзя замаскировать этого действенного, глубоко революционного характера его учений.

Если же правые социалисты считают себя призванными бороться за конкретные интересы рабочего класса, то для этой цели нет нужды ослеплять их социалистическим идеалом. О том, что ждет нас в далеком будущем, можно писать в ученых книгах, но об этом пусть не говорят на площадях. В политике "довлеет дневи злоба его". Ведь английские трэд-юнионы в истории английского рабочего класса кое-что значат, а они даже не ходят под красным флагом.

С духом революционного марксизма, по нашему мнению, согласны не правые, а левые социалисты. Только у них слово с делом не расходится. Если социализм есть великое благо, то о нем следует не мечтать, его следует строить. Творческие силы нового строя проявятся и преобразят мир, даже если действительность и не во всех частях подходит под предусмотренную схему. Даже величайший гений не может предусмотреть всего многообразия эволюции человечества. Самая возможность социальной революции, наличие у пролетариата силы для ее осуществления, согласно учению Маркса, свидетельствует о том, что "время исполнилось", ибо политическая сила класса строится на экономических предпосылках. Так, и только так, по нашему мнению, могут думать истинные последователи учения Маркса. И недаром виднейший представитель научного марксизма на Западе, Меринг, благословил русскую революцию.

Но в таком случае почему же русская революция, начавшись в городе, сумела увлечь в свой круговорот деревню, одержала блестящие победы в борьбе с контрреволюцией и во внешней политике и в конце концов оказалась столь несчастливой на фронте экономического строительства?

Официальное объяснение таково: крепость капитализма взята слишком стремительным штурмом.

Порт-Артур надо брать медленной систематической осадой. А теперь приходится крепость оставить, возвести блиндажи в окрестностях и опять начать систематическое наступление. Пишущий эти строки не стратег, но одно и ему известно: что еще никогда ни одна крепость не была сдана потому, что она не была взята *lege artis*. Победителей не судят, и взятие крепости всегда санкционирует приемы ее осады.

Но может быть, под крепостью следует разумеать мировой капитализм, который пока что еще стоит? Однако, вопреки обычному представлению, мы не усматриваем того, чтобы необходимой предпосылкой удачного строительства социализма в России была всемирная социальная революция. Если бы речь шла о такой чисто индустриальной стране, как Англия, то действительно трудно было бы себе представить там социальную революцию без того, чтобы подобная революция не произошла если не во всем культурном мире, то по крайней мере в английских колониях. Существование Англии без внешней торговли немыслимо, а она, конечно, будет совершенно дезорганизована, раз в торгующих странах правовые нормы окажутся диаметрально противоположными. С прекращением же своей внешней торговли Англия в первый же год после социальной революции вымерла бы с голоду. Таким образом, вопреки господствующему мнению, опыт строительства социализма должен быть предпринят в первую очередь не в странах одностороннего высокого развития индустриализма, а в странах более или менее самодовлеющего хозяйства. К числу их относятся прежде всего Соединенные Штаты, а затем и Россия.

Действительно, разве наше народное хозяйство настолько зависимо от Европы, чтобы блокада сама по себе могла нас повергнуть в пучину бедствий, если бы только мы умели наладить свое хозяйство. Продовольствия у нас всегда было в избытке. Из прядильных материалов мы одни (лен, пеньку) вывозили в громадных количествах, а недостачу в других (хлопке, шерсти) могли бы легко пополнить расширением собственного производства. Лес у нас имеется в громадном избытке, нефть тоже, и мы можем этими видами топлива и торфом покрыть недостаток в каменном угле. Руды у нас имеются. Рельсы наши заводы прокатывали, паровозы — строили. Если же некоторые сложные машины у нас не производились, то, если социализм действительно способен поднять производство на высшую ступень

пень, эти небольшие дефекты удалось бы собственными средствами пополнить. Когда у нас говорят, что Россия голодает вследствие блокады, то вспоминаются иронические замечания англичан: Нью-Кэстль (главный город экспорта английского угля) замерз оттого, что блокада отрезала ему подвоз угля. Именно в России, в стране почти самодовлеющей, опыт строительства социализма должен был иметь шансы на успех.

Но мы знаем, что действительность этих чаяний, правильно основанных на марксистской доктрине, совершенно не оправдала. Нельзя указать ни одной отрасли народного хозяйства, которая бы процвела. И полная очевидность результата вынудила убежденных коммунистов ждать улучшения от частичного возврата к свободному обмену и капитализму.

Итак, объяснения, которые нам дают и правые, и левые социалисты, причин неудачи социалистического строительства представляются нам одинаково несостоятельными. Все наше предшествующее изложение, смеем мы думать, дало нам истинное объяснение этой неудачи.

С точки зрения социалистической доктрины различные элементы русского народного хозяйства были в различной мере зрелы для социалистической перестройки. И если последняя, по собственному выражению наших коммунистов, всегда превращалась в серию катастроф, и, наоборот, отказ от социализма при НЭПе почти всегда приводил к улучшению положения, то очевидно, что неудача социалистического строительства не может быть объяснена только тем, что место и время выбраны для него неподходящие. Русский опыт является яркой иллюстрацией нашего теоретического вывода, что принцип социализма не есть творческий, не к расцвету, а к разложению ведет он экономическую жизнь общества.

(Мы не беремся судить об ауспичиях всемирной революции на Западе. Жестокий экономический кризис, в который ввергнута Европа в результате мировой войны, еще не изжит, и это положение грозит социальными катаклизмами. Но мы не имеем никаких оснований усматривать в социальной революции средство для преодоления этого кризиса, и русская революция нас в этом не убедила. Подобные сомнения зарождаются в умах весьма авторитетных ученых социалистов. "Социализм не есть механизм, который строится по заранее намеченному плану..." "У нас сейчас нет готовых утопий, которые можно воплотить народным решением" Так осторожно теперь выражается Карл Каутский, который во

всей предшествующей научной и политической деятельности утверждал как раз обратное.

В одном, однако, мы можем вполне согласиться с современным коммунизмом: если мы не признаем социальной революции средством для преодоления экономического кризиса, то мы не усматриваем его и в Версальском мире. И если флагом современного коммунизма станет борьба против агрессивного империализма⁶⁰, то он найдет опору не только в классе промышленных рабочих, который пока не оказался в этом вопросе особенно стойким, но и в других классах современного общества. Для того чтобы быть противником современного агрессивного империализма, социалистическая идеология нам не представляется необходимой.)*

---

* Заключенное в скобках — в журнальном варианте.

Виктор Сорокин

ЧИТАЯ БРУЦКУСА

(Комментарии и размышления)

¹ Это место наводит на постановку ряда вопросов: организация людей (в частности, государство) — это субъект или не-субъект? Что нужно, чтобы она была субъектом? И если — субъект, то какова ее *цель* и где она «обитает», т.е. кто является ее носителем?

Под объективной целью системы я понимаю состояние, прогнозируемое внешним относительно системы наблюдателем. Такую цель у любой общественной системы обнаружить можно.

Под субъективной же целью я понимаю идеальный образ, порожденный самой системой, и к которому она движется *целестремленно*. Так вот, мне представляется возможной ситуация, когда у человеческой организации субъективная цель (по крайней мере, на движение, развитие) отсутствует. Это происходит, когда все государственные идеи становятся догмами, причем в этой системе догм *цель развития фактически* отсутствует. Думаю, что цель у общества может быть лишь тогда, когда оно организовано демократически, и в этом случае целью общества является общее целей большинства его членов, а ее носителями — представители этого большинства.

² Таким образом, главное в марксизме — учение о средствах, о захвате власти и установлении диктатуры (что национал-фашисты и переняли у него безо всякого изменения). Но во имя чего? — Во имя **абсолютной монополии** государства на экономическую деятельность общества.

Основа буржуазного общества — рыночные, свободные, **взаимодобровольные** отношения между людьми. Следовательно, отрицая капитализм, марксизм не может одновременно с этим не от-

рицать и все моральные принципы либерализма, ставя на их место единственный — безраздельное подчинение личности партии, тоталитарному государству, а по существу — «вождю». Тотальное закрепощение нации позволяет партии-государству довести степень экономической эксплуатации трудящихся до размеров, не достижимых ни при какой иной организации общества. И потому правящая верхушка кровно заинтересована в удержании своей власти **любыми средствами**. А поскольку все моральные ограничения сняты, то эти любые средства применяются на практике с **неизбежностью**.

Мы видим, что по средствам насилия два главных направления в социализме — коммунизм и фашизм (нацизм) — тождественны. Этот факт наиболее обстоятельно проанализирован австрийским экономистом Фридрихом Хайеком в его знаменитой работе «Дорога к рабству».

Весьма любопытно, что к аналогичному выводу пришел и вождь венгерских коммунистов Бела Кун: «...Фашизм есть национал-большевизм» (см. его книгу «На путях Венгерской революции», вышедшую в Москве году в 1966-м).

И уж совсем неожиданным в этом ряду является факт, отмеченный в отчете Коминтерна XI-му съезду РКП(б), что вожди почти всех фашистских партий «были переводчиками К.Маркса на национальные языки». И именно в этом докладе — похоже, впервые — было сделано сенсационное признание большевиков в том, что «средства большевизма и фашизма, по существу, **тождественны**»!..

³ Из математического анализа функции спроса следует, что может наступить момент, когда убыток от резкого падения цены на товар не может быть компенсирован никаким увеличением предложения. Так, в случае исключительно богатого урожая цены на сельскохозяйственные продукты могут упасть настолько, что будут не в состоянии покрыть издержки производства, и сельское хозяйство как отрасль окажется неплатежеспособным. Из-за этого производители сельскохозяйственного оборудования и других товаров преимущественно сельского потребления не смогут реализовать свои товары. А поскольку все отрасли рыночного хозяйства взаимосвязаны, бедствие — кризис — не оставит в стороне никого.

Статистика показывает, что экономическим кризисам всегда предшествует резкое увеличение объема производства в какой-нибудь существенной отрасли (обычно, в сельском хозяйстве), **не обеспеченное соответствующим возрастанием затрат труда**. Помимо сверхвысокого урожая причиной кризиса может быть ускоренная разработка **исключительно** богатых месторождений ископаемых (в особенности, нефти) и форсированное внедрение **исключительно** высокопроизводительных средств производства (например, компьютеров).

Понимание природы кризисов позволяет легко найти средства борьбы с ними. Только вот всегда ли это разумно? Особенно, если причиной кризиса является научно-технический прогресс...

Получение весьма устойчивых урожаев сельскохозяйственных культур в развитых капиталистических странах весьма заметно сгладило кризисные явления в капиталистическом мире.

⁴ Фридрих Хайек в упомянутой выше работе дал наиболее компактное определение социализма, позволяющее избегать *разнопонимания* в определении этого важного термина: «Социализм — это упразднение частной собственности на средства производства и создание "плановой экономики"». Из этого определения со всей очевидностью вытекает, что реальный социализм адекватен теоретическому социализму Маркса. На этой же точке зрения стоит и Бруцкус (хотя *идеал* социализма он склонен видеть в другом, в частности, в монополии **демократического** государства на **нетрудовые доходы** в обществе).

Насколько это определение и это отождествление не устарели, показывает следующий факт: 27 февраля 1987 г. газета «Правда» поместила под рубрикой «Вопросы теории» статью д-ра экономических наук В.Куликова «Социалистическая собственность в концепции ускорения». Статья начинается так:

«"Коммунисты, — писали К.Маркс и Ф.Энгельс в "Манифесте Коммунистической партии", — могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной (*т.е. общественной!* — В.С.) собственности" (Соч., т.4, с. 438). Такова сжатая, но ёмкая формула, выражающая суть смены капитализма социализмом.

Именно с общественной (В.Куликов солгал или оговорился: не с общественной, а с **государственной**. — В.С.) **собственностью на средства производства связаны основные преимущества нашей формации, её достижения**».

Под общественной собственностью (на капитал) мне хочется подразумевать такую, прибылью (в равной или неравной степени) от которой распоряжается общество, т.е. **каждый** член общества. При государственной же собственности прибылью распоряжается незначительная группа высших чиновников. Если механизм власти этих чиновников недемократичный, то государственная собственность является по существу элитарной, но уж никак не общественной!

⁴ Представляется интересным распространить понятие хозяйственной деятельности на **любую** человеческую деятельность, поскольку она представляет собой единство цели и **труда**. Более того, стремление человека поменьше «работать» побольше «получать» следовало бы считать социальным **законом**.

Я разделяю точку зрения московского ученого Пабиска Георгиевича Кузнецова, согласно которой любому *научному* исследованию, в том числе социологическому, должно предшествовать четкое и ясное формулирование исходных аксиом и законов.

⁶ Отметим очень важный момент: талантливому предпринимателю общество осыпает щедротами **по собственной инициативе и без какого бы то ни было принуждения со стороны предпринимателя** или государства! И тем не менее, с точки зрения марксистов, такой предприниматель есть враг общества. Этот факт позволяет под мишурой наукообразности марксизма выявить его исходную этическую посылку: отказ людям в праве на **взаимодобровольные** отношения.

В конце 1980 — начале 1981 года в «Комсомольской правде» были помещены две статьи, посвященные труду на арбузных бахчах в Ставропольском крае. В этих-то двух рядовых советских пропагандистских статьях и сформулирована эта концентрированная сущность: **принудительный** труд школьников на государственных землях оплачивается в 25 рублей **в месяц** — и это считается справедливой оплатой «по труду», исключаящей какую бы то ни было «эксплуатацию человека человеком»; труд же тех же школьников **на взаимодобровольных** началах на бахче арбузника-частника оплачивается в 25 рублей **в день**, что признано корреспондентом газеты зверской, нещадной, абсолютно **недопустимой** эксплуатацией детей (за что арбузник и был осужден). Комментарии, как говорится, излишни..

⁷ А почему бы именно такое положение вещей не называть **принципом распределения по труду?**

⁸ Как убедительно и красочно показано И.Ефимовым в его книге «Без буржуев», при развитом социализме честность руководителя **неизбежно** ведет к краху вверенного ему предприятия.

⁹ Это убеждение не оставило советских руководителей и поныне.

¹⁰ За пределами марксизма все вещи измеряются по ценности, за единицу которой может быть принята абсолютная величина (в силу ее *отрицательности*) **ценности** одного часа нашего собственного среднеинтенсивного нетворческого труда. При таком подходе величина каждой конкретной ценности (в том числе и денег) — субъективна. **Общественная** же ценность вещи равна ее **максимальной** цене на общественном аукционе.

Из-за того, что руководители советского государства не хотят оперировать категориями рыночной экономики, вовсе не значит, что законы товарного производства прекращают свое действие — просто проявляются они теперь в ужасающе извращенном виде. Так, товары все равно продаются по равновесной (хотя и монополярной) цене, только разница между равновесной и номинальной ценами поступает теперь не в руки его производителя или хотя бы посредника-государства, а в руки спекулянта. А то и того хуже: эту разницу покупатели должны компенсировать **общественно бесполезным** трудом в форме простаивания в очередях.

Не исчезает и проблема безработицы. Но если в буржуазно-демократическом обществе трудовая малоспособность определенных граждан представлена для всеобщего обозрения, этим гражданам, как правило, обеспечивается высокий прожиточный минимум и на трудовой активности работающих все это сказывается несущественно, то в реальном социализме бездельники могут пользоваться статусом полезных членов общества наравне с работающими, а ложь, покрываемая государством, но очевидная каждому, лишает труженика стимула к интенсивному труду.

И наконец, самое главное. Запрещение категории *ценности* самого этого явления не отменило, но поставило социалистическую экономику в сверхпарадоксальные условия. Вместо того, чтобы построить общество на производство **ценностей**, государство навя-

зывает ему бредовую (иначе и не назовешь!) *цель* — производство **стоимости**. То есть то, что в нормальном обществе **минимизируется** — стоимость, трудовые затраты, — в советском обществе максимизируется (!), в то время как истинная цель человеческой деятельности — **максимизация** полезности, ценности — в советской экономике вообще не фигурирует. (После этого не удивительно, что если в нормальной экономике **производство** существует **ради потребления**, то в марксистской — наоборот: **потребление** — **ради производства**.)

Более того, даже в рамках марксистского языка возникает неразрешимый парадокс: в то время как в рыночной экономике и затраты, и результаты измеряются **по единому основанию** — по ценности (в ее рыночной форме — цене), в марксизме они соизмеряются по совершенно различным основаниям: результаты — вроде бы как по ценности, полезности, затраты же — **по труду**. Говорить же о соотношении между стоимостью затрат и ценностью результатов — все равно, что пытаться определить, что больше: 1 килограмм или 2 погонных метра.

Масса глупостей проистекает и из элементарного непонимания хозяйственного механизма. Во имя сиюминутной идеологической выгоды советские идеологи с пафосом говорят, например, о том, что там-то и там-то рабочие руки заменены машиной. А ведь подчас цена этой машины (при конкретной цене труда) во много раз превышает экономию на заработной плате. Это равносильно тому, что вместо 10 сокращенных работников физического труда теперь будут заняты, скажем, 20 работников на производстве дорогостоящего оборудования. Так, механизация в сельском хозяйстве (в социалистическом секторе) является, возможно, делом убыточным, ибо в расчете на одного работника-производителя сельскохозяйственной продукции (т.е. включая в число работников и рабочих, занятых в производстве сельскохозяйственного оборудования) ведет к снижению **общей** производительности труда.

¹¹ Напрасно мы будем искать его и у последователей Маркса, ибо он не придуман и по сей день. И сегодня себестоимость и цена при социализме калькулируются на основе стоимостей (а не ценностей) производственных затрат. Но последние **в конечном счете** берутся «с потолка».

В обществе, где рабочая сила оценивается по ценности результатов ее труда, каждый работник заинтересован в неограничен-

ном развитии своей квалификации. Но социализм не хочет признавать ценности, и потому уровень квалификации работника определяется здесь параметрами, имеющими слабую корреляцию с ценностью, например, производительностью труда (но без учета качества продукции или с пренебрежительным отношением к нему). В этом как раз и коренится одна из причин того, что при социализме качество изделий закономерно низкое.

Если лет тридцать назад советское государство могло добиваться от рабочих сноского качества простых, не требующих для их производства сложного оборудования и высококачественных материалов, то ныне проблема качества неразрешима ни на каком уровне экономики. Удельный вес простых изделий теперь ничтожно мал, а при производстве сложных требуется использовать продукцию других отраслей, которая, как правило, тоже низкого качества. Ясно, что с помощью некачественных исходных материалов добротную вещь не создашь. Возможно, по этой причине происходит всё большее и большее отставание Советского Союза в создании новой ракетной техники. О компьютеризации, где требуется много нетворческого, малоинтересного, **но высококвалифицированного** труда, и говорить нечего..

¹² Противоречие указанного утверждения Маркса со всей практикой свободной рыночной экономики очевидно. Но ведь из этого следует и полная научная несостоятельность марксизма в целом, в котором это утверждение является *исходной* (и, по существу, единственной) функциональной **аксиомой**.

¹³ Но и по сей день советская наука не может ответить на этот вопрос.

¹⁴ Марксовы формулы имели бы какой-то смысл, если бы входящие в них параметры измерялись на базе цен. Но Маркс оперирует в принципе **неисчислимыми** стоимостями, и это обстоятельство должно предостеречь нас от чрезмерного доверия к основанным на них выводам. Кроме того, Маркс, противореча самому себе, в условных схемах расширенного воспроизводства допустил и очевидную ошибку: нормы прибавочного продукта в I и во II подразделениях у него резко различны.

¹⁵ Я бы определил ценность как эмоциональное отношение человека (точнее — субъекта) к вещи в процессе ее возможного потребления в будущем.

¹⁶ И здесь трудовые затраты представляют собой «черный ящик». Любой капиталист точно знает, сколько он потратил на рабочую силу, но и он не может сказать, чему равен потребленный им труд в среднеинтенсивных часах нетворческого труда. Соизмерить стоимости, да и то приблизительно, может только **один и тот же** работник при выполнении различных работ. Но уже для другого работника соотношение трудовых затрат будет иным.

¹⁷ За 60 с лишним лет положение в этой области ни на йоту не изменилось. Если в капиталистическом обществе объем производства товара определяется платежеспособным, **ответственным** спросом общества, то в социалистическом план производства устанавливается партийными бюрократами по **их** усмотрению. И при отсутствии механизма цен последние не могут устанавливаться иначе, как волюнтаристски. Кроме того, гибкое ценообразование противоречит первоисходной догме марксизма, согласно которой цена есть величина постоянная, покуда не изменилась стоимость товара.

Социализм породил уродливейшее явление: дефицит. А казалось бы, чего проще: поднять цену на дефицитный товар до равновесия спроса и предложения — и нет дефицита! Конечно, это половинчатое решение проблемы — дефицитного товара не станет от этого больше. Да, не станет, но только при социализме — поскольку никто не имеет права самолично увеличить производство нужного обществу товара. А вот при капитализме задержки в быстром увеличении производства «дефицитного» продукта не бывает, поскольку желающих получить сверхприбыль — хоть отбавляй и **право на труд имеют все**.

Из механизма рыночной экономики вытекает, что в капиталистическом обществе всей жизнью «верховодят» потребители, и **в первую очередь** — наиболее платежеспособные из них, **т.е. самые эффективные труженики**. Напротив, в тоталитарном социалистическом обществе труженики лишены даже совещательного голоса: вся экономическая и общественная жизнь решается **за них** надэкономической партийной бюрократией.

¹⁸ Она не смогла решить ее и за 70 лет (!) советской власти, тем не менее значительная часть интеллигенции всё еще **продолжает** верить в возможность ее решения. **Почему?**

¹⁹ Теперь уже ни для кого не является секретом, что социализм также сопровождается экономическими кризисами (поскольку они вызываются не формой распределения и перераспределения общественного продукта, а товарной формой общественного производства), причем по экономическому ущербу намного превосходящими капиталистические кризисы. Но если при капитализме кризис — национальное бедствие, с которым все и хотели бы справиться, но не могут или не знают как, то при социализме сверхкризисы происходят с молчаливого попустительства руководства. Советские магазины завалены товарами, но... в основной своей массе **никому не нужны**. А нужные обществу товары на прилавке, как правило, не лежат. В условиях плановой экономики и волюнтаристских тенденций руководители могли бы хотя бы прекратить выпуск ненужной продукции, однако они не делают даже этого. Любая сверхмонополия делает ненужным рачительное отношение к ценностям, в том числе и к даровой принудительной рабочей силе.

²⁰ Экономистам-математикам известно, что для составления межотраслевого баланса по всем производимым в СССР продуктам требуется время, даже с привлечением всех компьютеров в мире, большее времени существования вселенной. Поэтому Госплан составляет межотраслевой баланс лишь для 500 основных продуктов. Работа эта совершенно бессмысленная, т.к. недопроизводство какого-нибудь пустякового продукта (например, гаек), не включенного в баланс, в силу взаимосвязанности всех отраслей срывает выполнение плана по **всем** продуктам.

²¹ И сегодня советская экономика являет собой уникальное царство дефицита. Но всего шаг в сторону: в подпольных частнопредпринимательских фирмах проблемы дефицита не существуют. Несколько лет тому назад в Грузии власти раскрыли подпольную фабрику по производству замшевых юбок. На социалистических фабриках замши нет, следовательно, нет замшевых юбок и в магазинах, хотя советские модницы готовы заплатить за них любые деньги. А на капиталистической фабрике — никаких проб-

лем: есть все! — и замша, и нитки, и оборудование, и квалифицированные рабочие руки, и невиданная в советской экономике производительность труда. Конечно, люди, рискнувшие удовлетворить потребность общества (ведь «ради наживы!»), были сурово наказаны. В итоге: казна — без денег, общество — без товара, производители — без свободы. Зато соблюдены принципы социализма...

²² Самыми выдающимися организаторами в современной советской экономике следует считать «толкачей». От этих людей, действующих фактически нелегально, зависит судьба всего производства: они достают и сбывают, казалось бы, невозможное.

²³ Это, пожалуй, единственное место в работе, с которым трудно полностью согласиться. Ф.Хайек и М.Фридман убедительно показывают, что монополизм и социализм — явления родственные.

²⁴ Можно ли не удивляться провидению ученого?! Спустя 60 лет прогноз Бруцкуса оправдался наиболее явственно. Да, суперанархия социализма дошла до абсолютного предела: страна не в состоянии наладить устойчивое производство **ни одного продукта!** А между тем в странах «анархического» капитализма нет **ни одного продукта**, производство которого не было бы налажено устойчиво.

Социалистическая экономика в СССР сегодня — это вакханалия абсурда. Десятки миллионов людей заняты производством **никому не нужных вещей**. Страна, которая в 1922 году голыми руками произвела 500 млн. пудов зерна излишку (см. «Справочник коммуниста» за 1923 год), сегодня не в состоянии прокормить даже самое себя, несмотря на все увеличивающееся техническое оснащение сельского хозяйства. От полного краха страну спасает так ненавистное сторонникам марксистского социализма «анархическое» производство, существующее на приусадебных участках, в левой экономике и, конечно же, в странах Запада. Эх, советским бы крестьянам — землю да 10 тысяч минитракторов, и продовольственная программа была бы решена всего за одно-два лета!..

²⁵ К настоящему времени советская наука реабилитировала и включила в обращение большинство категорий научной политической экономии (правда, с социалистическим содержанием). Однако при упорном отрицании самого явления *ценности* такие категории, как

стоимость, прибыль, рента, не отражают ни реальных потребностей общества, ни реального положения вещей. И неудивительно, что народ, производящий колоссальный объем стоимости, остается без хлеба, мяса и всего другого. К сожалению, тот факт, что стоимостью народ не накормишь, марксистами не осознан до сих пор.

²⁶ Неожиданный и сокрушительный удар, на который сторонники марксизма не только не смогли ответить, но, напротив, всей своей практикой доказали: нетрудовым доходом — рентой — они ни с кем делиться не намерены. Так, лицензию на ловлю рыбы в Байкале СССР чехам **продал**, что в рамках «истинного» марксизма должно было бы считаться эксплуатацией, преступлением.

Таким образом, Бруцкус с полной убедительностью показал, что социализм марксистско-ленинского толка даже на идеалистически-теоретическом уровне освободить человечество от эксплуатации (понимая ее по-марксистски) **не в состоянии**. И мы — свидетели и жертвы «развитого» социализма — познали такие формы эксплуатации человека человеком, которые не идут ни в какое сравнение даже с эксплуатацией рабов в древнем мире...

²⁷ Один из расхожих упреков в адрес капитализма состоит в том, что в начале самостоятельного жизненного пути разные люди вступают в экономическую жизнь с различными экономическими потенциалами. И тот, у кого первоначальный капитал больше, имеет и больший шанс на успех. Упрек по существу, но лишь отчасти. И в этой части я стою за наделение каждого ставшего совершеннолетним и проявившим экономические способности члена общества **равным** первоначальным капиталом или, по крайней мере, определенными экономическими льготами, например, в предоставлении дешевых кредитов. Впрочем, в современных обществах бедные слои населения и так имеют значительные экономические льготы...

Похоже, однако, что проблему неравенства марксисты поняли совершенно неверно: с одной стороны, они возмущаются неравенством, не основанным ни на каком насилии и вытекающим из различного трудолюбия, с другой — они ошибочно допустили, что при социализме рента как явление исчезает. И если при капитализме сравнимая по своей оценке с национальным доходом рента хоть в какой-то мере перераспределяется в пользу бедных, то при социализме она безо всякого учета полностью оставлена в рас-

поряжении привилегированного сословия, значительно увеличивая разрыв в уровнях жизни бедных и богатых.

Зашедшая в тупик социалистическая экономика ставит еще ни кем не рассмотренную задачу: как *бесконфликтно* децентрализовать государственную собственность на средства производства? Решение, найденное мною в 1974 году, заключалось в том, чтобы на сумму, равную условной стоимости децентрализуемых средств производства, выпустить акционерные деньги и распределить их **поровну** между всеми дееспособными членами общества, после чего под контролем общественных организаций распродать средства производства; таким образом, каждый работник станет акционером того или иного предприятия и получит **реальное равное (на начальном этапе)** право на участие в управлении производством и распределении прибыли. Однако через два-три года эта акция потеряет свое какое-либо социальное значение: в случае свободы экономической деятельности экономическая дифференциация наступит с **неизбежностью**, поскольку значение величины (не очень-то и большой) первоначального капитала окажется второстепенным по сравнению с производительными качествами работников.

²⁸ Маркс полагал, что при социализме ни товара, ни стоимости, ни, следовательно, ренты не будет. Но, захватив власть и ликвидировав «эксплуататорские» классы, большевики вскоре убедились, что общество с экономикой, основанной на разделении труда, но лишенной рынка, — утопия. И рынок как категория и явление был реабилитирован. А вот категория *товар* на десятилетия оказалась под запретом. О ренте и говорить не приходится.

Бруцкус же, в противоположность марксистам, предлагает не игнорировать ренту при социализме, но использовать ее в качестве важнейшего инструмента для достижения экономической справедливости. Однако, как видно из контекста, Бруцкус представлял себе социализм иначе. Если марксизм предполагал изъятие всех средств производства у работника и превращение последнего в безраздельную собственность государства, то в социализме Бруцкуса рабочие выступают в качестве **равноправного** партнера демократического государства.

Впрочем, мне видится определенная утопичность такой возможности. В самом деле, среди двух *равноправных* партнеров — государства и общества — первый представляется ненужным и даже

дорогим излишеством для второго. Выход из этого противоречия один: государство должно быть не поставленным **над обществом**, как это осуществили коммунисты, а быть его слугой, исполнителем его воли, как это осуществляется в демократических государствах.

²⁹ Полагаю, что здесь Бер Давидович попался в марксистскую ловушку...

Марксизм считает доход трудовым, т.е морально допустимым к присвоению, только **в одном** случае: когда его имеет рабочий от станка (причем, независимо от величины дохода). Детального же морально-этического исследования на тему, какой доход считать трудовым, а какой нетрудовым, марксизм не дал и **дать не мог. И вот почему.**

Мне представляется, что существуют **две** разновидности социализма (или два их множества).

Первый социализм — морально-этический. Он лишь декларирует гуманистические принципы идеального общества: свободу, равенство (которым ошибочно обозначают равноправие), справедливость, братство и т.п. В строгих дефинициях этот социализм как система никем не разработан. Но своими лозунгами он привлекал и продолжает привлекать к себе взгляды миллионов людей.

Второй социализм — марксистский или «научный». Наука эта зиждется, по существу, на единственной аксиоме, сформулированной на первых страницах «Капитала»: цены на товар определяются **только** трудовыми затратами, **то есть** не зависят ни от спроса, ни от предложения, ни от воли продавца или покупателя. На этой-то, грубо противоречащей реальности, аксиоме и построено — надо сказать, в среднем довольно логично — все здание марксизма. И, худо ли — бедно ли, Маркс «доказал» свою главную теорему: частная собственность на средства производства должна быть ликвидирована. (Не исключено, что сначала Марксу пришла идея об экспроприации, а «аксиома» потребовалась лишь потом — для ее «обоснования».) Но безнравственность марксистов состоит в том, что они не постеснялись спекулировать на прекрасных идеях морально-этического социализма. Агломерат двух социализмов был сделан добротной: получалось, что морально-этический социализм есть *следствие* марксистского. На эту-то удочку попались и продолжают попадаться тысячи, если не миллионы, отнюдь не глупых людей.

Вопрос о том, какой доход считать трудовым, а какой — нетрудовым, вне этики, вне концепции естественных прав человека **решен быть не может**. И эта мысль требует осторожности при чтении данного места в работе Бруцкуса.

Большинство формулируемых сегодня естественных прав человека (на жизнь, труд, выбор места проживания и т.д.), может быть сведено к одному, **главному**, почти универсальному, а именно — праву человека (или добровольной организации людей) на автономное поведение или на самоопределение. Это значит, что морально допустимы лишь такие контакты между людьми, которые осуществляются с их обоюдного согласия. И если в человеческих отношениях это право каждой стороны соблюдается, то итог этих отношений на этапе **распределения** ценностей, произведенных в рамках данной группы, естественно считать «трудовым», то есть справедливым. (Перераспределение основано на **иных** морально-этических принципах.)

³⁰ В настоящее время денежные сбережения советских трудящихся, аккумулированные через государственные сберкассы, огромны, но проку в том мало. В качестве примера, показывающего существенную разницу в эффективности использования капитала социалистическим государством и частным лицом, можно привести следующий факт: 1,5% (по другим источникам — 3%) земли, находящейся в личной собственности советских граждан и обрабатываемой преимущественно ручным трудом (причем в течение всего нескольких часов в неделю), дают треть сельскохозяйственной продукции в стране! Это означает, что ручной, **но свободный**, труд производительнее механизированного, **но принудительного**, порядка в 20-30 раз!

Заметное развитие левой экономики к 1968-му году и быстрые темпы этого процесса давали тогда основание предполагать, что лет через двадцать она по своему объему (в денежных расчетах) производства превзойдет госсектор. С этим я связывал свою надежду на крах тоталитаризма в СССР и при любом случае словом и делом агитировал всех за активную экономическую деятельность за пределами принудительного труда на государство.

К великому сожалению, демократическое движение в стране в те годы экономическим свободам должного внимания не уделяло. Как показала представительная дискуссия на страницах самиздатского журнала «В защиту экономических свобод» (в котором,

кстати, и была впервые воспроизведена из журнала «Экономист» публикуемая ныне работа Бруцкуса), отношение ее участников к возможности использования рыночных механизмов в советском обществе является, мягко говоря, весьма сдержанным.

³¹ Бруцкус написал ряд глубоких работ по кооперативному движению.

³² Вот эта-то, своя для каждого участка, рента и не может быть определена **вне** рыночного механизма. Только общественный аукцион может дать ответ на вопрос, сколько стоит тот или иной участок земли, то или иное месторождение полезных ископаемых и вообще — какова истинная общественная ценность той или иной вещи. Общественный аукцион означает, что каждая вещь попадает в руки тому покупателю, который ценит ее **выше других**. И эффективность использования вещи существенно зависит от ее оценки владельцем. Плодородный участок земли, доставшийся не умеющему ее ценить наследнику даром, используется обычно бесхозяйственно. В лучшем случае наследник сможет ее хорошо продать. Но и огромное денежное богатство, не заработанное, не обеспеченное собственным трудом, пускается, как правило, на ветер — на мелкие удовольствия и кутежи. Напротив, трудно себе представить, чтобы капиталист-миллионер, заработавший свои миллионы кровью и потом на пустом месте, не ограничивал бы себя в удовлетворении своих прихотей.

³³ Под *нетрудовым* доходом Бруцкус, очевидно, подразумевает тот, который не определяется количеством и качеством труда. Такими доходами (из полученных без насилия) являются наследство и рента. Но Бруцкус исследует возможность использования ренты уже *после* изъятия ее у частных лиц. Нас же интересует вопрос о целесообразности самого изъятия ренты (как и наследства).

Желание изъять нетрудовые ненасильственные доходы может определяться следующими факторами: 1) общественно-философским или морально-этическим принципом: «Всё, что не от собственного труда, должно принадлежать всем»; 2) необходимостью спасения жизни беднейших слоев общества; 3) завистью; 4) наименьшей безболезненностью (с точки зрения государства) для пополнения государственной казны.

Третий фактор аморален с очевидностью.

В современном буржуазно-демократическом обществе оттенок аморальности имеет и второй фактор: ведь каждый имеет право на труд (если не в качестве наемного работника, то по крайней мере в качестве ремесленника- или фермера-единоличника), инвалидам же (а во многих западных странах — и «тунеядцам») обеспечивается прожиточный минимум.

Наиболее интересным представляется анализ требования изъятия нетрудовых доходов как принципа. Нельзя не согласиться с основоположниками марксизма — морально-этическая острота этой проблемы определяется **насильственным** способом присвоения нетрудовых производительных факторов (земли, месторождений полезных ископаемых, выгодного месторасположения экономического объекта). И притязание марксистов на изъятие нетрудовых доходов было бы морально оправданным, если бы насильственное присвоение нетрудовых производительных факторов, **до того никому не принадлежавших или принадлежавших обществу**, произошло бы в **короткий** срок, чего в действительности нигде и никогда не было. Завладение нетрудовыми производительными факторами происходило постепенно и с древнейших времен, так что в каждый исторический момент (и чем в более поздний, тем в большей степени) доля нетрудовых производительных факторов (от всего их объема в обществе), приобретенных на основе **лично-го труда** собственника, была и есть определяющей.

Более того, к передаваемым по наследству нетрудовым факторам или доходам, приплюсовываются и доходы, основанные на личном труде человека. Исчислить же долю нетрудовых доходов во всех доходах абсолютно не представляется возможным. Так что при переделе (перераспределении) богатств с неизбежностью будет изъята и значительная часть трудовых сбережений, причем у самых широких слоев населения и, в первую очередь, у самых экономически эффективных членов общества. А это не может не привести к массовому недовольству и кровопролитной гражданской войне. Так что не лучше ли во имя мира и социального равновесия от идеи передела богатств отказаться?..

Важно также отметить, что передел богатств не может обеспечить каждому равенство экономических возможностей надолго. Так, к 1922 году сельскохозяйственная земля в России была перераспределена более или менее поровну на каждого едока. Тем не менее, уже через два-три года наиболее трудолюбивые и способные крестьяне намного опередили по своему экономическому по-

ложению своих нерадивых соседей (за что первые и были впоследствии ликвидированы как «класс кулаков»).

Более того, проведение идеи уравниловки в жизнь для широких народных масс не помешала большевистским вождям присвоить и присваивать колоссальные общественные ценности, вообще минуя экономический механизм присвоения. И сегодня коммунистические мультимиллиардеры являются самыми яростными противниками применения в отношении себя когда-то ими же выдвинутой идеи перераспределения богатств. И неудивительно. Если капиталист в принципе способен начать с нуля и в короткий срок выйти на средний экономический уровень без какого бы то ни было насилия, то путь к богатству у коммуниста один — власть над обществом.

Таким образом, проведение в жизнь идеи об аккумуляции нетрудовых ненасильственных доходов следует признать не только утопичным, но и общественно вредным.

Несколько слов в отношении притязаний государства и общества на наследуемые ценности. Если отвлечься от крайней социальной опасности (стихийного бедствия, голода, войны), то глубокой причиной стороннего притязания на наследство является только зависть. В самом деле, акт передачи наследства — сугубо **внутреннее** дело семьи и полное **естественное право** того, кто создал ценности, то есть самого наследователя. (Подчеркиваем, всё выше сказанное не относится к доходам, основанным на применении насилия или узурпировании экономико-политической власти.)

Не следует также забывать, что возможность передать созданные за свою жизнь ценности в наследство самым любимым и уважаемым лицам, является сильнейшим стимулом для эффективной деятельности работника. И если наши родители не оставили нам в наследство ничего, так стоит ли бросать завистливый взгляд на соседа?..

Конечно, мое отношение к двум миллионерам будет различным, если первый из них заработал свои миллионы самолично, а второй получил их по наследству, ибо первый показал и доказал свои экономические способности, а второй нет. Но разве второй в этом виноват?..

С учетом всего сказанного мы получаем и отрицательную оценку особому налогу на нетрудовые ненасильственные доходы. Кстати, термин *нетрудовой* как в логическом, так и в моральном отношениях следует признать неверным. Ведь мы говорим о наследуе-

мых ценностях, созданных собственным трудом наследователя. Да и рента в большинстве случаев была куплена (если не в этом, то в предыдущих поколениях) **на трудовые** сбережения.

И вообще, прогрессивный налог на доход следует в значительной мере признать несправедливым. И, получая в результате государственного перераспределения доход, более высокий, чем он определялся бы на основе только рыночных отношений, хотелось бы, чтобы получающие его члены общества отдавали бы себе отчет — *кому именно они этим обязаны*. Так, **формально** было бы справедливым, чтобы налог с граждан на социальное развитие и страхование был бы подушным и равным, а на экономическое развитие — пропорциональным трудовым доходам. Однако в реальности налог с малоимущих слоев населения резко занижен и, наоборот, с имущих — резко завышен (*и это, в конечном счете, справедливо*). Однако, забывая о том, кому и чему малоимущие слои населения обязаны своим сносным положением, они зачастую требуют себе еще больших привилегий, подрывая (а то и полностью разрушая) тем самым экономику общества.

С другой стороны, самые бедные слои общества часто недопонимают того, что если общество и государство уже располагают нетрудовым доходом (данным, так сказать, свыше!), то, с моральной точки зрения, незачем претендовать на некоторую его долю.

Так, на сегодня государственный капитал в СССР только в форме средств производства, приходящийся на одного жителя, составляет порядка 5 тыс. рублей. С учетом же ренты эта величина равна порядка 15 тыс. рублей. Если бы все граждане СССР имели бы *действительное* право на общественные ценности, то только процент (даже сегодняшней, заниженный — тот, что выплачивается в государственных сберегательных кассах) на **свою долю** общественного капитала мог бы обеспечить каждому жителю СССР прожиточный минимум (по советским критериям) даже в случае его принципиального нежелания работать. В развитых же странах и подавно имеются все условия для обеспечения каждого члена общества прожиточным минимумом (что, кстати, в некоторых из них уже осуществляется), и потому принятие гражданами помощи со стороны общества не должно считаться аморальным.

Наиболее разумной мне видится такая система подоходного налогообложения, при которой производители были бы **заинтересованы** в уплате налогов сполна. А это возможно лишь в том слу-

чае, когда *экономические* вопросы государства будут решать налогоплательщики, причем с **учетом** величины уплачиваемого ими налога. То есть государственно-экономические задачи должны решать не бедные и не просто богатые, но преимущественно те, кто **умеет создавать, много создает и не жалеет своих** сил на развитие общества.

³⁴ В связи с этим возникает вопрос о методах решения общественных и социальных проблем в либерально-демократическом обществе. Я стою за мягкие, постепенные формы их разрешения и полагаю, что при наличии прочной политической верховной власти можно перевести на рыночные рельсы без каких бы то ни было социальных катаклизмов даже тоталитарную экономику.

Хотелось бы хоть слегка коснуться и проблемы социальной вины. Одним из основных пунктов обвинения капиталистов марксисты считают жестокие методы в эпоху первоначального накопления. Но вот уже давно поимерли и правнуки тех капиталистов, и большая часть тех капиталов пошла прахом, если не в первом, то во втором, третьем поколениях — от бесхозяйственности нерадивых наследников, экономических кризисов, инфляции. Так что большинство современных капиталистов восходят в своей родословной к рачительным и энергичным предпринимателям, начавшим свое дело с нуля (тем не менее, марксово проклятие распространяется и на них). Но морально ли винить тех немногих состоятельных людей, которые сумели сохранить доставшиеся им по наследству богатства, добытые их предками, может быть, и аморальными средствами?

Сложная это проблема — социальной вины...

³⁵ В советском языке слово *диктатура* вызывает четко выраженное негативное отношение. Но поразительно: стоит дополнить его словом *пролетариата*, как отношение большинства советских людей к диктатуре меняет свой знак на противоположный. Пример этот, как нельзя лучше, иллюстрирует порочность мышления человека.

³⁶ Если под *новым обществом* понимать его контуры, логически вытекающие из марксизма, то оно как система полностью построено где-то к 1933 году. Если же под *новым обществом* понимать такое, в котором восторжествовали бы идеалы социальной справед-

ливости, двигавшие большевиками до захвата ими власти, то, как следует из работ Б.Бруцкуса и Ф.Хайека, такой социализм с **неизбежностью** должен скатываться к реальному. Многие идеалы социалистической справедливости воплощены в жизнь, но отнюдь не в коммунистическом, а в буржуазно-демократическом обществе. И, как показал М.Фридман в своей книге «Капитализм и свобода», нет никаких принципиальных препятствий к тому, чтобы довести либерально-демократическое общество до удовлетворительного состояния именно с точки зрения социальной справедливости.

³⁷ Но наперекор этому закону государство обрезало почти все легальные материальные стимулы к эффективной работе советских хозяйственников. Если в капиталистическом обществе у хозяйственника есть мощный стимул — возможность увеличить свой доход в два, десять, сто раз, то советский хозяйственник может рассчитывать самое большее на 20-процентную надбавку. И при огромном риске потерять то небольшое, что он уже имеет, у него нет ни малейшего желания проявлять инициативу. Колоссальный ущерб, наносимый этим обстоятельством, общеизвестен.

³⁸ Основным критерием ценности советского руководителя является выполнение плана его предприятием. Но именно невозможность отступить от плана и породила фантастический кризис перепроизводства и недопроизводства в советской экономике. Году в 1980-м на страницах «Комсомольской правды» директор одного из совхозов жаловался: «Если бы нам позволили выращивать капусту, мы были бы миллионерами. Но нам планируют выращивать лук, который в наших краях не растет...»

А вот пример иного характера. К середине 70-х годов на Подольском механическом заводе скопилось 2 миллиона (!) швейных машин устаревшего образца, тем не менее план по их производству год от года наращивался.

⁴⁰ Утверждение политэкономии социализма о том, что «при капитализме научно-технические открытия кладутся, как правило, под сукно», направлено явно не по адресу. Стоит ознакомиться только с материалами, публикуемыми советским журналом «Изобретатель и рационализатор», чтобы увидеть, какие уникальные изобретения замораживаются именно при социализме. Так, невероятных параметров и характеристик бесшатунный двигатель Ба-

ландина, изобретенный еще в 30-е годы, не внедрен в производство и поныне!

Двое экономистов-математиков, выпускников московского Института управления рассчитали для транспортного агентства оптимальный план перевозок, позволяющий увеличить прибыль в 10 (!) раз. «Ни в коем случае! — заявил директор. — А если с вами что случится и я не смогу найти вам замену, кто позволит мне вернуться на прежний уровень прибыли?!»...

Случается, что за попытку внедрить свое детище изобретатель попадает даже на скамью подсудимых. В конце 70-х годов двое харьковчан изобрели способ мытья стекол теплиц, позволяющий повысить производительность труда на этой трудоемкой операции раз в сто. Однако никто из хозяйственников не захотел не то что внедрить, но хотя бы испытать на практике новый метод. Тогда изобретатели, назначив себе расценки вдсятеро ниже существовавших, подрядились на работу в один из крупных совхозов, в результате чего их осудили за... частнопредпринимательскую деятельность!

⁴⁰ Т.е. кто-то должен иметь монополию на распределение общественного продукта. Но будучи бесконтрольным, монополист возьмет из общественного котла столько, сколько ему заблагорассудится. И по сравнению с богатством этого монополиста богатство самых состоятельных людей капиталистического общества — капля в море. По этому поводу уместно процитировать Маркса: «Англиканская церковь скорее простит нападки на 9 из 10 ее членов, чем на 1/10 часть ее дохода». Комментарии, как говорится, излишни...

⁴¹ К сожалению, этот факт недопонимается даже диссидентами. Более того, многие из них экономическую борьбу считают даже чем-то неприличным. А между тем борьба за духовную, интеллектуальную и политическую свободу без совмещения ее с борьбой экономической, как правило, обречена на неудачу.

⁴² Можно доказать чисто математически, что максимальный эффект отоваривания зарплаты может быть достигнут только при помощи рынка, основанного на ценах, уравнивающих спрос и предложение. Любое же авторитарное вмешательство в распределение (трудовых доходов!) и обмен снижает их эффективность.

Допустим, вам крайне нужен сюртук и совершенно не нужны сапоги, а другому, напротив, нужны сапоги и не нужен сюртук. Авторитарное распределение может привести к тому, что вам достанутся сапоги, а другому — сюртук, что при рыночном механизме распределения исключается абсолютно.

Исключив из своего исследования само явление *ценность*, Маркс обрезал себе все пути к пониманию важнейшего социологического факта: в результате обмена происходит **возрастание** чего-то общественно важного. Этим *важным* является **суммарная общественная ценность товаров**, следовательно, и благосостояние общества в целом.

⁴³ Установление продажной цены выше той, при которой спрос равен предложению, ведет к затовариванию продукции на складах, а следовательно, к «перепроизводству», т.е. производству ненужных (при данной цене) вещей. Занижение же цены порождает явления дефицита и очередей и ведет к тому, что значительная часть товара попадает в руки не тех покупателей, которые этот товар ценят выше остальных. **Только** из-за авторитарного ценообразования эффективность использования советским обществом уже произведенных товаров снижается раза в три.

⁴⁴ Как здесь не напомнить утверждение Маркса, что социализм якобы имеет экономическое преимущество перед капитализмом уже в том, что оплата государственных чиновников при социализме будет во много раз ниже, чем при капитализме. Практика показала как раз обратное: число советских чиновников, фактический (с учетом всех привилегий) доход которых в десятки раз превышает среднюю зарплату рабочего и которые к производству ценностей не имеют ни малейшего отношения, исчисляется миллионами (по некоторым данным — 11). Так что советский трудящийся половину своего времени тратит на поддержание баснословно высокого уровня жизни советской элиты.

Труд тех чиновников, функция которых состоит в подавлении элементарных прав человека (в том числе и экономических свобод) следовало бы квалифицировать как **общественно вредный**.

⁴⁵ Таким образом, перспектива создания системы трудовых концлагерей (в том числе и колхозов) было предсказано Бруцкусом задолго до того, как они стали базисным укладом хозяйственной жизни при социализме.

⁴⁶ Этот вопрос не утратил своего значения и поныне, ибо, несмотря на многомиллионные жертвы коммунизма, сотни миллионов людей во всем мире *любой* ценой хотят попасть в этот «рай». И сегодня апологеты реального социализма проповедуют идею о том, что труд является якобы самым свободным лишь тогда, когда работник лишен возможности выбирать -- кем, с кем, сколько, когда и на кого работать...

⁴⁷ Этот вывод, конечно, не может обрадовать тех, кто надеется на вариант социализма «с человеческим лицом». Теорема о том, что **необходимым** условием соблюдения в обществе прав человека является основанная на частной собственности и конкуренции рыночная экономика, наиболее полно и убедительно доказана Ф.Хайеком («Дорога к рабству»). Но мы видим, что Бруцкус вскрыл антиправовую сущность марксистского социализма, причем в весьма широком спектре, двадцатью годами раньше. И Хайек признал это в своем предисловии (см. Приложение) к его труду.

⁴⁸ Этот ужасный вывод выглядит смертным приговором идее коммунизма. Если фашисты вполне осознанно, как мне кажется, отреклись от себя, от личности во имя идеи и государства, то коммунистическая идеология оказалась коварной ловушкой для ее же собственных проповедников и апологетов. Самой жуткой мировой трагедией следует, пожалуй, считать невероятный по своему размаху *самообман* истинных коммунистов. Ведь в противоположность фашистам они-то в своей массе стремились к *освобождению личности*, и тем не менее по пагубным последствиям, оцениваемым объективно, намного превзошли первых. Даже когда миллионы коммунистов оказались истребленными **самими же коммунистами**, оставшиеся в живых так и не уловили причинно-следственной связи.

Рабство, к которому неизбежно ведет коммунизм, да и любая форма госмонополистического социализма, оказалось в теории марксизма настолько замаскированным, что лишь редкие умы дошли до полного, системного понимания этого факта. Это обстоятельство еще раз наводит на мысль, что сознание человека в чем-то *порочно*, и это явление мне кажется одним из самых паразитических в природе.

⁴⁹ С математической точностью Бруцкус **вычисляет** будущее страны на многие десятилетия вперед: ее судьба трагична. К своему грустному выводу он приходит двумя путями: сначала через анализ последствий упразднения экономических свобод, и вот теперь — кратко, но достаточно убедительно — через вероятность (а между строк — и через неизбежность) появления **нового класса** эксплуататоров — коммунистической олигархии.

⁵⁰ Сказано и сказанное — прекрасно!

Однако заметим, что и Бруцкус, и Хайек в качестве исходных **аксиом** в своих научных анализах (к сожалению, в неявном виде) приняли гуманистические принципы человеческого общежития, то есть факторы, имеющие **самую** непосредственную и очевидную значимость для человека. Эти *аксиоматичность и непосредственность* и обеспечили двум ученым как логическую системность их исследований, так и *сквозную и очевидную* значимость для человека *каждого* их вывода.

Напротив, марксов *исходный* принцип отмены частной собственности не является *непосредственно* прагматическим; он — *средство* (причем средство, под которое уже подгонялись цели). А в чем же состоят **конечные** цели марксизма? В равенстве — за счет трудолюбивых? В труде — практически бесплатном? Братстве — коммунистических мультибогачей с узниками концлагерей? Марксистско-ленинский коммунизм — это прежде всего **диктатура**. И никакой диктатор не нуждается в братстве с холопами...

⁵¹ Это очень деликатный вопрос — об ответственности российской интеллигенции перед своим народом. И, по крайней мере, эмоционально Бруцкус винит ее в том, что она в своем большинстве отказалась от принципа личной свободы. Надо полагать, что свой отказ она совершила не из злого умысла. Беда человеческого сознания состоит в том, что оно в большинстве случаев **не способно** увидеть в системе идеализируемых принципов их внутреннюю противоречивость. И потому мы должны быть весьма признательны Беру Давидовичу Бруцкусу и Фридриху Хайеку за то, что они так просто и убедительно показали, почему госмонополистический социализм с **неизбежностью** приводит к **человеконенавистничеству**.

Невероятно, но факт: для большинства людей в мире система исходных формализованных (! — это важно) моральных принципов марксизма-ленинизма является западной. Приняв их на корот-

кое время, люди становятся их рабами. В эту западню попали тысячи высоконравственных и отнюдь не глупых людей. А западня эта — всем феноменам *феномен!* Всего несколько исходных «молитв» — и человек становится фанатиком. И самое страшное — человек теряет *критическое начало*. Разве не удивительно, что за 70 последних лет коммунисты **ни разу** не вступили в диалог со своими критиками, не говоря уж о противниках. В «лучшем» случае они предпочитали их просто уничтожать физически. Видимо, **абсолютная нетерпимость** есть один из самых первородных моральных принципов апологетов коммунизма.

Фактором необратимости процесса разложения тоталитаризма стало бы, на мой взгляд, обращение общественного сознания к капитализму, открытая публикация в тоталитарных обществах таких книг, как, например, «Капитализм и свобода» Мильтона Фридмана, которую я считаю главным *программным* документом человеческой цивилизации на современном этапе.

К счастью, по всем признакам, любое общество имеет тенденцию развиваться в направлении к капитализму, к рыночной экономике. Огорчительно, что советская интеллигенция в основной массе отвергает капиталистический путь развития общества. Многие инакомыслящие придерживаются идеи «третьего пути»: ни социализма, ни капитализма. Но ведь собственность на средства производства может быть либо общественной (коллективной или частной) — и в этом случае ими распоряжаются те, кто их присвоил на основе **личного** труда (непосредственно или путем обмена), либо государственно-монополистической — и в этом случае ими распоряжается **аппарат диктатуры**, который к процессу производства не имеет ни малейшего отношения и всеми силами стремится не позволить обществу распоряжаться средствами производства по своему усмотрению. И третьего **не дано!** Разве что вообще уничтожить все средства производства...

Попытки создать госмонополистический социализм «с человеческим лицом» удивляют. В одном из приложений к журналу «Нива», если не ошибаюсь, за 1907 год мне попалось небольшое сообщение о том, что к тому времени число попыток создать бесконфликтное коммунистическое общество перевалило за 1000 (!), и **ни одна из них** не увенчалась успехом. Прошедшие с того времени три четверти века дали массу примеров осуществления социализма уже в государственных масштабах, и ни одно из этих обществ ни на йоту не приблизило человечество к «светлому будущему».

Более того, в подавляющем большинстве случаев социализм сопровождался (и сопровождается) невиданным дотоле бессмысленным **истреблением населения**, низким жизненным уровнем, лишением народа **всех** элементарных прав человека. Не пора ли только из этих фактов сделать окончательный вывод об утопичности идеи построения гармоничного общества на пути госмонополистического социализма?!

К глубоким выводам приводит социокибернетическая модель, в которой для каждого члена общества n , для каждой вещи i , каждой цели j и каждого вида труда k заданы: вектор ценности C_{ni} и вектор трудовых возможностей T_{nk} , при целевой функции $\max F_n(J)$, где $J = [j] = [1, 2, \dots]$ и при технологических ограничениях $Q_i = f([i], [j])$. Построение и расчет этой модели вполне посильны для каждого, не забывшего школьную программу по математике, и есть все основания полагать, что выводы всех исследователей окажутся тождественными.

⁵² Вне всякого сомнения, это не отход от темы, а наоборот, ее полное раскрытие. Именно *системным* подходом и обусловлен высокий научный уровень работы Бруцкуса. Только рассматривая во взаимосвязи экономику и политику, личность и общество и ставя во главу угла потребности **каждого конкретного** человека, можно выработать истинное знание о человеке вообще и об обществе в частности.

⁵³ Для устойчивости господства нового класса такое марксово предназначение интеллигенции, служащих и работников сферы обслуживания было предельно ясным и удобным. Стоит ли после этого удивляться тому, что инженерные кадры в стадии завершения построения социализма в СССР истреблялись в первую очередь, что профессия экономиста ныне — одна из самых нудных и непочитаемых, что номинальная зарплата работников сферы торговли такова, что они могут сводить концы с концами, только нарушая закон?

В вопросе об общественной полезности труда мы придерживаемся иной точки зрения: труд является общественно полезным, если он или его результаты не предназначены для осуществления насилия и пользуется спросом на общественном рынке. Исходя не из интересов общества, потребителей, а из интересов его будущих правителей, Маркс, естественно, не смог или не пожелал уви-

деть различной общественной значимости товара в двух случаях — когда товар находится на складах предприятия и когда он находится в руках потребителя.

⁵⁴ Как стало известно, летом 1987 г. в Советском Союзе были реабилитированы несколько экономистов, уничтоженных в 30-е годы, и даже намечается переиздание их трудов. Из всех мероприятий Горбачева я придаю этому факту самое важное, с точки зрения необратимости поступательного движения перестройки, значение. Корректный стиль изложения работы Бруцкуса может позволить Горбачеву реабилитировать и его. Но отважится ли Горбачев на это (самое убедительное для меня доказательство его демократических намерений)?..

⁵⁵ Стопроцентную незаинтересованность советского руководителя в экономическом **развитии** вверенного ему предприятия следует считать одним из главных тормозов в социалистической экономике. Советский директор — это приказчик, и в первую очередь, он — слуга, раб: он должен обеспечить выполнение плана (**и только!**). А ведь слуге нет никакого дела до интереса хозяина...

Нет особых стимулов в эффективном ведении хозяйства и у главного хозяина — Политбюро ЦК КПСС: на их век хватит и **при самой отсталой экономике**.

⁵⁶ И это сказано за восемь лет до принудительной «коллективизации» сельского хозяйства! Некогда в царской России существовала такая форма крестьянского налога — десятина (осужденная коммунистами как форма эксплуатации): девять частей урожая — крестьянину, а одну — барину. Придя же к власти, коммунисты все перевернули: крестьянин теперь имеет право заготовить себе, например, одну тонну сена, если он предварительно заготовит десять тонн государству.

⁵⁷ Большевики это, конечно, понимали и потому провели коллективизацию. Понимают это и нынешние руководители и потому, несмотря на голод в стране, опасаются не только вернуть крестьянам землю, но и позволить им работать **только** на своих крохотных приусадебных участках.

Напомню, что подушная норма земли составляла до «революции» 2 га. Сразу же после переворота большевики за счет барских

земель увеличили надел до 2,5 га на едока (см. «Справочник коммуниста» за 1923 г.). Сейчас же средняя норма приусадебного участка в расчете на едока составляет... **0,03 га.**

По данным того же справочника можно определить, что введение НЭПа увеличило темпы развития экономики до 200-300% в год!!! И 500 млн. пудов зерна излишку были произведены непосредственно после голодного 1921 года! Вот экономический эффект свободы!

⁵⁸ Мнение, будто бы наниматель непременно «эксплуататор» и негодяй, а наемный работник — непременно «эксплуатируемый» и обворованный, у многих не вызывает ни малейшего сомнения. Но почему? Разве взаимоотношения нанимателя и наемного работника не основаны на свободном волеизъявлении обеих сторон?..

Для морального анализа этой проблемы марксисты почему-то всегда берут наемного работника, находящегося на грани абсолютной нищеты и угрозы физической смерти. Но в жизни демократического государства, тем более в наше время, такая ситуация — исключительная редкость. И нет никаких непреодолимых преград — ни материальных, ни юридических — к тому, чтобы любой человек мог работать в качестве единоличника. И нанимаясь, человек делает **сознательный и свободный** выбор среди множества возможных вариантов: быть самому нанимателем, быть единоличником, быть членом кооператива или быть наемным работником — что ему кажется **выгодней.**

Да и кто при взаимодобровольном сотрудничестве является нанимателем? И зачастую профсоюзы предъявляют такие жесткие требования к капиталисту, что то не выдерживает и разоряется. Кто же кого в этом случае «эксплуатирует»? .. (См. также комм. 6).

⁵⁹ Ф.Хайек в этом явлении усматривал одну из важнейших причин победы фашизма в Германии.

⁶⁰ Бруцкус предсказал даже это!.

Несколько слов в заключение.

*Коммунисты взялись построить самое свободное общество на земле, но инструментом для этого они выбрали **ничем не ограниченную диктатуру**: как в день захвата власти, когда отборные отряды*

большевиков распорядились судьбой женского батальона, несшего символическую охрану Зимнего дворца, так и во все последующие семь десятилетий. Но история всех диктатур без исключения (в том числе и марксистско-ленинского типа) показывает, что в таком обществе никому, включая и самого диктатора, не может быть гарантирована свободная и спокойная жизнь. И путь к истинной демократии и гуманизму лежит лишь через **отказ** от диктатуры и от любых форм насилия. И прежде чем начать борьбу за свободное общество, нужно понять одну простую истину: свободы **без** принятия на себя определенной **ответственности** — соблюдать свободу других — **не бывает**. Борьбa за свою свободу — дело естественное, бороться за свободу других — великая честь, но подвиг — это не нарушать свободу других..

Рынок товаров и особенно рынок труда — вот лучшая школа либерализма, следовательно, и антитоталитаризма. Незаинтересованность трудящихся в качественных результатах своего труда на социалистических предприятиях обрекает социализм на все большее и большее отставание от капитализма. С другой стороны, развитие «несоциалистического» сектора экономики учит людей не только либеральным взаимоотношениям, но и показывает преимущество частно-предпринимательской формы хозяйствования. В связи с вышесказанным есть надежда на крах тоталитарного строя по крайней мере в Советском Союзе, где несоциалистические, демократические процессы в экономике набирают быстрые темпы

P.S. Данные записи были закончены мною в основном к 1985 году. Трагическая гибель Анатолия Марченко, возможно, явилась определенной вехой поворота советской политики. Если М. Горбачевым действительно намерен покончить с прошлым, выход у него, как мне представляется, единственный: объявить, что принцип **взаимодобровольности** в отношениях между людьми нисколько не противоречит фактической коммунистической морали, а затем (и это главное!) — **в полном логическом соответствии с этим принципом** — демополилизировать собственность на средства производства и предоставить всем желающим реальные возможности для активной предпринимательской деятельности во всех сферах экономики. Если к тому же принцип взаимодобровольности будет поставлен во главу угла и в преобразовании социально-политических институтов, Горбачев будет иметь все шансы войти в историю как самый выдающийся реформатор. Любая же иная политика — **безнадежна**.

Б.Бруикус

О ПРИРОДЕ РУССКОГО АГРАРНОГО КРИЗИСА

Аграрный кризис, который в сознании крестьянства представляется в виде элементарного факта малоземелья, требующего прирезки земли, и который, как известно, отобразился в сознании интеллигенции соответственной теорией малоземелья, в действительности является результатом взаимодействия очень многих и сложных условий. Он свидетельствует о неудовлетворительности не только аграрной, но и всей экономической организации страны. Народное хозяйство в настоящей его организации не вмещает всего населения. Это и выражается в «аграрном перенаселении», которое ощущается в наиболее отсталых районах страны. Изменения в отношениях земельной собственности, осторожно проведенные, могут иметь некоторое значение для ликвидации кризиса, но и в лучшем случае решающего значения они иметь не могут. Кризис аграрного перенаселения можно преодолеть лишь всесторонним углублением народного хозяйства.

Между тем, понятие «малоземелье» как раз и противопоставлялось понятию «перенаселения». Последнее признавалось со стороны передового русского общества злостной выдумкой буржуазной экономической мысли. Говоря о малоземелье, интеллигенция всегда подразумевала, что только у крестьян земли мало, но что, вообще, земля-то имеется, что ее можно «дать в достаточном количестве», что ее «хватит».

Для такого воззрения было создано и известное историческое обоснование. Корни «малоземелья» находили в освободительном акте 1861 года*.

---

* В своей появившейся в 1924 г. книге «Крестьянское хозяйство», стр. 47, С.Н.Прокопович считает возможным подтвердить этот старый взгляд.

Освобождение крестьян в России совершилось не в революционном порядке — организация власти осталась без перемен. Поэтому, конечно, при осуществлении этой реформы интересы дворян были хорошо соблюдены. И, тем не менее, крестьяне не были при этом очень обделены землей. Объясняется это тем, что к моменту освобождения крестьян дворянство не успело выработать завершеного типа капиталистического хозяйства, оборудованного собственным инвентарем. Дворянство сомневалось, и, как дальнейшие события показали, с достаточным основанием, в том, что оно в условиях свободного труда сумеет совладать со своим прежним хозяйством. Поэтому у него не было особенного интереса стремиться к тому, чтобы расширить свое хозяйство за счет земель крестьянского пользования. Таким образом, кроме небольшой группы крестьян, согласившихся принять дарственные наделы, остальные крестьяне потеряли очень мало из той земли, которой они пользовались во время крепостного права. Крестьяне в России вышли из крепостной завистимости с гораздо большим, и абсолютно, и относительно, количеством земли, чем крестьяне на Западе, в Польше, Германии и Австро-Венгрии. Правда, на них были наложены изрядные платежи, но они были впоследствии сокращены и даже совсем сложены. И несмотря на это, кризис аграрного перенаселения оказался более ощутительным в России, чем на Западе.

Но, кроме того, при указанном способе исторического объяснения русского аграрного кризиса упускается из виду, что около половины русских крестьян сидела на казенной земле, между тем как на Западе относительная численность этой группы крестьян была значительно ниже. Казна же почти всю сельскохозяйственную площадь передала крестьянам, и, следовательно, этой, столь значительной, части крестьянства на малоземелье не приходилось бы жаловаться, ибо почти никакой земли, оставшейся в нетрудовом пользовании, земле государственных крестьян не противостояло. Между тем, ведь никто еще не характеризовал русский аграрный кризис как специальный кризис помещичьих крестьян. По общему убеждению, кризис захватил и государственных крестьян. Если последние получили значительно больше земли, чем помещичьи крестьяне, то они зато быстрее размножились, тем более, что они были более выдержанными общинниками. В аграрных беспорядках и государственные крестьяне принимали весьма деятельное участие.

Сказанное убеждает нас в том, что сохранение за дворянами некоторой, притом значительно меньшей, части сельскохозяйственной площади само по себе совершенно недостаточно для объяснения исторического генезиса русского аграрного кризиса. Кто желает выяснить причины русского аграрного кризиса, тот должен выявить те обстоятельства, которые задержали темп развития русского народного хозяйства вообще и сельского хозяйства в частности, которые привели к тому, что он отставал от темпа нарастания населения. В то время, как громадные естественные богатства России (ее обширные окраинные земли, ее беспредельные северные леса, ее рыбные и рудные богатства) лежали неиспользованными, громадные избытки населения скоплялись в деревне на северном черноземе, не находя приложения своему труду.

Дело здесь было, очевидно, не в распределении земельного фонда. По данным 1905 года, наделные земли занимали площадь в 128,9 млн. дес., а частновладельческие — только в 98,4 млн. дес., из которой очень значительная часть была под лесом. До 1905 года не менее 15 млн. десятин частновладельческой земли дополнительно перешло в руки трудового населения; к тому времени крупные землевладельцы имели в своих руках не более 1/4 всех земель сельскохозяйственного пользования. А потому от передачи крестьянам частновладельческой земли (кроме лесов) коренного изменения в экономическом положении крестьян ожидать было невозможно, тем более, что значительная часть этой земли уже находилась у крестьян в аренде. То несоответствие, которое существовало на северном черноземе между арендными ценами и доходностью земли в крестьянском хозяйстве, не могло быть причиной аграрного кризиса уже потому, что бóльшая часть крестьян даже не арендовала земли; оно было лишь симптомом кризиса, оно указывало на несоответствие между спросом и предложением земли, на недостаточную емкость территории при данной организации сельского хозяйства.

О серьезности создавшегося в России положения можно судить из сравнения густоты сельского населения в ее важнейших аграрных районах по сравнению с густотой сельского населения в районе Западной Европы. Столь распространенное убеждение, что в России по сравнению с Западом имеется земельный простор, основывается на недоразумении. Обычно упускается из виду, что процент населения, занятого в сельском хозяйстве, на Западе значительно ниже, чем в России. А затем делаются огульные расче-

ты на всю Европейскую Россию, причем упускается из виду, что обилие земли, притом большею частью лишь посредственного качества, на окраинах не имеет значения для населения центральных районов России*. В действительности же, на душу населения, занятого сельским хозяйством, приходится в главных районах северного чернозема меньше земли, чем ее приходится во многих государствах Запада, например, в Англии, Франции, Германии, Дании. Густота сельского населения в Юго-Западном крае может идти в сравнение только с густотой сельского населения Голландии и Бельгии**. Теперь приходится еще принять во внимание, что и естественные условия для ведения интенсивного хозяйства и рыночные условия в России гораздо менее благоприятны, чем на Западе.

Уже на заре своей литературной деятельности, в своих знаменитых «Критических заметках к вопросу об экономическом развитии России», П.Б.Струве с действительной прозорливостью сумел верно определить сущность русского аграрного кризиса. «...Перенаселенность, — говорит он, — то есть избыток земледельского населения, в связи с наследием натурального хозяйства, технической нерациональностью крестьянского земледелия, к которому обуславливается его низкая производительность, — вот основные причины крестьянского обеднения»***. Совершенно правильно и последовательно П.Б.Струве оценил также народнические проекты решения аграрного вопроса****:

«Совершенно бесспорно, — утверждает он, — что в настоящее время никакая ликвидация частных хозяйств в пользу крестьянского не может устранить перенаселения значительной части России (курсив П.Б.Струве) в смысле избытка рабочих рук и местами даже в смысле избытка ртов относительно пищи, произво-

---

* В этом отношении известная книга *Б.Локтина* «Состояние сельского хозяйства в России в сравнении с другими странами» вводит читателя в заблуждение.

** См. об этом в моей книге «Аграрный вопрос и аграрная политика». Петроград, 1922 г., стр. 102 и у *С.Н.Прокоповича* «Крестьянское хозяйство», стр. 226.

*** «Критические заметки», стр. 238. — Несколько позже схожий взгляд на сущность русского аграрного кризиса высказал П.П.Маслов в своем «Аграрном вопросе», но он не сделал из этого надлежащих выводов.

**** «Критические заметки», стр. 200-201.

димой на данной площади. И даже если уничтожение избыточно-го населения путем указанной ликвидации было бы достижимо и последняя была бы возможна, то это, при условии сохранения и укрепления натурального хозяйства, отбросило бы нас только на несколько десятков лет назад, а затем мы вернулись бы благополучно к той точке, на которой находимся теперь. Вопрос о подъеме всего народного производства стоял бы перед нами в еще большей наготе».

К сожалению, эти замечательные слова П.Б.Струве были всеми забыты*. Разгоравшаяся ожесточенная борьба с самодержавием создала для русского общества роковую невозможность объективно отнестись к аграрному вопросу. Эта борьба вынуждала передовые круги русского общества выдвигать аграрные программы, которые с народнохозяйственной точки зрения были опасны. У крестьянства поддерживалась иллюзия, что простой передвижкой меж оно обеспечит свое благополучие. На эту мало плодотворную реформу русское общество готово было потратить все культурные и материальные силы совсем небогатой страны. Во имя аграрной реформы оживлялся и генерализировался институт передельной общины, который ведь и являлся одной из важнейших причин аграрного перенаселения. В то время как важнейшей задачей времени было углубление народного хозяйства, признавался приоритет продовольственного хозяйства, которое, именно, противостоит развитию народного хозяйства. Но самое опасное в этих проектах было глубокое потрясение принципа частной собственности, на котором строится и не может не строиться всякое развитое меновое хозяйство.

Конечно, программы различных партий были не одинаковы. Наиболее опасной для народного хозяйства была программа социалистов-революционеров. Она задавалась целью привести все земельные отношения в какое-то текучее состояние, исключаящее всякое рациональное хозяйствование на ней, и она меньше всего

---

* Они не были достаточно оценены в свое время и автором этих строк. И если после революции 1905-1906 г. моя мысль стала работать в том же направлении, то, между прочим, я этим обязан и влиянию П.Б.Струве, который, делая в частном письме от 1908 г. критические замечания по поводу одной моей рукописи, отрицательно отозвался о господствующих взглядах на русский аграрный кризис и напомнил мне взгляд на кризис, высказанный им в «Критических заметках».

церемонилась с принципом частной собственности. Осуществление этой программы уже заключало в себе разрушение существующего народного хозяйства, хотя не все защитники ее себе это отчетливо представляли. Несколько осторожнее была отредактирована программа народных социалистов, и еще больше считались с интересами существующего народного хозяйства проекты конституционно-демократической партии. Тем не менее все эти программы, более или менее радикальные, исходили из тех же принципов. Все левые партии утверждали, что они знают, как можно аграрный вопрос «решить», что это решение состоит в дополнительной прирезке земли; и все они признавали приоритет продовольственного хозяйства перед всяким рыночным. Кроме того, и самая умеренная программа предполагала экспроприацию земель крупного землевладения, а это было возможно только в порядке революции, которая должна была повести к победе крайних течений.

Отвлекаясь от политической стороны вопроса, мы с экономической точки зрения должны признать, что в знаменитом споре между левыми партиями и П.А.Столыпиным по аграрному вопросу последний был прав, когда он утверждал, что аграрного вопроса нельзя «решить», что предлагаемый левыми метод к этому привести не может, а что его можно только «решать» системой частичных, между собой согласованных, мероприятий. И он был вдвойне прав, когда боролся против всякого глубокого потрясения принципа частной собственности. В указанных же рамках П.А.Столыпину удалось наметить правильные пути для разрешения аграрного кризиса. Но, увлеченное политической борьбой, русское общество не было в состоянии дать его политике правильную оценку, оно в ней ничего не видело кроме защиты классовых интересов дворянства. Русская интеллигенция не хотела понимать того, что классовые интересы можно защищать в противоречии с интересами народного хозяйства, но классовые интересы, даже аристократические, можно защищать и в согласии с интересами народного хозяйства. И П.А.Столыпину, впервые после долгой реакции, удалось взять под защиту интересы дворянства на основе прогрессивного развития народного хозяйства. Его мероприятия несомненно вели к разрешению аграрного кризиса*.

---

* Подробная оценка аграрной политики П.А.Столыпина дана мной в моей книге «Аграрн. вопрос и аграрн. полит.», стр. 106-130.

Деятельность Крестьянского Банка была значительно расширена, и после 1906 года он сумел передать в руки крестьян более 10 млн. дес. земли. То обстоятельство, что ликвидация земли происходила на основе свободного договора, приводило к тому, что ликвидировались преимущественно имения, с народнохозяйственной точки зрения мало ценные, сдававшиеся в мелкую аренду, в то время как ценные для народного хозяйства капиталистически организованные имения сохранялись. То обстоятельство, что земля раздавалась не бесплатно, хотя и на достаточно льготных условиях, служило известной гарантией того, что она будет использована в известном соответствии с требованиями народного хозяйства. Надо признать, что Крестьянский Банк поступал совершенно целесообразно, когда заботился о наилучшем использовании земли в порядке внутренней колонизации. Пессимистические прогнозы интеллигенции относительно деятельности Банка не оправдались; внешним выражением его успеха было довольно аккуратное поступление платежей от крестьян.

Далее правительству удалось расширить переселение до небывалых размеров, причем оно шло успешнее, чем когда бы то ни было. Оно имело не только то значение, что осуществляло отток избыточного населения из перенаселенной деревни, оно кроме того вело к созданию на окраинах многочисленных кадров зажиточного крестьянства, которое своим платежеспособным спросом могло стимулировать развитие промышленности.

Указом 9 ноября 1906 года П.А.Столыпин дал возможность отойти от земли тем многочисленным элементам, которые не только не были способны использовать своих наделов, но которые в условиях принудительного севооборота не могли не тормозить общего прогресса сельского хозяйства в деревне. Надельная земля от бесхозяйственных элементов переходила к хозяину. П.А.Столыпин бросил в толщу крестьянства идею внутринадельного землеустройства. Успех этой идеи был в русской деревне совершенно исключительный. Она пережила и своего автора, и аграрную революцию, и именно после нее торжествует свою победу на равнинах России.

Немало было сделано после 1906 года и для поощрения кооперации и для развития кредита. Что же касается постановки общественной агрономии в России накануне войны, то она была образцовой и на западно-европейскую мерку.

Конечно, в аграрной политике П.А.Столыпина были и недочеты, обусловленные ее общей политической обстановкой. Без потрясения принципа частной собственности можно было бы закрепить за крестьянством, в более или менее окончательной форме, арендуемые им у помещиков земли и таким образом ликвидировать важнейший объект его вожделий. Совершенно напрасно также правительство не смягчало, а обостряло те трения, которые неизбежно возникают при выделе земли из общины. Но эти недочеты не могут изменить нашей общей оценки аграрной политики А.А.Столыпина.

«Мы поставили ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных» — это было правильно, ибо иначе строить народное хозяйство нельзя. Если самый важный экономический нерв страны — сельское хозяйство должно руководиться крестьянством, то оно должно уметь «ответ держать» перед народным хозяйством. Аграрная политика П.А.Столыпина была правильна и в своих частностях, и в ее целом. И самое замечательное состоит в том, что, несмотря на аристократические тенденции ее автора, она была хорошо использована всей толщей крестьянства и дала хорошие результаты и с социальной точки зрения, что вынуждены были признать даже и некоторые экономисты противоположного лагеря (А.А.Кауфман, Н.П.Огановский). Аграрное перенаселение шло явно к своему разрешению. Лучшим мерилom общего подъема экономического положения крестьянства было существенное улучшение накануне войны положения рынка труда в пользу сельскохозяйственных рабочих.

Было бы односторонне приписывать начавшееся разрешение аграрного перенаселения исключительно только аграрно-политическим мероприятиям. Кризис аграрного перенаселения на почве одного только сельского хозяйства, вообще, разрешен быть не может. Несомненно большее значение имели успехи промышленности, создавшей и спрос на рабочие руки, избыточные для сельского хозяйства, и спрос на продукты последнего. Эти успехи промышленности связаны с жертвами, принесенными для ее воспитания еще в 90-х годах; они связаны с железнодорожным строительством, вовлекшим в круговорот менового хозяйства русские окраины с их еще неисчерпанными богатствами, они связаны с удачным введением гр. Витте золотого обращения и с более обильным притоком в страну иностранных капиталов, создавших такой могучий нерв экономической жизни страны, как промышленность Донецкого бассейна. Мировой подъем цен на продукты сель-

ского хозяйства имел также весьма важное положительное значение для народного хозяйства России, как страны, которой вывоз состоит, главным образом, из этих продуктов*.

Last not least, имел значение и тот духовный подъем, который вызвала революция 1905-1906 г. Она растрясла вековую рутину, впервые пробудила мысль народных масс и стимулировала их энергию. И аграрная политика правительства дала этой энергии известный выход для творческой деятельности. Накануне войны живые элементы крестьянства были в нее втянуты. Одни строили свое хозяйство на купленной у Крестьянского Банка земле, другие выделялись в хутора или отруба, третьи уходили на новые земли в Азиатскую Россию. Наиболее культурные элементы крестьянства втягивались в кооперативное строительство. Прогрессивные течения в русском крестьянском хозяйстве никогда еще так ярко не намечались, как накануне войны. Община явно разлагалась, а вместе с ней отмирала и «черно-передельческие» настроения. Ничто не предвещало бури.

И если она все-таки пришла, то она была вызвана чисто внешней причиной. Русская революция вообще и русская аграрная революция в частности есть результат тяжелой войны, непосильной для неокрепшей еще страны, — войны, совпавшей с роковым разложением ее исторической власти. Стремительное крушение исторической власти вызвало на поверхность все разрушительные силы. Дух общины и «черного передела» ожил вновь. Мечты народа, которые не удалось осуществить в 1905 году, представлялась возможность осуществить теперь. Интеллигенция к этому призывала, и народ соблазнился.

В 1917 году произвести аграрную революцию имело смысл лишь в том случае, если ее довести до конца. С 1906 года в районах обостренного аграрного кризиса и обостренных аграрных волнений в руки крестьян перешли миллионы десятин помещичьей земли. От дальнейшей ее прирезки крестьянское землевладение не могло увеличиться даже на 20%. Очевидно, что «черный передел» надо было совершить полностью, надо было осуществить програм-

---

* Характерно, что группа очень видных русских экономистов с *А.С.Посниковым* и *А.И.Чупровым* во главе защищала взгляд, что в России выгодны низкие цены на хлеб. Если даже согласиться, что большая часть крестьян прикупала хлеб, то при благоприятном состоянии народного хозяйства, надо полагать, они легче окупали высокие цены на хлеб, чем при неблагоприятных — низкие цены.

му социализации земли социалистов-революционеров. И на основании традиций общины «черный передел» был в 1918 году совершен. Землю верстали еще и в последующие годы, пока уже к 1922 году советской власти удалось, наконец, приостановить поравнения, грозившие сделать невозможным какое бы то ни было разумное хозяйство.

«Горе той стране, — сказал в 1905 году крупнейший государственный человек России гр. С.Ю.Витте, — которая не воспитала в населении чувства законности и собственности, а, напротив, насаждала разного рода коллективное владение, которое к тому же не получило никакого определенного выражения в законе, а регулируется то неизвестным обычаем, то просто усмотрением. В такой стране могут рано или поздно произойти такие события, подобных которым, может быть, нигде не было». Слова эти были вешие, они были... зловещие. Община была опаснейшей миной, таившейся под фундаментом русского народного хозяйства. Восстанием рабочих и солдат фитиль был зажжен, и мина взорвалась. Русское народное хозяйство лежало в развалинах, а земля, вся земля без народного хозяйства оказалась не имеющей никакой ценности. Емкость территории сократилась, проблема народонаселения обострилась, и она стала решаться путем кровопролитий, голодовок и эпидемий.

Но боль за загубленные великие культурные ценности не должна нам закрывать глаз на происходящее в России. Среди мерзости запустения, среди развалин уже заметны ростки новой жизни. Возрождение русского народного хозяйства, возрождение русского сельского хозяйства уже началось, и уже можно наметить те основы, на которых они будут строиться.

Аграрная революция закончилась для крестьянства великим разочарованием. Чаемого земельного простора не оказалось. А там, где этот простор был на окраинах, его оказалось совсем недостаточно для хозяйственного благополучия.

Высшее торжество общины стало актом ее конечной гибели. Крестьянство изжило свою «чернопередельческую» психологию до конца. Заглохшие во время революции индивидуалистические течения возродились с такой силой, что даже коммунистическая власть вынуждена с ними считаться. Возрождение русского крестьянского хозяйства идет явственно по пути укрепления частной земельной собственности. Это нашло себе отражение даже в законодательстве коммунистической власти и окончательно выявится после ее смены.

Д. Штурман

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Уникальная работа Б.Бруцкуса, которой посвящено это послесловие, по-видимому, забыта и в СССР, и на Западе. Во всяком случае, его несомненный единомышленник, лауреат Нобелевской премии Ф.А.Хайек в списке рекомендованной литературы к своей знаменитой книге «Дорога к рабству» (русское издание Nina Karsov, London, 1983), работ Б.Бруцкуса не упоминает. Между тем Ф.А.Хайек написал сочувственное предисловие к английскому изданию труда Бруцкуса «Планирование в советской России» (G.Routledge & Sons, Ltd. London, 1935).

Пусть читателя не удивляет, что послесловие по объему не уступает предмету анализа. Глубок сам труд Бруцкуса. Судьбоносно для СССР и мира последующее многолетнее развитие выявленных им на заре советского социализма закономерностей. Очень показательное сопоставление его характеристик и прогнозов с выводами и фразеологией более поздних эпох. Многозначительна историческая симметрия, явно наличествующая между советскими ситуациями 1921-1923 гг. и конца 1980-х гг. Послесловие это написано, чтобы еще раз вдуматься в работу Бруцкуса, опираясь на опыт истекшего после ее создания шестидесятилетия. Оно является данью прозрениям и предупреждениям, которые в 1987 году звучат не менее злободневно, чем звучали в 1922-м.

1. Марксизм и проблема социалистического народного хозяйства

В начале своего исследования Б.Бруцкус пишет о делении «истории развития социалистических учений» на два периода: утопический и научный. Он видит в этом делении некую привычную дань фразеоло-

логии эпохи: марксизм — научный социализм, домарксистские социализмы утопичны. От Бруцкуса не скрыты, однако, элементы утопии в учении Маркса. От себя добавим, что марксизм утопичнее многих более ранних утопий: его финал /всемирное безгосударственное «безвластное» (Троцкий) «самоуправление ассоциированных производителей» (Маркс, Энгельс, Ленин)/ утопичнее тоталитарного идеала множества ранних утопий, в которых управлять, и тотально, призваны разнообразные олигархии (достоинейшие из граждан). Тоталитарный принцип (хотя и в не столь чистом виде, как у Платона, Кампанеллы, Мора, Вераса, Орвелла, Замятина, Хаксли и др.) **осуществим**, а «безвластное» самоуправление общества ни в государственных, ни в мировых масштабах — **нет**. Поэтому социализм Маркса, при всем его методологическом и методическом наукообразии, утопичен. Отдавая все ту же привычную дань словарю эпохи, Бруцкус называет марксизм «доктриной революционного пролетариата». Учение это является, однако, не собственной, имманентной пролетариату, идеологией рабочего класса, а привносимым в него извне вероучением радикальной интеллигенции. Собственный идеал пролетариата — устойчивая, хорошо оплачиваемая, в хороших условиях работа, умеренный рабочий день, обеспеченная жизнь, приятный досуг, а не власть, хозяйственно-производственная и административно-политическая. Политико-идеологические свободы и права нужны пролетариату для достижения его прагматических целей. Все прочее — от радикальной интеллигенции, чего в ряде работ не отрицают и основоположники марксизма, и их толкователи. Маркс, утверждая (по Бруцкусу), «что социально-экономические явления развиваются стихийно», с самого начала, с первых шагов, придавал колоссальное значение целенаправленной организации хода событий. И эта цепкая, целеустремленная деятельность стала стержнем функционирования марксистских партий, делающим их своеобразными эмбрионами, всегда готовыми в нужный момент развернуться в завоевательную, а затем и в государственную иерархию. Не зная, **как** они задействуют свой скупой очерченный ими идеал, марксистские партии твердо знают, **что** нужно им как обязательное предварительное условие всего прочего — **власть**, и ориентированы на ее завоевание со времен первого Союза коммунистов, созданного Марксом и Энгельсом (1850-е гг.).

«В то время как утопические социалисты на первом плане ставили задачу конструирования нового общества, научный социализм концентрировал свое внимание главным образом на критическом исследовании современной системы народного хозяйства и на выяснении

ее эволюции. Последняя уже предreshала некоторые основы будущего социалистического общества, но разработкой задачи систематического его конструирования Маркс не занимался.

Последователи Маркса точно так же не уделяли последней задаче своего внимания. Даже такой разносторонний и исключительно плодовитый писатель, как Карл Каутский, так много сделавший для исследования социально-экономических явлений методами марксизма, в интересующем нас вопросе оказался бесплодным.

Совершившийся в России социальный переворот, казалось бы, поставил ребром перед русскими ортодоксальными социалистами задачу конструирования социализма как положительного учения. Но и русская социалистическая литература пока не сумела в этом направлении ничего сделать. Выдающийся теоретик большевизма, Н. Бухарин, в своей «Экономике переходного времени» ограничился утверждениями старого положения социализма, что категории капиталистического строя при социализме теряют свое значение, но он не попытался выяснить, какие же категории будут регулировать производство и потребление при новом строе. Если в русской литературе и сделана попытка конструировать социализм как положительное учение, то она принадлежит покойному М.И. Туган-Барановскому, которого, конечно, нельзя назвать ортодоксальным марксистом».

Все это рассуждение Бруцкуса чрезвычайно важно. В некоторых отношениях оно является ключевым к современной ситуации в социалистических и приближающихся к ним квазикапиталистических странах. По Марксу, Энгельсу, Ленину, капиталистическая система народного хозяйства в ее эволюции «предreshала некоторые основы будущего социалистического общества» лишь в самых общих чертах и до определенного момента. Банки предвосхищали систему «всенародного» (???) учета и контроля, необходимых на докоммунистической стадии социализма, когда еще нужны будут учет и контроль производства и распределения. Частичные промышленно-торговые монополии должны были служить прообразом той общегосударственной и даже международной монополии, которой должны будут овладеть рабочие в момент пика, а затем агонии капитализма. Овладеть, чтобы затем передать средства общественного производства в безгосударственное и бесклассовое распоряжение всех «ассоциированных производителей». **Как** технологически будет осуществляться «всенародный» (?) учет и контроль, а затем, на высшей, коммунистической стадии социализма, самоорганизация трудящихся без специальных управленческих и контрольно-учетных аппаратов, в классической теории научного социа-

лизма (научного коммунизма, марксизма-ленинизма) **не сказано**. Более того: в ней не разработаны структурно-функциональные основы того, по Марксу и Энгельсу — предсоциалистического, по Ленину — уже социалистического, момента, когда национальной (или интернациональной: у них встречается и то, и другое) хозяйственной монополией овладеют «рабочие». Точнее — его «коммунистический авангард» (последнее у Маркса и Энгельса — в подтексте их «пролетариатократии», у Ленина — откровенно, в тексте).

Следующие безукоризненно справедливые слова Бруцкус написал в 1922 году: «Таким образом, приходится с полной определенностью констатировать поразительный факт: научный социализм, целиком поглощенный критикой капиталистического строя, теории социалистического строя до сих пор не разработал».

Самое удивительное состоит в том, что эти слова остаются справедливыми и в середине 1980-х гг., как были справедливы и в конце 1960-х, когда, в связи с предполагавшимися экономическими реформами после отставки Хрущева, подобные мысли зазвучали в разных легальных работах откровенно и прикровенно. Приведу несколько примеров конца 1960-х гг.:

Акад. Н.П.Федоренко, директор Центрального Экономико-математического института АН СССР, председатель нескольких комитетов союзного значения, связанных с математическими методами экономического управления, выступил в конце 1960-х гг. в специальной и в популярной печати с пропагандой СОФЭ (системы оптимального функционирования экономики)*.

По словам акад. Федоренко, «экономическая наука обретает в социалистических условиях колоссальное значение», т.к. социалистическое общество *«есть продукт науки, воплощение идеалов революционеров, овладевших теорией научного социализма»*.

Констатируя первостепенную роль науки в появлении на свет социализма, академик пишет: «Правда, еще нельзя сказать, что в экономике теория намного опережает практику, как это имеет место например, в физике или математике, *как это должно быть в любой науке, достигшей зрелости»*».

---

* Все цитаты — по книге акад. Федоренко Н.П. «Экономика и математика», М., 1967 и по его статье «Середина века: беспределность поиска», ЛГ № 49, 1967.

«В течение длительного времени экономическая наука, оперируя общими формулировками, не давала практике четких предпосылок для выработки количественных методов изучения процессов, протекающих в социалистической экономике».

«Научные исследования, выполненные в данной области в последние 2-3 года, — утешает нас автор СОФЭ, — позволяют сформулировать и обосновать *исходные предпосылки* комплексного механизма функционирования социалистической экономики, наметить важнейшие направления разработки системы оптимального планирования и управления народным хозяйством страны».

Маркс и Энгельс призвали разрушить до основания старый мир и стереть с лица земли присущие ему формы хозяйствования во имя «научной» организации экономики, «исходные предпосылки» функционирования которой начали вырисовываться лишь через 120 лет — в исследованиях, руководимых Н.П.Федоренко.

Может быть, академик Федоренко сгущает краски /из невинного желания повисить цену СОФЭ/? Нисколько. Вот что пишет о научной строгости социалистического экономического управления член-корр. АН СССР Н.Моисеев:

«Нужна систематическая, в союзном масштабе, координация исследовательской деятельности. И прежде всего, следовало бы развернуть теоретическое изучение *самих принципов управления*. Мы *поразительно невежественны в этой области!* Когда стоит вопрос об управлении космическим кораблем, мы знаем, какая система обратных связей необходима, каково допустимое искажение информации и т.д. Говоря же о системе управления заводом или отраслью, мы ни на один вопрос из подобных вопросов ответить не можем. Хорошо это или плохо — пересматривать план один раз в год? Какими должны быть допустимые сроки переработки информации и т.д. и т.п.? Здесь можно только гадать. *У нас даже нет критериев оценки системы управления*. Вот почему необходим в первую очередь теоретический анализ с использованием ЭВМ и моделированием на ЭВМ»*.

В октябре 1968 года академик Трапезников в докладе на всесоюзном совещании в Тбилиси сказал:

«Мы неплохо владеем методами и средствами управления технологическими объектами, но в области управления широкими комплек-

---

* См. статью «Время кустарничать прошло». ЛГ № 11, 1968. Стало быть, до тех пор кустарничали, а не управляли научно.

сами, организационными системами, условно иногда называемыми большими системами, мы, по существу, *лишь начинаем работу*»*.

* * *

Прошло почти двадцать лет после отставки Хрущева, и генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. Андропов на июньском, 1983 года, пленуме ЦК вынужден был в очередной раз констатировать тот же поразительный факт, который констатировал в 1968 году академик Н.П. Федоренко:

«...если говорить откровенно, мы еще до сих пор не изучили в должной мере общество, в котором живем и трудимся, не полностью раскрыли присущие ему закономерности, особенно экономические. Поэтому порой вынуждены действовать, так сказать, эмпирически, весьма нерациональным способом проб и ошибок».

Обращаясь к науке с призывом устранить, наконец, эмпиризм советской экономики и поставить последнюю на строго научное основание, Андропов тут же требует от ученых выполнения двух условий: наука во что бы то ни стало «должна опираться на прочный марксистско-ленинский теоретический фундамент» и отвечать «принципам и условиям развитого социализма». Иными словами, все должно оставаться неизменным, несмотря на то, что «прочный марксистско-ленинский фундамент» за шестьдесят девять лет предыстории советского строя (1848-1917) и за шестьдесят шесть лет его истории (1917-1983) не помог выработать научные и практические основы достаточно эффективной социалистической экономики. Андропов сам об этом сказал, и сказал далеко не первый. Тем не менее с начала 1920-х годов не прекращается настойчивая, с начальственным окриком, апелляция к советским ученым: ведь марксизм — наука! Дайте же, черт вас побери, наконец, эффективные научные рекомендации к задействованию советской экономики на полную мощность.

Отсюда же и упрек, адресованный советской науке в докладе тогдашнего главного идеолога, будущего генсека К. Черненко, на том же июньском, 1983 года, пленуме КПСС: «...помощь партии со стороны

---

* Акад. Трапезников В.А. «Вопросы управления экономическими системами». Доклад на IV Всесоюзном совещании по автоматическому регулированию 30 сентября 1968 г., Тбилиси. — «Автоматика и телемеханика», 1969, № 1; «Наука и жизнь», 1969, № 1.

научных учреждений могла бы быть более основательной». И знаменательное, с двумя адресами, его же обращение к прошлому:

«Приведу конкретный пример. Многого мы ожидали от созданных еще в 60-х годах Института социологических исследований и Центрального экономико-математического института Академии Наук СССР. Но до сих пор так и не дождались обстоятельных конкретных исследований социальных явлений и актуальных экономических проблем».

Именно коллективом ЦЭМИ, в лице его директора акад. Н.П. Федоренко, обещано было в конце 1960-х гг. создать, наконец, теорию оптимального функционирования социалистической экономики, и в провале именно этой попытки упрекает ЦЭМИ Черненко.

Горбачев, весьма расплывчато в экономических отношениях, но очень шумно пропагандирующий свою «перестройку» и называющий ее иногда «революцией», неустанно апеллирует к Ленину и утверждает, что учится у него. Между тем Ленин в одном из последних своих больших выступлений в «Политическом отчете ЦК РКП(б) XI съезду РКП(б)» сказал:

«Вырывается машина из рук: как будто бы сидит человек, который ею правит, а машина едет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то, не то нелегальное, не то беззаконное, не то бог знает откуда взятое, не то спекулянты, не то частно-хозяйственные капиталисты, или те и другие, — но машина едет не совсем так, а очень часто совсем не так, как воображает тот, кто сидит у руля этой машины»... (В. Ленин. Соч., изд. IV, т. 33, стр. 250).

Произнесено это было 27 марта того же 1922 года, когда прозвучали приведенные выше слова Бруцкуса: «Таким образом, приходится с полной определенностью констатировать поразительный факт: научный социализм, целиком поглощенный критикой капиталистического строя, теории социалистического строя до сих пор не разработал».

И была эта растерянность и подавленность Ленина преобладающим его настроением в последние месяцы более или менее трудоспособного его существования. Остается констатировать, что экономическая мысль руководства РКП(б) — ВКП(б) — КПСС вращается в замкнутом цикле, то и дело возвращаясь от какой-то из точек тупика к его началу.

Для Ленина НЭП был маневром, преходящей уступкой обстоятельствам, временным отступлением. По его замыслу, НЭП ни в коем случае не должен был необратимо и неподдельно повысить истинную автономность личности или разнородных союзов таковых от государства, т.е. от вершины монопартократической иерархии. И, если Горбачев на-

дается обрести у Ленина эффективную и работоспособную «теорию социалистического строя», он обречен углубляться все дальше в тупик (может быть, после небольшой, паллиативной, сугубо временной ремиссии оздоровления, связанной с некоторым обузданием уголовщины, в том числе и в руководящих звеньях системы).

Бруцкус пишет о переходе от капитализма к социализму: «Ищущий прибыли предприниматель, который до того приводил в движение весь экономический механизм общества, исчезает. В хозяйственной жизни должны появиться новые стимулирующие "двигатели"».

Уточним одно обстоятельство. **«До того»**, т.е. до социалистического переворота (существенное преобладание монополий на формально свободных рынках еще до такого переворота чувствительно искажает протекающие на них процессы), «весь экономический механизм общества» приводили в движение не один, а **многие конкурирующие предприниматели**, наперебой друг с другом искавшие прибыли **посредством завоевания потребителя**. Это он, покупатель и избиратель, на всех конкурентных рынках: вещественно-товарном, информационном (в широчайшем значении последнего определения), партийно-политическом — награждает прибылью (покупкой, избранием) или карает убытком и проигрышем каждого из множества конкурирующих поставщиков. «После того» (после огосударствления экономики и уничтожения единственной правящей партией всякой политико-идеологической конкуренции с этой партией) «ищущий прибыли предприниматель» не исчезает. Он становится **единственным, внеконкурентным и совокупным**, с иерархически распределенной инициативой. Общество лишается выбора: оно вынуждено брать то, что ему дают по монопольной, всегда максимальной, цене. Автоматизм, при котором избиратель и покупатель в конечном счете управляют деятельностью конкурирующих поставщиков **в своих целях и вкусах** (см. прим. 1), рушится. Он уступает место ситуации, при которой, по очень меткому, **основополагающему**, замечанию Бруцкуса, все социально значимые процессы, протекающие в обществе, «должны быть... предварительно осознаны его руководящими кругами». Мы бы сказали: осознаны и predeterminedены. В.Сорокин в своем примечании к этому рассуждению Б.Бруцкуса справедливо расширяет вопрос до того, чьи цели (критерии) управляют обществом в том и другом случае.

Сделанное Б.Бруцкусом замечание о скачкообразном возрастании нужды в «науке экономической политики» в условиях сознательного верховного конструирования этой политики заставляет его коснуться мимоходом кардинальной и неустранимой проблемы огосударствен-

ной экономики. Он приходит к выводу, что, по сравнению с частнохозяйственными условиями, в обстоятельствах социализма «деятельность государства и **бесконечно** ответственна, и **бесконечно** более многообразна, и **бесконечно** более сложна (подч. Д.Ш.). Подчеркнутое мною трехкратное **«бесконечно»** — не эмоциональный прием, не гипербола. За истекшее после первого издания анализируемой нами работы Б.Бруцкуса шестидесятилетие и на Западе, и, как это ни странно, советской официальной наукой, не говоря уже о Самиздате и трудах эмиграции, было многократно доказано и впечатляюще проиллюстрировано статистическими примерами, что количество той информации, которую должны были бы переработать, превратить в планы и команды и довести до адресатов руководящие органы огосударственной экономики, теоретически и практически **бесконечно**. Последнее справедливо даже в том случае, если государство будет следовать **только своим критериям и целям**, игнорируя критерии и цели своих подданных, с чьими запросами оно и не в состоянии ознакомиться по причине все той же **бесконечности** необходимых для этого объемов информации — времени. Это ограничение непреодолимо, и Бруцкус его, несомненно, учитывал, когда трехкратно повторял свое **«бесконечно»**. Никакие теории функционирования социалистической экономики не могут перешагнуть через это ограничение. Не может преодолеть его и практика социалистического хозяйствования, почему последнее функционирует неэффективно (по сравнению с частнохозяйственной экономикой аналогичных потенциалов).

Б.Бруцкус справедливо замечает, что марксизм в своей пропаганде настойчиво акцентирует «отрицательные стороны капитализма» и противопоставляет «ему социализм лишь в самых общих заманчивых контурах». Любое утопическое учение может осуществить только свои не-утопические элементы, если они в нем присутствуют. В марксизме реален, хотя и поверхностен, его критический элемент, многократно (чем ближе к нашему времени, тем более) усиливаемый демагогией. Реален и захват власти марксистской партией в той или иной кризисной ситуации, с опорой в разных обстоятельствах на различные силы. Осуществимо и огосударствление экономики. В дальнейшем вопрос «о творчестве нового строя» упирается не в упущение марксистов, не в «то, что марксисты в этом отношении оказались неподготовленными». Парадокс в том, что «теория социалистического строя», свободная, последовательная и непредвзятая, не может не квалифицировать этот строй как тупик, в котором нет выхода из пороков капитализма. Работа Бруцкуса — одно из самых ранних, если не самое раннее, до-

казательство этого **на советском опыте**. И что же? Он выслан (благо, что не посажен и не убит). Власть, как справедливо отмечает В.Сорокин в комментарии 2, оказывается важнее истины.

На стр. 23 Бруцкус дает характеристику марксистского **теоретического** социализма. О **реальном** социализме он будет говорить позже. Мы сами можем уловить общность между тем и другим, позволяющую В.Сорокину в комм. 4 подчеркнуть идентичность марксистского книжного и советского реального социализмов. Отрицается рынок и конкурирующая на нем частная собственность; упраздняются все управляющие капиталистическим производством рыночные процессы, связи и категории. Они подменяются «единым государственным планом на основах статистики». Это позволяет квалифицировать оба строя: марксов теоретический и большевистский реальный — как идентичные. Но далее начинаются расхождения, о которых Бруцкус несомненно будет еще много говорить: в марксовом литературном социалистическом обществе «все работают и получают **полный** (подч. Д.Ш.) продукт своего труда» — в реальном социалистическом обществе из этого продукта неизбежно изымается колоссальная «прибавочная стоимость» (терминология марксизма), потому что в государстве существуют огромные контингенты, не производящие продукта и тем не менее его потребляющие, им наделяемые — щедрее, чем производители. «Распределение должно быть согласовано в социалистическом обществе с эгалитарным принципом», согласно классическим источникам теории, на «второй», или «полной», стадии социализма, переходя при этом в коммунистическое распределение «по потребностям». На первой же стадии социализма, в том его виде, в каком он, по Марксу, Энгельсу, Ленину, выходит из капиталистического общества, должно господствовать «идеальное буржуазное право» (Маркс) — распределение **по труду**. Напомним, что, согласно классическим первоисточникам, вторая, или «полная», фаза (стадия) социализма — это безгосударственное, безаппаратное, безвластное «самоуправление ассоциированных производителей» (Энгельс) в масштабах всей (или почти всей) планеты. Поскольку реальный социализм нигде не вышел (и никогда не выйдет) из «первой стадии», то в нем господствует распределение не эгалитарное и, тем более, не по потребности, а... по труду? Нет, соответственно представлению планирующих распределение высших государственных инстанций о ценности данного вида деятельности, данного работника **для государства**. И не в виде возвращения работнику его доли произведенного продукта в натуральном виде (такие нелепые попытки, восходящие к экспериментам Р.Оуэна, в СССР

были, но быстро отпали), а в виде зарплаты с дополнительными узаконенными и незаконными, гласными и негласными привилегиями.

Так что из «руководящих идей марксистского социализма в деле построения нового народного хозяйства» поневоле сохраняется лишь отмеченное Ф.А.Хайеком (см. комм. 4) «упразднение частной собственности на средства производства и создание системы “плановой экономики”».

Б.Бруцкус и ставит (в 1922 г.) вопрос о том, «удастся ли... решить задачу теоретического конструирования социалистического хозяйства» в направлении, predetermined марксизмом. Или, добавим мы, в каком-либо ином продуктивном направлении. По мнению Б.Бруцкуса, рассмотрение этой проблемы «имеет большое значение и для более отчетливого исследования природы капиталистического хозяйства».

2. Хозяйственный принцип и социализм

Нетрудно увидеть в начертанной Б.Бруцкусом картине классического (без нынешних угрожающих его связям монополий и огосударствления в целых отраслях) капиталистического хозяйства «общество социального равновесия» А.П.Федосеева. В таком обществе предпринимателей должно быть **много**. Каждый из них, планируя и осуществляя свою деятельность, имеет дело с неизмеримо меньшими объемами текущей и прогнозивной информации, чем учетно-планирующий орган централизованной социалистической экономики. Успех частного предпринимателя, соответствующим образом организующего и вознаграждающего своих работников, решается его способностью предвидеть и лучше, раньше своих конкурентов удовлетворить Его Величество Спрос, т.е. потребителя. В отличие от 1922 года, сегодня множество государственных и частных институций готовы предоставить предпринимателю интересующую его, пусть и не полную, но существенную информацию. Но то же имеют и его конкуренты. Задача раньше и лучше других предвосхитить спрос остается насущной*. За неумение ее решить расплачиваются конкретный производитель и его работники.

---

* Здесь возникает очень важный вопрос о невмонтированности в конкурентное рыночное предложение моральных критериев: производится и продается все, что имеет платежеспособный спрос. Хотите морально оздоровить предложение — ищите путей повлиять на характер спроса. Существуют, разумеется, или могут быть введены законодательные ограничения на аморальное

Прежде всего Б. Бруцкус отмечает, что в условиях социализма отсутствует та кровная заинтересованность поставщика в успехе на рынке, которой движимо частнохозяйственное производство. Этим он сразу, на заре «реального социализма» (в годы недолгого флирта большевиков с капитализмом — НЭП), определяет один из его неотъемлемых коренных пороков. Он говорит:

«Социалистическое общество, в отличие от капиталистического, не обладает армией предпринимателей, которые всем своим имущественным положением заинтересованы в успехе производства. Лица, возглавляющие социалистические предприятия, материально не выигрывают от их успешной работы и не проигрывают от их неуспешной работы. Не они платят за использованные в производстве труд, капитал, естественные силы, и они ничего не получают за отданные обществу продукты производства. Риск каждого данного производства всеми участниками его перекладывается на все общество в целом».

Все шестидесятилетие, истекшее после опубликования работы Б. Бруцкуса в «Экономисте», за исключением нескольких лет НЭПа, и то — частично, высшие инстанции социалистического государства тщетно ищут путей искусственного воссоздания этой стихийной заинтересованности «в успехе производства» без восстановления свободного рынка и частнохозяйственной (домонополистической) конкуренции. И, естественно, таких путей не находят. Строится один этаж проверяющих и контролирующих инстанций над другим; вводятся или предлагаются наценки за высокое качество продукции и снижение заработной платы производителей и администраторов за ее низкое качество. Ленин возлагал все свои надежды в этой области на Рабоче-крестьянскую (а на деле — чиновничью) инспекцию — Рабкрин, которой при нем руководил Сталин, и задышался от возмущения, констатируя беспомощность и неэффективность Рабкрина. На всех предприятиях были созданы ОТК (отделы технического контроля). Но и они, их работники, как и все прочие контролеры, не проявляли цепкой собственнической заинтересованности в выпуске ничейными предприятиями хорошей

предложение (наркотики, порнография, проституция и пр.). Но при наличии спроса с повышенной платежеспособностью они ловко обходятся. Борьба за моральное оздоровление спроса и за исключение аморального предложения — сложнейшие задачи свободного общества. Зато в условиях, где поставщик один и внеконкурентен, его мораль становится в огромной степени (отклонение есть) законом для общества. В дальнейшем, однако, мы этой стороной проблемы заниматься не будем здесь, так как Б. Бруцкус ею не занимается.

продукции. В 1987 году на 1500 предприятиях начали работать государственные приемочные комиссии, проверяющие продукцию после ОТК. На ряде заводов до 80% продукции оказались браком. Зарплата на этих предприятиях резко упала. Опыт продолжается. В приемочных комиссиях заняты десятки тысяч людей, хотя пока что ими охвачено лишь меньшинство предприятий. В ходе работы таких комиссий выявилося и продолжает выявляться, что низким качеством обладает уже та исходная документация, на основании которой изготавливается продукция, что (тоже низкому) утвержденному государственному стандарту (ГОСТу) не отвечают сырье и полуфабрикаты, получаемые от смежников (сотрудничающих предприятий). Проверкой всего этого надо было бы занять миллионы людей. Но и эти люди будут не собственниками, кровно заинтересованными в одобрении своей продукции ее непосредственным потребителем, а равнодушными наемниками государства. Ради спокойного существования всей совокупности его чиновников они рано или поздно найдут лазейки и будут работать формально. Только та простая зависимость, о которой говорит Б.Бруцкус* (конкурирующие на рынке **собственники** — производящий отбор **для себя** потребитель), может решить проблему. И, что самое важное, также решение ставит «успех производства» в зависимость от критериев, потребностей и вкусов потребителей (общества), а не государственных наемников, в идеальном случае (если они не «халтурят») осуществляющих критерии **государственной власти**, а не общества. Еще раз хочу отметить, что монополистическая ситуация приближается к социалистической (чем полнее монополизм и крупней монополии, тем более).

Здесь же, в самом начале своей работы, Бруцкус определяет еще одну фундаментальную и неустранимую трудность функционирования социалистической экономики. Исключение из общественного обихода такого самоорганизующего начала, как свободный частнохозяйственный конкурентный рынок, скачкообразно и принципиально повышает роль хозяйственного учета, который призван вооружить управляющие инстанции своевременным и достаточно полным знанием ситуации. Он пишет:

«...хозяйственный учет имеет в социалистическом обществе гораздо большее значение, чем в капиталистическом. Капиталистический предприниматель, если ему угодно, может совсем не вести никакого счетоводства. Тем хуже для него — он будет работать вслепую. Но

---

* То же — в массе своих работ — и А.П.Федосеев.

перед народным хозяйством его ответственность этим нисколько не ослабляется, ибо все ему дается обществом по оценке и все у него принимается обществом по оценке. *«И не уйдет он от суда мирского...»* За растрату производительных сил он ответит своим достоянием и своим собственным положением. Иначе обстоит дело в социалистическом хозяйстве. Если глава крупнейшего предприятия в социалистическом хозяйстве ведет его без надлежащего учета и расчета, то он может лично жить совершенно спокойно, как бы руководимое им предприятие вследствие нерациональной организации производства ни расточало производительных сил общества. Всякое такое предприятие является своего рода больным членом хозяйственного организма, его истощающим, и из того, что болезнь не обнаружена, от этого она не становится менее опасной; ведь и на теле опаснее всего рана, которая не болит. И так, ничто не может быть для социалистического общества опаснее, как атрофия хозяйственного учета, ибо в этих условиях конечная дезорганизация его хозяйства неизбежна.

Именно такое явление атрофии хозяйственного расчета мы наблюдали в России, параллельно со стремительным разрастанием социалистического хозяйства за счет частного, параллельно отмиранию рынка и денежной системы. Уже в упомянутом труде Н. Бухарина «Экономика переходного времени» на примере железнодорожного транспорта убедительно доказывается, что ценностный учет, проводимый старыми методами, потерял всякий смысл. Однако это обстоятельство, по-видимому, не вызвало никакой тревоги в душе теоретика социализма. Н. Бухарин сознает необходимость какой-то другой системы учета, но не останавливается на выяснении ее принципов. А между тем именно в этом заключается самое больное место нашего социалистического хозяйства. Мы получаем молоко, выпекаем хлеб, чиним вагоны, перевозим уголь, но никто не может сказать, во что обходится молоко, выпечка хлеба, починка вагона, перевозка угля. Такое положение неминуемо должно было привести народное хозяйство к катастрофе, и оно его к ней и привело.

В настоящее время мы видим, как государство пришло к убеждению, что так дальше вести хозяйство нельзя. Оно нашло выход в восстановлении свободного рынка и в ценностном учете отдельных предприятий государства, построенном на директивах, исходящих от рынка. Этот выход из создавшегося тяжелого положения, очевидно, лежит уже не в плоскости социалистического хозяйства, как таковое понимается в марксизме. Нас интересует разрешение проблемы хозяйственного учета именно в пределах марксистского социализма».

Теперь мы знаем: свободный рынок был восстановлен временно и частично. Ленин и его преемники и в годы половинчатого и подневольного НЭПа претендовали на полный учет и подконтрольность государству происходящего **во всех секторах** народного и государственного хозяйства, в том числе и в частном. Наконец, теперь, через шестьдесят пять лет после опубликования статьи Бруцкуса, управляемая советская «гласность» то и дело, невольно, а иногда, может быть, и сознательно, выходит из предписанных ей границ и воссоздает картину катастрофическую. Но никаких признаков движения к разрешению проблемы посредством, пусть медленного и поэтапного, но неподдельного реконструирования свободного **частнохозяйственного** конкурентного рынка пока что в СССР не наблюдается. Поэтому и «нас интересует разрешение проблемы хозяйственного учета именно в пределах марксистского социализма», который продолжает господствовать в СССР.

Напомним читателю: Маркс, Энгельс, Ленин и другие марксисты и немарксистские социалисты много писали об отмене денег и натурализации обмена и распределения уже на ранней стадии социализма. Большевики вполне серьезно обсуждали этот вопрос уже в послеоктябрьские годы. Именно поэтому, как пишет Б.Бруцкус, «Н.Бухарин, констатировав атрофию старых форм учета, полагает, что они должны быть заменены натуральным учетом. Эту мысль подробнее разработал А.В.Чаянов*. Он полагает, что таким путем получится возможность сравнивать степень рациональности постановки отдельных предприятий социалистического хозяйства. Применяя свой метод к сельскохозяйственным предприятиям, он приходит к расчетам такого типа: на 1000 единиц зерновых продуктов использовано 30 единиц труда, 90,0 единиц продовольствия, 8,6 единиц земли, 0,2 единиц тяги, 25,6 единиц построек, 0,4 единиц инвентаря, 1,5 единиц материалов, 0,03 единиц топлива. Для того чтобы получить эту достаточно сложную формулу, А.В.Чаянову пришлось искать общую единицу для всех продуктов продовольствия, общую единицу для всех построек, общую единицу для инвентаря от бороны до паровой молотилки, общую единицу для всех материалов от смазочного масла до веревки. Нечего говорить, что все эти единицы совершенно условны, если не сказать произвольны».

---

* Методы безденежного учета хозяйственных предприятий. Труды Высшего Семинария с.-х. экономики и политики при Петровской С.-Х. Академии. Выпуск 2. М., 1921.

В те же самые дни, когда Бруцкус констатировал невозможность «старых форм учета» и фиктивность предлагаемых новых в огосударственном хозяйстве, лишенном неподдельного рыночного регулятора, и когда фантазировал А.В.Чаянов, Ленин в своих требованиях к учетно-контрольным и плановым аппаратам созданного им государства намного превосходил фантазии Чаянова.

Ведя свою партию к власти, Ленин так хорошо умел *разрушать*, что ни он сам, ни его сторонники не сомневались в его столь же уникальном умении СТРОИТЬ.

Но после более или менее полной стратегической победы, когда на Ленина всей тяжестью навалились завоеванные им для себя и партии полномочия, оказалось, что странные свойства химеры, которую он создал, застали его врасплох. Ни Маркс, ни Энгельс, ни его собственное воображение не помогли ему использовать эту поистине небывалую в истории государства российское власть для воплощения в жизнь владеющей им доктрины. Утопии неосуществимы по определению. Но ни Ленин, ни его окружение не понимают, а главное — не хотят понимать, что их сознанием владеет утопия.

С одной стороны, как всякий опытный руководитель, Ленин знает, что секрет успешного управления связан с необходимостью обозревать, направлять и вовремя корректировать ВСЕ движения управляемого объекта. Он уверен, что этот секрет постижим. Привычный радикализм мышления, привычный однолинейный детерминизм марксистской социальной логики Ленина не позволяют ему рассуждать иначе. К чему тогда было бы все, на что он шел до сих пор?

Он не хочет отказаться от веры, что *в принципе* организационное решение надвинувшихся на него новых задач возможно. С другой стороны, он не может этого решения найти. Он физически задыхается от мизерности, от непоправимого запаздывания, от ненадежности доступных ему крох понимания происходящего. Он не знает, как извлечь необходимые ему сведения из необозримого лабиринта отношений и дел, которыми он взялся командовать. А лабиринт еще и непрерывно «дрейфует» во всех своих бесчисленных частностях. И сопротивляется тому, что Ленин считает разумным и необходимым.

Осаждаемый незнакомыми раньше задачами и упорно пытаюсь решать их привычными радикальными мерами, Ленин уподобляется человеку, плывущему против течения в густом и тяжелом грязевом потоке. Блестящий самосохранительный вираж НЭПа, который спас партию, ослабил напряжение ненадолго, потому что и новая экономика должна была, по замыслу Ленина, быть полностью регулируемой и

управляемой. Задач стало не меньше, а больше, ибо возникла необходимость совмещения несовместимого: свободы торговли и полновластия партии. Инстинктивно нащупав главный момент задачи (всегда знать всё о происходящем в системе), но не понимая, что этот момент и делает задачу невыполнимой, Ленин упрямо требует от своих аппаратов сведений, сведений и сведений, которых ему никакие учреждения с нужной для успешной работы полнотой, оперативностью и достоверностью дать не могут.

УПРАВЛЯЮЩЕМУ
ЦЕНТРАЛЬНЫМ СТАТИСТИЧЕСКИМ УПРАВЛЕНИЕМ

16/VIII.

т. Попов!

...Надо уметь выделить *практически* важное и спешное, откладывая академически ценное в долгий ящик.

...надо составить, вместе с Госпланом, своего рода index-number (число-показатель) для оценки состояния всего нашего народного хозяйства и обязательно вырабатывать его не реже раза в месяц, с обязательным сопоставлением цифр довоенной, затем 1920 года и, по возможности, 1917, 1918 и 1919.

При невозможности получить точные цифры, должны быть указываемы приблизительные, предположительные, предварительные (с особой оговоркой о каждой такой или подобной категории).

...Какие цифры должны быть взяты для index-number, это должны определить Ц. Стат. У. и Госплан...

Председатель СНК В.Ульянов (Ленин)*

Кроме ежемесячного «числа-показателя», рассчитанного на основании нескольких главных (?) данных и призванного охарактеризовать хозяйственное и организационное состояние огромной, взбаламученной непрерывной семилетней войной страны, от ЦСУ требуются также:

---

* Ленин В.И., Соч., изд. IV, т. 33, стр. 9-11, «Письма в Центральное Статистическое Управление».

«1. Ежемесячные сводки о распределении продовольствия государством.

2. Ежемесячные сводки о предприятиях, переводимых на коллективное снабжение.

3. ...Определение количества произведенных продуктов, притом самых важных.

4. Производство, распределение, потребление топлива. Абсолютно необходимо ежемесячно в итогах...

5. Ежемесячные сводки о товарообмене...

6. ...Если не ежемесячно, то раз в 2-3 месяца абсолютно необходимы сводки хотя бы для начала о «наличных штатах» в сравнении с довоенными или с штатами других ведомств, других губерний.

7. Выборка, для небольшого числа типичных предприятий (фабрика, совхозов) и учреждений а) наилучших — образцовых, б) средних и в) наихудших...»*

То, что мной процитировано, далеко не исчерпывает ленинских ежемесячных требований, предъявляемых ЦСУ.

Разумеется, рассчитать чудодейственное «число-показатель» никаким инстанциям не удастся. И никакой ежемесячный «балл поведения» (оценка состояния всего общества), выработанный ЦСУ или Госпланом и положенный на стол Ленина, не вооружил бы его отчетливым представлением обо ВСЕЙ МАССЕ процессов, стоящих за этим баллом. А для того, чтобы регулировать эти процессы с той степенью верховного произвола, которого жаждал Ленин, надо было знать обо всем ВСЁ. Мог ли Ленин хотя бы подозревать, что встретится с таким затруднением? Несомненно. Работы «ученейшего дурачка» Спенсера (Ленин), широко обсуждавшиеся в России с 50-х годов прошлого века, убедительно предсказывали затруднения победившего национализаторского** социализма. «Ренегат» и «оппортунист» Э.Бернштейн, «парламентский кретин» Каутский (Ленин), «Иуда» Струве (кличка, под которой иногда фигурирует П.Б.Струве в конспиративной переписке Ленина) и другие современники Ленина опередили многие фундаментальные выводы современной науки об управлении, предсказывая все эти неустранимые затруднения.

---

* Ленин В.И., там же, стр. 12-14, «Письма в Центральное Статистическое Управление».

** Я другого не знаю.

Ленин обвинял их в продажности, в тупоумии, в непонимании Маркса и отмахивался от их корректных и доказательных соображений, как от назойливых оводов.

Как мы увидим несколько позже, он отмахнулся и от предостережений Б.Бруцкуса в «Экономисте». Бруцкус не мог тогда знать содержания писем Ленина в ЦСУ и Госплан, но, уничтожительно критикуя А.В.Чаянова («если же все единицы построек, продовольствия, земли, инвентаря свести к одной единице, то таковую следует, наконец, назвать»), он тем самым перечеркивает ленинскую мечту о чудодейственном «числе-показателе». Ведь Ленин хочет в свой «index-number» включить не только количество всех средств производства в системе, но и всю массу ежечасных взаимодействий между ними («**состояние всего нашего народного хозяйства**» — 16 августа 1921 г.). В капиталистическом хозяйстве такая единица есть: это денежная единица, принятая в данном хозяйстве, и то, что можно за нее купить. Это соотношение между денежной единицей и ценами товаров и услуг в конкурентнорыночном хозяйстве складывается стихийно. Для конкурирующих поставщиков цена должна включать в себя себестоимость товара и прибыль, без последней производство для них бессмысленно. При этом конкуренция «прижимает» цену к себестоимости, не позволяя прибыли быть непосильно высокой для общества. Потребитель соотносит свою готовность заплатить за товары и услуги ту или иную цену со своей заинтересованностью в этом товаре и услугах и их качествах, со своей платежеспособностью и с минимальной ценой, присутствующей на рынке. Все эти критерии потребителя должны учитывать конкурирующие друг с другом поставщики, каждый на своем, сравнительно узком, а потому для него более или менее обозримом участке рынка. Огосударствление экономики и уничтожение свободного конкурентного рынка возлагает на планирующую (она же ценообразующая) инстанцию, исповедующую задачу определения того, какое количество труда (?) вложено обществом в каждый вещественный или духовный (информационный) товар, в каждую потребляемую услугу. Иначе, как произвольно, определить эти количества труда (по Марксу — стоимость товаров-услуг) невозможно.

Свою вторую главу Бруцкус заканчивает переброской мостика к определению этой невозможности:

«С.Струмилин и Е.Варга, которые на страницах «Экономической Жизни» подходили к проблеме учета, оба отвергли метод А.В.Чаянова и оба пришли к заключению, что подобно тому, как капиталистическое хозяйство имеет в рубле единицу для измерения всех ценностей,

вращающихся в нем, так и социалистическое хозяйство должно обладать подобной единицей ценностного учета. С этим нельзя не согласиться: без ценностного учета никакое рациональное хозяйствование ни при каком социально-экономическом строе невозможно. И в полном согласии с принципами марксизма Е.Варга и С.Струмилин признали, что труд должен явиться мерилom ценности. Если и в капиталистическом обществе, по Марксу, труд является, хотя и в скрытой форме, основой общественной оценки хозяйственных благ, основой их меновой ценности, то в социалистическом обществе труд должен быть сознательно положен как мерило ценности.

Посмотрим же, что может дать социалистическому хозяйству трудовой учет ценности продуктов. Вопрос этот представляет громадный теоретический интерес, ибо он стоит в теснейшей связи с теоретическим значением основных в марксизме концепций экономической деятельности».

3. Проблемы трудового учета в социалистическом хозяйстве

В этой главе Б.Бруцкус убедительно показывает невозможность централизованного и математически формализованного учета того, сколько общественно-необходимого труда (и труда **какого качества!**) вложено в каждую единицу продукции (вещественной, информационной, в сфере обслуживания), производимой в социалистическом хозяйстве. Читатель только что ознакомился с простыми и не поддающимися опровержению доводами Бруцкуса. Мы их не будем повторять. Иначе, как произвольной, эта имитация трудового учета в социалистическом хозяйстве быть не может.

Классический марксизм не прогнозировал характера коммунистического (социалистического) ценообразования по той простой причине, что намеревался отменить деньги после своей победы.

Рассматривая цену товара как денежное выражение его стоимости (денежный эквивалент овеществленного в нем общественного труда), Маркс и его ближайшие последователи неоднократно подчеркивали стихийный, общественно-бессознательный характер процесса рыночного ценообразования, о котором Маркс говорил: «...совокупное движение этого беспорядка есть порядок».

В свое время марксисты высмеивали «мелкобуржуазных социалистов», желавших «конструировать стоимость», «т.е. (цитируем Каутского тех времен, когда, по выражению Ленина, «он был марксистом, а не ренегатом») установить ее раз и навсегда, чтобы

«очистить» товарное производство от его «дурных сторон» и сделать его вечным, ...установить эти мнимо естественные причины и определить относительно каждого вида труда, в каком размере он создает стоимость. В действительности же это причины общественные и притом непрерывно изменяющиеся». «При общественном присвоении денежный капитал отпадает», «прежде всего отпадает денежный капитал», — повторяет Маркс, — постоянно подчеркивая, что не имеет ни малейшего смысла говорить о «сознательном» социалистическом ценнообразовании.

Напоминаем: российские большевики со всей серьезностью спорили о сроках и порядке отмены денег даже в 1922 году — на XI съезде РКП(б).

«При общественном присвоении денежный капитал отпадает: общество распределяет рабочую силу и средства производства между различными отраслями производства. Производители могут, пожалуй, получать бумажные удостоверения, по которым они извлекают из общественных запасов предметов потребления то количество продуктов, которое соответствует времени их труда. Но эти удостоверения — не деньги: они не совершают функции обращения»*.

В одном месте своего рассуждения Бруцкус делает великодушное допущение: «Предположим, что этот учет труда на всем громадном объеме народного хозяйства, в бесчисленных его предприятиях, так или иначе осуществлен. Даст ли он нам что-нибудь подобное по своему значению ценностному учету в капиталистическом хозяйстве, получающему свои директивы от свободного рынка?»

Но этого невозможно даже предположить! Советский экономист акад. Н.П.Федоренко через полвека после Бруцкуса замечает, что «расчетным путем невозможно определить относительно каждого вида труда, в каком размере он создает стоимость».

И далее:

«...остается необъяснимым, откуда можно получить общественно-необходимые затраты труда на производство продукта до составления плана развития народного хозяйства, задача которого состоит в том, чтобы выбрать наиболее эффективные способы производства продукции». Действительно — откуда?

Для определения трудовых затрат нужен предварительный достоверный баланс трудовых затрат, а в СССР, по данным Д.М.Барди-

---

* К.Маркс, «Капитал», т. II, гл. 18, стр. 356. Госполитиздат, М., 1951.

на*, лишь в 1962 году был разработан баланс трудовых затрат за 1960 год, а в 1967 году ЦСУ начало «работы по составлению межотраслевого баланса производства и распределения в народном хозяйстве СССР за 1966 год. Эти данные позволяют полнее судить об уровне производительности труда в настоящее время».

Откуда же взяться нефальсифицированным централизованным стоимостным показателям?

Да и чего стоят эти ретроспективно разрабатываемые по сей день «балансы трудовых затрат», которые (затраты) невозможно провести даже к нефальсифицированно сопоставимым единицам. Один только вопрос Бруцкуса, остающийся без ответа, ибо ответа на него нет («но спрашивается, как нам найти это общественно необходимое время для производства продукта?»), предопределяет произвольность как социалистического ценообразования, так и социалистической оплаты труда. Как тут не вспомнить Марксовы (упоминаемые и Лениным) «расписки» («бумажные удостоверения») о том, какое количество (?) труда (?) каждый из них за день отработал, чтобы потом, по этим бумажкам, рабочие получали из близлежащих кладовых «соответствующее количество» потребительских благ (какую часть «Лебединого озера» за п операций на конвейере?). Мы не шутим: перечитайте хотя бы только «Государство и революцию» Ленина.

4. Трудовая стоимость и рыночная цена

«Капиталист в бухгалтерские книги своего конкурента заглянуть не может, они для него — коммерческая тайна. Да ему это и не необходимо, ибо он от народного хозяйства получает непосредственную директиву, может ли он при данной организации вести свое предприятие или не может. Дело в том, что расчету себестоимости продукта у него противостоит цена продукта, которая рождается на рынке как-то независимо от того, что делается в мастерской», — пишет Б.Бруцкус.

Мы уже говорили, что капиталисту-собственнику на свободном рынке себестоимость и жажда прибыли диктуют цену, но последняя корректируется конкуренцией, потребностью покупателя и его платежеспособностью. Бруцкус, следуя ряду современных ему экономистов, констатирует «приоритет спроса в фиксации цены» на свободном рын-

---

* Бардин Д.М. Производительность труда и эффективность производства. Изд. «Знание», М., 1967.

ке. В условиях свободного конкурентного рынка «приоритет спроса» означает приоритет потребителя (покупателя, избирателя). В условиях социализма категория спроса изымается из компетенции общества и произвольно конструируется той же планирующей инстанцией, которая конструирует предложение. «Приоритет спроса в фиксации цены» подменяется приоритетом единственного поставщика, грубо предусматривающего спрос и конструирующего цены на высшем уровне платежеспособности потребителя. Этот единственный поставщик, декретирующий цены на свои товары, является и единственным работодателем, декретирующим цену труда, который он использует. Он не может (Бруцкус это показал) реалистически рассчитать, в каком размере (?) каждый труд создает ценности (полезности) для общества, даже если бы захотел это рассчитать. Другого легального работодателя в системе нет — у наемного работника нет выбора. Монопольный поставщик, он же — монопольный работодатель, он же и вооруженный политико-идеологический монополист. Заработную плату он декретирует, не будучи никем и ничем к чему-то обязанным, — в зависимости от **своего** критерия полезности любого труда, в массе случаев — на выживательном и обеспечивающем покорность уровне оплаты труда, используя в своих, как ему представляется, но не в общественных интересах локальные поощрения и привилегии.

Б.Бруцкус понимает «приоритет спроса» в ценообразовании как **приоритет субъективно осознаваемой потребителем полезности благ**. Интересно, что, отчаявшись за годы, истекшие после размышлений Бруцкуса, в реальности адекватного планирования ценностных показателей на основании трудовых затрат, советские экономисты (в лице хотя бы того же акад. Федоренко в его СОФЭ — системе оптимального функционирования экономики — 1967 г.) предлагают определять цены на товары, исходя из полезности товаров для всего общества в целом и для каждого потребителя в отдельности.

Но как «сознательно», со стороны, централизованно соизмерить вещи по их полезности для тех, кто их купит?

Как объективизировать такую субъективную категорию, как полезность? Да еще полезность предметов материального и духовного потребления? Каковы единицы измерения полезности?

И как филантропическая ценообразующая инстанция СОФЭ будет «отражать» «полезность» в цене: заботясь о благе потребителя, продавать ему полезные товары дешевле, а вредные — дороже? Или, наоборот, стремясь к повышению прибыли, повышать цену на то, что люди считают для себя насущно необходимым? Академик предупреж-

дает часть наших вопросов: «Наукой уже предложены некоторые подходы к соизмерению между собой потребительских благ по их общественной полезности». Потребительских благ по «общественной полезности»? Почему же не по субъективно осознаваемой их личной полезности? «Может быть, наиболее последовательным путем решения этой проблемы является нормативный (!) подход, который предлагает активное общественное (!) воздействие на формирование потребностей, нахождение меры и последовательности их удовлетворения».

Это — точно. Здесь и зарыта собака: всесильный и всеобъемлющий монокапиталист, определяющий цену труда, ассортимент и цену товаров, вкусы и образы мыслей своих рабов, неизбежно определяет еще и последовательность и меру удовлетворения потребностей общества, решая за каждого, что для него полезно, что вредно.

Во времена, когда писалась работа Б.Бруцкуса, о дополнении трудового учета циркулирующих в народной экономике товаров и услуг учетом их по категории полезности заговорил С.Струмилин. Особенность рассуждения Бруцкуса состоит в том, что НЭП представляется ему не маневром, а необратимой прагматической эволюцией большевистской власти. Она же и через шестьдесят пять лет оказывается не в состоянии постичь необходимость — с точки зрения интересов народа, а не монопартийной номенклатуры — такой эволюции. Но Бруцкус принимает 1922-й (а в предисловии к зарубежному изданию своей работы — 1923-й) год за эпоху отказа большевиков от марксистского социализма и всего, что из него следует. Он пишет:

«С.Струмилин упустил показать, как он сведет к одной единице полезность различных хозяйственных благ; здесь придется ввести коэффициенты, которые, подобно коэффициентам при сравнении квалифицированных и неквалифицированных форм труда, останутся назвать известными, именно потому, что они неизвестны».

Нас поэтому несколько не удивляет, что наша государственная власть, которая только что, по проекту С.Струмилинина, признала трудовой учет обязательным, не стала дожидаться его результатов и не воспользовалась даже формулой Бернулли для априорного вычисления полезности хозяйственных благ, а, желая упорядочить государственные предприятия, предложила им ориентироваться на рынок. Правда, наш рынок организован сейчас крайне несовершенно, гораздо менее совершенно, чем при капиталистическом строе. Но все же ориентироваться на него — лучше, чем блуждать во тьме. Правда, этим наше государственное хозяйство выходит из рамок социализма, как он понимается в марксизме».

В конце этой главы Бруцкус говорит о том, что, не сумев наладить никаких форм учета (ни по трудовым затратам, ни по полезности производимой продукции) снизу, его решили наладить «сверху созданием статистически обоснованного единого хозяйственного плана». Он говорит о **вере** в выполнимость этой задачи как власть имущих, так и части интеллигенции. Между тем, казалось бы, ясно: там, где невозможен надежный учет и, следовательно, анализ ситуации, там невозможен и обоснованный (согласно каким-то исходным критериям) план. Тем не менее, как справедливо отмечено в комментариях, вера в осуществимость оптимального плана функционирования социалистического хозяйства жива по сей день.

5. Единый план социалистического хозяйства

Эту главу Бруцкус начинает анализом регулирующих механизмов не искаженного шантажом монополий конкурентного рыночного хозяйства. Здесь у меня есть маленькое замечание о механизме формирования рыночных цен. Бруцкус пишет: «Эта цена соответствует предельной полезности предметов для данного общества как целого; ее высота устанавливается в зависимости от субъективных оценок и покупательных сил всех его членов».

Я полагаю, что себестоимость товара для производителя-поставщика (включая стоимость трудовых затрат) тоже участвует в формировании цены. Поставщики товаров и услуг, чья себестоимость выше, чем у их более удачливых конкурентов, выпадут из игры. Но цены, не достигающие минимально возможной себестоимости, неприемлемы и для самых дешевых поставщиков. Иначе гибнет вся отрасль. Впрочем, если рынок дает ей погибнуть, значит — она ему не нужна (бесполезна)*. Но со стороны поставщика себестоимость, включая трудовые затраты, тоже участвует в формировании рыночной цены. В tomto и ее организующий смысл, что она учитывает все компоненты производственно-сбытового и распределительно-потребительского циклов, интересы и возможности всех их участников.

Затем — переход к анализу плановой экономики, как гигантского натурального хозяйства. И здесь, при сравнении крестьянского нату-

---

* Ситуация искажается государственными дотациями в современных квази-конкурентных социалистических системах, поддерживающих нерентабельные производства.

рального хозяйства с государственным социалистическим, возникает важнейший момент: количественное различие переходит в качественное:

«Это сравнение, на котором наши исследователи социализма как будто успокаиваются, решало бы проблему регулирования социалистического хозяйства, если бы... если бы только обе хозяйственные организации были схожи по своим размерам. Крестьянское хозяйство можно охватить здравым крестьянским умом. Но можно ли путем соответственной интуиции охватить социалистическое хозяйство не только великой России, но и какого-нибудь маленького государства? Именно в таких случаях количественные различия переходят в качественные».

И дальше в простой описательной терминологии здравого смысла показан факт, ныне количественно обоснованный социосистемологами, в том числе кибернетиками: нельзя объять необъятное.

«Кибернетическая система в каждый последующий момент времени может прийти в любое из большого числа состояний. Чтобы управлять системой (т.е. чтобы добиваться поставленных целей. — прим. Д.Ш.), нужно в каждый момент осуществить выбор определенного состояния из всех возможных. Для этого необходимо, чтобы разнообразие управляющих сигналов было не меньше разнообразия возможных состояний системы (точнее, согласно теореме Шеннона о канале коррекции, количество информации, переносимой управляющими сигналами, должно быть не меньше прироста энтропии системы). В противном случае неопределенность состояния системы (ее энтропия) будет неотвратно нарастать, и система выйдет из-под управления. Кроме того, необходимо, чтобы управляющий сигнал выбирался из некоторого разнообразия не случайно, а определялся на основе информации о состоянии системы»*.

Иными словами, чтобы действовать наверняка, а не вслепую, Центр должен своевременно получить и превратить в команды всю ту относящуюся к его задачам информацию, которая заключена в системе, а также — во всех вероятных вариантах ее дальнейшего существования.

Попробую существенно сузить задачу. Известный советский экономист и специалист по управлению пишет: «Разрабатывая систему

---

* Сб. «Принципы самоорганизации». Предисловие редактора. Изд. «Мир», М., 1966.

снабжения Киева молоком и молочными продуктами, украинские научно-исследовательские институты торговли и общественного питания и автодорожный институт подсчитали, что уже при восьми отправителях и восьми получателях груза количество возможных хозяйственных связей достигает... 1 миллиарда! Никакие человеческие качества не могут в таких случаях обеспечить оптимальных решений. Требуются ЭВМ, требуется «система» как таковая. Но создавать систему может только человек, и выбор окончательного решения из всех возможных вариантов будет оставаться за ним, потому что для решения необходим критерий. Заложить этот критерий в ЭВМ можно, но выработать его должен человек»*.

При каждой попытке решить сложную экономическую задачу Центр диктатуры оказывается в положении парадоксальной гипотетической машины У.Р.Эшби, пытающейся решить задачу до того, как в нее вложена информация для решения: «Для человеческого мозга и для машины эти ограничения одинаковы, поскольку они присущи любой системе, поведение которой упорядочено и подчинено определенным законам. Система, которая могла бы эти ограничения обойти, обладала бы волшебными свойствами». И Эшби формулирует одно из главных ограничений: «Любая система, выполняющая подходящий отбор (на ступень выше случайного), ...производит его на основе полученной информации...»**.

А получить всю необходимую информацию в данном случае невозможно.

Задолго до возникновения кибернетики и социосистемологической терминологии только что нами продемонстрированного типа, Б.Бруцкус в главе пятой своей работы сформулировал эти идеи. Отсылаем читателя к этой блестяще написанной главе, предвосхищающей центральные выводы современной науки о больших системах.

Бруцкус говорит о централизованном, заранее запланированном сверху распределении: «Но, если бы даже наша власть в этих экспериментах дошла до их логического конца, она в лучшем случае создала бы счастье... "сытой казармы"». На основании шестидесятипяти-

---

* В.И.Терещенко «Ближе к крайностям — дальше от истины». — ЛГ № 33 от 12 августа 1970 г.

** Эшби У.Р. Что такое разумная машина. В сб. «Кибернетика ожидаемая и неожиданная». М., 1968, стр. 34, 38.

летнего опыта можно ему возразить: **поголовно сытой** казармы как правило не получается. Система работает плохо; блага дефицитны; большинство обеспечено (и то — не всегда и не везде) лишь их выживательным минимумом; преимущества распределяются частью официально-иерархически, частью нелегально («черная экономика»). Отсюда и то, в чем видится Бруцкусу «самая слабая сторона социалистического хозяйства»: «...она заключается в его стремлении централизовать в руках своей бюрократии все распределительные функции».

Поскольку эта централизованность распределительной инициативы в руках бюрократии подкреплена и обеспечена силой оружия и огромной охранно-пенитенциарной системой, она из «самой слабой стороны социализма» (слабой — с точки зрения просвещенного либерала) становится самой сильной стороной коммунистической власти, позволяющей ей регулировать поведение ее подданных посредством распределения благ. Этот принцип действует везде: от концлагерей до ЦК КПСС (см. «Один день Ивана Денисовича» Солженицына и последнюю главу «Номенклатуры» Восленского «Один день Дениса Ивановича»).

Еще не существовало в экономической науке понятия обратных связей, регулирующих поведение производителя-поставщика в свободном конкурентно-рыночном хозяйстве и отсутствующих в огосударственной экономике, когда Бруцкус блестяще описал и эти свободные рыночные связи, и их отсутствие при социализме.

«В условиях свободного менового хозяйства каждое предприятие непрерывно отстаивает себя в борьбе за существование. Ему постоянно нужны новые материалы, ему надо обновлять свой основной капитал, его рабочие должны есть каждый день, и используемый в нем капитал должен отбрасывать прибыль. Средства для этого оно добывает себе само от народного хозяйства, вынося свои продукты на рынок. Если эти продукты имеют ценность в народном хозяйстве, если производительность предприятия высока, то рынок даст предпринимателю достаточно средств в форме всеобщего эквивалента. На вырученные деньги он сам приобретет материалы, обновит машины, оплатит рабочих и служащих; а их остаток составит его прибыль, и при достаточных размерах он часть ее может употребить на расширение производства. Если его предприятие доказало свою жизнеспособность, народное хозяйство открывает предпринимателю кредит, позволяющий ему расширить производство за пределы того, что ему позволил бы его собственный капитал. Наоборот, если производительность предприятия низка, средств, вырученных на рынке от реализации продуктов его, будет недостаточно для продолжения производства, это для

него *memento mori*, — народное хозяйство не позволяет растрачивать несовершенной производственной организацией своих средств. Словом, развитие каждого капиталистического предприятия стоит в точном соответствии с его производительностью.

В социалистическом хозяйстве мы имеем принципиально отличное положение: между производительностью предприятия и его питанием прямой связи здесь нет. Мы имеем здесь два акта: первый — продукт предприятия поступает в «общий котел», и второй — из «общего котла» предприятие получает необходимые ему средства для дальнейшего производства. Круговорот хозяйственных благ не совершается в социалистическом обществе на основании совершенно регулярных закономерных актов купли-продажи, не зависящих от взглядов отдельных участвующих в них лиц, а определяемых рыночными конъюнктурами. В головах некоторых служащих ВСНХ акт поступления продуктов в «общий котел» и акт поступления оттуда средств производства для продолжения предприятия могут быть приведены в связь. Но связь эта весьма неопределенная».

Далее Бруцкус убедительнейшим образом показывает, что верховный произвол в обеспечении отдельного предприятия, сдавшего свою продукцию в «общий котел», благами из того же «общего котла» неизбежен даже при неподдельном стремлении распорядителей «котла» избежать этого произвола. Вот один из его примеров, свидетельствующий всё о том же непоправимом дефиците информации-времени, который не позволяет Центру огосударствленной экономики организовать адекватный учет, выработать надежный (с чьей точки зрения?) критерий оптимальности функционирования такой системы и построить отвечающий этому критерию план:

«Данный совхоз предоставил в общий котел столько-то ведер молока, столько-то пудов мяса, столько-то пудов зерна. Сколько же он за это вправе получить пудов улучшенных семян, минеральных удобрений, концентрированных кормов, голов улучшенного скота, прозодежды, топлива и т.п.? Попытка решить эту задачу, сделанная нашим авторитетным специалистом в области экономии сельского хозяйства А.В.Чаяновым, не состоятельна — таково мнение не только наше, но и марксистов. Она несостоятельна, ибо, как мы показали, в пределах безрыночного хозяйства эта задача неразрешима».

И эта исключенность автоматического (свободный рынок) и невозможность «сознательного», то есть расчетного (социализм), **экономического** взаимодействия между предприятием и его регулятором составляет Бруцкуса предугадать неизбежное возрастание политического

произвола власти в распределении общенародного достояния. Он замечает:

«...большой простор открывается для различных политических влияний на экономическую жизнь, которые в социалистическом государстве, где политическая власть окончательно слита с экономической, должны и без того сильно проявляться сильнее, чем в каком бы то ни было другом обществе. Поэтому даже в социалистическом государстве, находящемся в очень трудном экономическом положении, остатки средств могут растрачиваться на такие предприятия, которые совсем не являются целесообразными, а вызываются иными соображениями власти».

«Не являются целесообразными» — с чьей точки зрения? — вот в чем вопрос.

Опыт последующего шестидесятилетия докажет, что не «остатки средств», а их львиная доля в самых тяжких для народа условиях будет расходоваться соответственно произвольным соображениям власти. Сам Бруцкус в своих будущих статьях о коллективизации и вызванном ею голоде в начале 1930-х годов покажет, как голодная смерть миллионов не удерживала большевиков от экспорта хлеба. Но важно, что он предсказал это свойство возникающей социальной системы как ее органику. От Бруцкуса после четырехлетнего опыта функционирования социализма, еще не сложившегося и не устоявшегося, не ускользает ни одна имеющая развиться в некий основополагающий принцип существенная особенность этого строя.

«А между тем и положительная оценка ВСНХ того или другого экономически здорового предприятия далеко не обеспечивает его нормального развития. Заведывание распределением отдельных продуктов и средств производства в порядке разделения труда необходимо поручить отдельным учреждениям — Главкам. Перед каждым из них конкурирует целый ряд предприятий, и все они конкурируют бумагами и словами, которые ведь дешево стоят в противоположность тому, что происходит в капиталистическом хозяйстве, где конкурируют деньгами. Все требуемые средства производства комплементарны, только вкуче они делают продолжение производства возможным, и надо, чтобы во всех Главках по данному предприятию состоялись одинаковые заключения и с соответственным численным их выражением. Задача эта бесконечно более сложна, чем она была в капиталистическом хозяйстве, где в худшем случае приходилось делать ту или другую надбавку при приобретении того или другого средства производства».

Здесь важна не только уже отмеченная **бесконечность** взаимосвязей и соотношений, которые должен **осознавать** Центр, чтобы достигать своих целей, о чем уже не раз говорилось. Здесь знаменательно и мимоходом оброненное замечание о конкуренции. В свободном рыночном хозяйстве предприятия с максимальным рвением конкурируют перед лицом непосредственного потребителя их товаров и услуг (общества), а потребитель (в том числе в одной из своих ипостасей и предприятие) самостоятельно отбирает все, что ему нужно, руководствуясь потребностью, качеством и ценой. В огосударствленном и централизованно управляемом хозяйстве предприятия гораздо менее рьяно (не дадут — не сделаем: зарплата идет, должность останется) «конкурируют бумагами и словами» не перед обществом, не перед потребителем, а перед верховными инстанциями, от которых зависят. Изменилось направление конкуренции, ее заводящий стимул (не заплаченный потребителем рубль, а санкционированная Центром карьера), ее судья (не потребитель, а Центр). Господствует в этой конкуренции критерий Центра, а не потребителя, то есть распределенный иерархически критерий номенклатуры.

И еще один важнейший, судьбоносный для социализма момент: в социалистическом хозяйстве нет автоматического механизма, который в условиях свободного рыночного хозяйства заставлял предприятия (людей) трудиться с минимумом затрат при максимально высоком качестве. Бруцкус выражает эту мысль так:

«Разница эта обусловлена, конечно, не тем, что в капиталистическом обществе хозяйством руководят более интеллигентные и более добросовестные люди, чем служащие ВСНХ, а тем, что формы экономической организации здесь принципиально различные. Оказывается, что у социалистического хозяйства, в действительности, нет никакого механизма для координирования каждого отдельного производства с народным хозяйством».

И здесь, оперируя терминами здравого смысла, ученый предвосхищает фундаментальные понятия социкибернетики. В 1966 году (через сорок три года после издания в Германии работы Бруцкуса), в официально изданной в Москве книге* читаем: «Кибернетическая система отличается тремя характерными чертами: она чрезвычайно сложна — до такой степени, что ее структура не поддается в деталях опре-

---

* Бир Ст. На пути к кибернетическому предприятию. В сб. «Принципы самоорганизации», стр. 48. Изд. «Мир», М., 1966.

делению. Она чрезвычайно вероятностна — до такой степени, что, будучи сложной по строению, она становится неделимой, и каждая траектория движения системы равновероятна. Нереально предположить, что такого рода система может управляться посредством предписанных извне правил. Дело в том, что такая система по определению не поддается анализу, и поэтому не существует никакого теста, посредством которого соответствие этим правилам могло бы быть доказано. Третья характерная черта кибернетической системы состоит в том, что коренное свойство организации, проявляющейся в ней, возникает изнутри; система является самоорганизующейся».

Все рассмотренные нами до сих пор размышления сводятся к признанию за обществом свойств кибернетической (термин далекого будущего, для Бруцкуса не состоявшегося) системы. Предвосхищая исследователей 1940-х — 1960-х годов, Бруцкус утверждает, что при социализме общественная экономическая система противоестественным для нее образом лишена необходимого ей автоматического механизма самоорганизации, каковым является и может быть только свободный конкурентный рынок. Признание этого факта равносильно отказу от социалистической утопии, от чего мир сегодня так же далек, как во времена Бруцкуса.

В 1969 году в несколько иной фразеологии о том же отсутствии механизма самоорганизации в социалистической экономике как о дефекте, обрекающем ее на заведомо неполноценное расчетно-директивное регулирование, заговорит акад. В.А.Трапезников*. Он назовет этот автоматический механизм «коррекцией на минимум необходимых затрат», или «коэффициентом усиления». Акад. Трапезников пишет:

«...вопрос касается коэффициента усиления в системах управления экономикой (этот коэффициент, упрощенно говоря, показывает, во сколько раз результат превосходит вызвавшую его причину). В капиталистических условиях этот коэффициент очень высок: в самом деле, изменение себестоимости продукции на 2-3% (следовательно, и прибыли) немедленно отражается на курсе акций и ведет к перетоку капитала. Высокий коэффициент усиления убыстряет переходные процессы, способствуя тем самым техническому прогрессу».

---

* Акад. Трапезников В.А. Вопросы управления экономическими системами. Доклад на IV Всесоюзном совещании по автоматическому регулированию 30 сентября 1968 г., Тбилиси. — «Автоматика и телемеханика», 1969, № 1; «Наука и жизнь», 1969, № 1.

«С другой стороны, при наличии запаздывания информации о состоянии рынка, высокий коэффициент усиления приводит к колебаниям, характерным для капиталистической экономики.

У нас коэффициент усиления чрезвычайно мал: долгое время расчетная себестоимость разных продуктов (уголь, металл и пр.) на десятки процентов отличалась от действительных затрат общества на их производство. *И это просто оставалось незамеченным, хотя это несомненно отодвигало экономику от оптимума**.

С одной стороны, низкий коэффициент усиления является достоинством, т.к. он снимает колебания в экономике, с другой стороны, низкий коэффициент усиления делает систему почти разомкнутой (у нас крайне слаба обратная связь, обусловленная воздействием потребителя на производителя)** , что лишает ее автоматизма в коррекции на минимум общих затрат. Поэтому задачу оптимализации приходится всецело решать расчетным путем, что весьма трудоемко и не всегда приводит к цели».

В 1922-1923 гг. Бруцкус убедительно показал, что задача является не «весьма трудоемкой», а бесконечно трудоемкой и что она не «не всегда приводит к цели», а никогда не приводит к ней в удовлетворительной степени.

Советские экономисты вынуждены констатировать***: «При капитализме импульс техническому прогрессу дает всеобъемлющая конкуренция. Рынок надо завоевать, он недостаточен для всех, и это заставляет искать пути удешевления производства на базе совершенствования техники и организации производства. Пониженная цена и улучшенное качество — основные методы завоевания рынка.

...При социализме макроструктура**** экономики определяется централизованно. Это исключает возможность кризисов перепроизводства, но тем самым образуется весьма своеобразная ситуация в области стимулирования общественного прогресса... что порождает тенденцию к консервированию имеющегося уровня техники, не способ-

---

* То же явление наблюдается сегодня во многих квазикапиталистических социальных системах, например, в Израиле. Централизованная регуляция хозяйственных процессов зашла там так далеко, что коэффициент усиления близок к советскому.

** Я бы сказала не «на производителя», а «на поставщика».

*** Счастливцева Л.В., Ракитский Б.В. Экономика качества. Изд. «Знание», М., 1966, стр. 28-29.

**** И микроструктура тоже.

ствует инициативе предприятия осуществить на практике технические новинки и научные достижения».

О том же отсутствии автоматического оптимизирующего механизма, заставляющем экстенсивно, плохо, с грехом пополам, решать хозяйственные задачи, капитализмом решаемые интенсивно и автоматически, кричит вся послебрежневская директивная партийная литература и особенно — управляемая гласность горбачевской поры. Тем не менее в ней ни разу однозначно не высказано главное, к чему Бруцкус пришел шестьдесят пять лет тому назад: вместо того, чтобы громоздить один проверяющий этаж на другой (при Ленине — наркомат рабоче-крестьянской инспекции — Рабкрин, сегодня — государственные приемочные комиссии над ОТК — отделами технического контроля предприятий), следует думать над плавным, постепенным и как можно менее болезненным восстановлением принципа самоорганизации (свободного частного конкурентного рынка) в народном хозяйстве.

Современному еще не полностью социалистическому миру следовало бы задуматься над ростом монополий и огосударствленного сектора экономики в своих пределах, чему Бруцкус соответствующего внимания **в то время** уделить не мог (см. прим. 23). Какими путями: революционным или эволюционным — общество ни пришло бы к полному уничтожению истинной частнохозяйственной конкуренции, оно неизбежно впадет во все парадоксы социализма, утратив способность к своей демократической хозяйственной самоорганизации. Об этом много — в статьях А.П.Федосеева и в его книге «Новая Россия. Альтернативы».

6. Проблема распределения и социализм

Б. Бруцкус надеется, что НЭП возрождает капиталистическую систему распределения — общая с нынешней жажда принятия маневра за эволюцию. Важнее всего, чтобы все смягчающие рыночную конкуренцию приемы социального страхования нетрудоспособных и безработных, неотъемлемые от политики современного либерально-демократического государства, не посягали на частную собственность и хозяйственную свободу, о чем говорит и Бруцкус:

«...в известной мере общество как целое может смотреть на землю и на капитал как на свое достояние и может претендовать на известное участие в отбрасываемых этими факторами доходах. Эта правовая идея выношена 19-м столетием, на ней строится современная социальная политика, которая не может основываться только на це-

лесообразности, а должна иметь под собой и известное правосознание. Наша критика, конечно, не направлена против этой идеи, выстраданной 19-м веком, мы не защищаем принцип «laissez faire, laissez passer», мы боремся только против учения, которое желало бы с корнем уничтожить основную движущую силу европейской цивилизации, — принцип хозяйственной свободы. К рассмотрению вопроса об отношении социализма к этому принципу нам предстоит теперь перейти».

Даже и налогообложение должно стимулировать, а не убивать частную инициативу. Говоря о концентрации капитала в руках удачливых собственников, как о пороке частнохозяйственной ситуации, мы забываем очень важные вещи: 1) этот капитал работает на общество в виде средств производства (постоянный капитал); 2) его денежная часть (оборотный капитал) лежит не в кубышках, а циркулирует через банки, где тоже работает на общество; 3) остаток от личного потребления владельцев капитала эксплуатируется также через банки всем обществом в виде ссуд, кредитов, займов и пр., вкладываемых и в личное потребление лиц, не имеющих капитала, и в производство. Ни быстро, ни медленно, ни юридически, ни физически не следует ломать эту систему, а совершенствовать только налогообложение (то есть приводить его к оптимальным рамкам выгоды для государства и нетеррористичности для предпринимателя) и социальное обеспечение (но не доводить его до разлагающего уровня, продуцирующего паразитизм целых социальных слоев). Кроме того, государство должно быть подконтрольно обществу в сфере расходования налоговых поступлений, страховых отчислений и своих прибылей из других источников, а это возможно только в демократических обстоятельствах. Из этих налоговых поступлений, страховых отчислений и доходов от своих предприятий оно должно покрывать все общие нужды населения страны и решать общие задачи (оборона, экология, соцобеспечение и пр.).

Бруцкус говорит лишь об **«известном участии»** общества в «отбрасываемых» «землей и капиталом» «доходах». Это **«известное участие»** (а не «отъем и увод» **всего капитала**, например, путем конфискации наследства) вполне обеспечивается оптимальным налогообложением, в том числе и налогом на наследство, страховыми отчислениями и другими доходами государства, и должно реализоваться в сфере социального обеспечения. У современного государства много нужд, включая расходы на науку, здравоохранение, образование. О соцобеспечении, обороне, экологии мы уже говорили. На примере Швейцарии видно, что львиную долю налоговых и страховых поступлений могут

расходовать местные органы самоуправления. Но при оптимально организованном налогообложении и страховых платежах в этой стране высший уровень государственной власти обеспечивает все общественные расходы (а нейтральная Швейцария тратит на свою оборону много), оперируя примерно 25% всех собираемых в государстве средств. Остальное расходуется на уровне общин и кантонов. Государственные сборы и расходы, известное «участие» общества в «отбрасываемых» землей и капиталом доходах (через соцобеспечение, страхование, кредиты, ссуды, займы и пр.) не должны посягать на частнохозяйственную (в том числе на частногрупповую, то есть кооперативную и корпоративную, но не монопольную) экономику с правом наследования капитала в любых его формах. Бруцкус оставляет вне посягательства **«принцип хозяйственной свободы»** — **главный принцип**, вносящий в общественную экономику (в процессе рыночной конкуренции собственников) живительную самоорганизацию и автоматическую коррекцию на минимум необходимых затрат. А без права распорядиться своим достоянием после своей смерти или ухода от дел, какая же это хозяйственная свобода?

7. Хозяйственная свобода и социализм

Говоря о «диктатуре пролетариата», надо бы сразу отметить фиктивность термина: «диктатуры пролетариата» нигде и никогда не было, нет **и не может быть**. На самом деле речь шла, идет и всегда в соответствующих случаях будет идти о **диктатуре верхушки партии, объявляющей себя «авангардом пролетариата»** (часто в стране, претерпевающей переворот, почти отсутствующего). Пролетариат **не может** стать правящим классом. Идея его диктатуры — один из наиболее утопических моментов марксизма.

В этой главе Бруцкус наглядно доказывает, что «управление вещами и процессами производства» (Маркс, Энгельс, Ленин), которым, при классическом Марксовом социализме, должна смениться власть над людьми, на самом деле есть управление людьми, куда более полное, чем при частнохозяйственной экономике.

Бруцкус говорит: «Конечно, формы принуждения могут стать весьма мягкими, но ведь к этому стремится, и не совсем безуспешно, и современное демократическое государство». И здесь он заблуждается: формы принуждения при развитом, полном и последовательном социализме, охватившем все хозяйственные отрасли, должны быть твердыми, потому что хозяйственные инстинкты людей, их интересы,

их здравый смысл восстают против принципов огосударствления и централизации экономики и должны быть перманентно подавляемы. Сегодня (1987 г.) в СССР усиленно подавляется и репрессируется коррумпированная и связанная незаконными экономическими отношениями часть общества, в том числе номенклатуры. Или же социализм должен отказываться от своих принципов, хотя бы в сфере народного потребления и обслуживания. Тогда принуждение может быть несколько мягче. Что же касается «современного демократического государства», то оно применяет принуждение значительно реже и мягче, чем должно было бы применять ради безопасности общества и стабильности его бытия.

В этой же главе Бруцкус еще раз сопоставляет конкуренторыночную самоорганизацию экономики с ее директивной социалистической регуляцией сверху, по единому плану, и приходит к прозорливому выводу:

«Социалистическая организация хозяйства, если бы ей наконец удалось отлиться в устойчивые формы, отличалась бы громадным консерватизмом и инерцией. Ничего подобного вечно изменчивой хозяйственной жизни капиталистического общества социалистическое общество не представляло бы» (выд. Д.Ш.).

В СССР «социалистической организации хозяйства... удалось отлиться в устойчивые формы» после уничтожения единоличного крестьянства, нефиктивных кооперативов, артелей и нэпманов, и эти «устойчивые формы», как предсказал (надеявшийся тогда, что они не восторжествуют) Бруцкус, действительно отличаются **«громадным консерватизмом и инерцией»**, что безуспешно пытаются преодолеть все поколения советских руководителей.

К анализу социалистического распределения, сделанному Б.Бруцкусом, и к примечаниям к нему В.Сорокина мне нечего добавить. Отмечу только следующее: при «развитом» и не терпящем экстремально бедственного (настоящий массовый голод) состоянии социализме несвободное, авторитарное распределение обеспечивается не только градацией установленных государством зарплат, верховно предопределенной дифференциацией бытовых условий и культурных возможностей и сетью закрытых распределителей разного ранга. Авторитарное распределение предопределено одной уже единственностью поставщика, принудительным, безвыборным ассортиментом его товаров и универсальной обязательностью его монопольных цен. Разумеется, в чистом, ничем не нарушаемом виде всё это существует только в концлагере и в замятинской или орвелловской антиутопиях. В реальном

социалистическом государстве не экстремально-террористического и голодного (СССР 1918-1920 и 1930-1933 гг., Камбоджа Пол Пота, те-перешняя Эфиопия и пр.) периода и типа «вторая» («черная») экономика вносит существенные, иногда — могучие возмущения в картину узаконенного социалистического распределения. Впрочем, «вторая» экономика функционирует и в экстремальные «пайковые» периоды. В сфере потребления информации тоже существуют государственная идеологическая монополия, неравномерно распределяющая информацию между своими подданными (кому что положено знать), и (сравнительно узкий) «черный рынок» Самиздата, Тамиздата, Магнитиздата, видео, зарубежных радиоголосов. Вообще, социализм становится более или мене выносимым для своих подданных строем, когда нарушаются его предельные закономерности, когда существуют производства, услуги и распределение в обход законов.

Бруцкус не может не выйти за пределы чисто экономического рассмотрения вопроса, потому что для всякой развитой личности перво-степенно важен момент политической (идеологической, духовной) свободы. Он говорит:

«Вопрос о политической свободе выводит нас за пределы нашего исследования, но он после сказанного и без того ясен. Научный социализм утверждает, и по нашему мнению с полным основанием, что публично-правовые институты не могут висеть в безвоздушном пространстве, что у них должен быть экономический фундамент. Капиталистическое общество декларировало права человека и гражданина, и эта декларация прочно связана с его экономическими устоями: с свободной конкуренцией, с свободным потреблением, свободой труда и, больше всего, с принципом частной собственности. Пока указанные экономические устои будут стоять прочно, до тех пор будет сохранять свое значение и декларация прав человека и гражданина. За отсутствием экономических предпосылок индивидуальной свободы в социалистическом обществе в нем не может быть речи о политической свободе, и наши коммунисты с полной последовательностью ее отрицают как институт буржуазного общества.

Правда, социализм в утешение утверждает, что и в пределах капиталистического общества под формальной свободой таится фактическое отрицание, насилие экономически сильного над экономически слабым. В социалистической критике капиталистической свободы не все правда, но много правды. Именно на этом основании современные демократии от буржуазного принципа «laissez faire, laisser passer» отреклись; в свободный меновый строй введено много корректив,

усиливающих позицию экономически слабых, и еще много корректив предстоит ввести. Но, конечно, дело личной свободы не выиграет от того, если она будет отменена и с формальной стороны, и по существу»*.

«Позиции экономически слабых» в некоторых демократических странах, например, в США или в Голландии, так усилились, что превратились в один из самых распространенных способов добывания хлеба насущного для целых слоев населения. Это не только ложится тяжелым грузом на работающего налогоплательщика: **пока еще** (пока их не удушили монополии и огосударствление экономики) продуктивно работающие конкуренторыночные структуры этот груз выдерживают. Но это сверхщедрое социальное обеспечение неработающих работоспособных людей нравственно разлагает значительную часть общества. По-видимому, способы усиления «позиции экономически слабых» должны быть исследованы и социально усовершенствованы в сторону усиления самих слабых, а не только их социальной позиции (возможностей и способностей к вымогательству). Во всяком случае Бруцкус видит гуманизацию общества капиталистической свободы такой, чтобы в процессе этой гуманизации «ребенок» (частнохозяйственная конкурентная инициатива, частная собственность — добавлю от себя: с правом ее наследования) не вылетел из корыта вместе с грязной водой (некоторые жестокие аспекты конкуренции, в том числе и на рынках труда).

В главе, посвященной проблемам свободы, Бруцкус формулирует пронизательное предвидение того, что утопия «безвластной коммуны» (Троцкий), «царства свободы» (Маркс), безгосударственного «самоуправления ассоциированных производителей» (Энгельс) выльется в самое деспотическое государство в истории. Он пишет:

---

* Несовместимость социалистического строя с индивидуальной свободой была очевидна для всех, кто пытался серьезно вдуматься в его конструкцию, исходя даже из посылок научного социализма. К этому выводу пришли не только известные противники социализма Герберт Спенсер и Евгений Рихтер, но к такому же выводу, к огорчению и себя, и своих читателей, пришел и горячий апологет социализма, пропевший ему свою лебединую песню, М.И. Туган-Барановский. «Централизация социалистического государства», предполагает он, «предполагающая строгое подчинение личности велениям центральной власти, передачу этой последней всей хозяйственной инициативы и всей ответственности за правильный ход процесса общественного хозяйства, не соответствует идеалу наибольшей свободы личности». «Социализм как положительное учение», стр. 83. Конечно, апологет социализма выражается мягко. (Прим. Бруцкуса).

«Очевидно, что социалистическое общество не есть царство свободы личности. Наоборот, эта личность лишается всякой свободы во имя того, чтобы общество свободно располагало своей судьбой. Но через какой же орган общество осуществляет свое свободное самоопределение? Очевидно, через государство. Мысль Маркса о безгосударственном бытии социалистического общества должна быть решительно отброшена. Именно в социализме государство является во всемогуществе и политической, и экономической власти. Не прежнее монархическое государство Запада, не современное демократическое государство, а социалистическое есть тот Левиафан Гоббса, который без остатка поглощает личность»*.

Уничтожая все конкурентные рынки: экономический, политический, информационный, — социалистическое государство берет на себя роль верховного регулятора всех социально значимых процессов в системе. **Всё общество** этой роли выполнять не может по причине своей занятости другими делами и в связи с отсутствием конкурентных рынков, на которых оно, не отрываясь от своих повседневных дел, могло бы предопределять ситуацию посредством выбора (покупки — отказа от покупки; избрания — неизбрания того или иного депутата или партии; предпочтения той или иной информации: идей, образов). В социалистическом государстве инициатива распределена иерархически. Ее решающий потенциал сосредоточен на вершине иерархии (иногда — личной, иногда — олигархической). На этой вершине находятся рычаги управления всеми аппаратами слежения, охраны и принуждения. В 1922-23 гг. Бруцкус, осторожный и деликатный мыслитель, высказывая свои опасения относительно коммунистического Левиафана, делает оговорку: «Будем помнить, что история знает много разбитых иллюзий, и настоящий проект организации коммунистической власти через испытания истории еще не прошел».

К настоящему времени этот опыт прошел через многократные, многообразные и многолетние испытания. Бруцкус умер в 1938 году, и он успел написать об оправданности самых худших своих опасений относительно коммунистического государства и построенной им социально-экономической системы.

Знаменательно в этой главе противопоставление двух ведущих мировоззренческих концепций, пронизывающих всю историю челове-

---

* Заметим, что и российская монархия, особенно в 1860-х — 1910-х гг., не являлась таким Левиафаном.

ства и не утративших ни своей полярности, ни своей популярности сегодня. Причем одно из них, сегодня лежащее в основе марксистского социализма (ленинизма, коммунизма), по-прежнему, глухо (Бруцкус отмечает эту глухоту) к аргументации противоположной стороны.

Вот выводы Бруцкуса:

«Но мы чувствуем, что мы подошли со своей аргументацией к глухой стене. Есть два мирозерцания, между которыми не может быть никакого соглашения, никакого компромисса. Согласно одному из них, человечество стремится к конечному блаженному состоянию, строение этого блаженного состояния известно, и соответствующий механизм остается только осуществить идеалистическим подвигом. В новом обществе, в котором идеал уже осуществлен, свобода личности не нужна, ибо ей нечего творить в совершенном обществе. Зачем нужна свободная личность блаж. Августину в его «*civitas Dei*», и зачем она нужна Карлу Марксу в его социалистическом обществе?

Но есть и другое мирозерцание. Нет никакого конечного блаженного состояния. Механизм осуществления рая на земле неизвестен. Надо в каждую эпоху решать конкретно те задачи, которые ставит жизнь. Человечеству можно указать лишь самые общие директивы для его устремлений, и ему можно заранее сказать, что каждое достижение будет сопровождаться возникновением новых противоречий, постановкой новых задач.

Счастье человечества заключается именно в вековечном устремлении. Источником вековечного движения вперед человечества является творческая личность. И великим преимуществом современной европейской цивилизации перед всеми предшествовавшими цивилизациями является то, что она это познала. Идея свободы человеческой личности родилась еще в бурях Реформации, когда Лютер перед синклитом могущественнейших светских и церковных владык произнес свои великие слова: «*So denke ich, und ander kann ich nicht*». Для тех, кто стоит на почве такого мирозерцания, принцип свободной человеческой личности есть верховная ценность, это наш последний критерий. Этого нашего первородства мы не продадим за утопию земного рая, ибо в нем святой талисман европейской цивилизации».

Вопрос о высших нравственных императивах и абсолютах, должствующих руководить свободной личностью, Бруцкусом не затрагивается.

К несчастью, для весьма представительной части современной интеллигенции, не только на Западе и в «третьем мире», но и в социали-

стических странах, не существует столь отчетливой, как для Бруцкуса, альтернативы: «социализм или свобода личности, свобода общества» (см. прим. 51).

8. Субъективные моменты в социалистическом хозяйстве

В начале этой главы, полемизируя с марксистским ожиданием колоссального роста производительности труда от одного уже факта уничтожения частной собственности на средства производства, Бруцкус замечает, что это ожидание неоправданно, ибо «с переходом производства в руки общества еще не достигается отождествления в сознании рабочего его интересов с интересами общества».

Хотелось бы внести одно фразеологическое уточнение: производство переходит не в руки общества, занятого исполнением повседневных своих обязанностей, а в руки специального аппарата, допустим, что выдвинутого обществом (в действительности, делегировавшего самого себя, захватившего с помощью определенных социальных слов власть над производством и над обществом). Производство принадлежит обществу в условиях системы конкурентных рынков, где спрос командует предпринимателями. Правда, влияние потребителей на функционирование общественного производства распределено между ними неравномерно: оно пропорционально их платежеспособности. Но в условиях конкурентнодемократических (частнохозяйственных) у потребителей много способов бороться за повышение своей платежеспособности. Наиболее опасный сегодня для демократического общества способ повышения платежеспособности работника — шантаж монополистических профсоюзов. Наиболее продуктивный — повышение дефицитности, производительности и качества своего труда. Но в условиях, когда конкуренция уничтожена и фактически предприниматель-поставщик-работодатель един во всех своих лицах, спрос утрачивает свое автоматически регулирующее значение. Потребителю (обществу) более ничего не принадлежит. Между тем, объявляя себя делегатом общества, социалистическое — монокапиталистическое* — государство («идеальный совокупный капиталист» Энгельса) превра-

---

* Термин «монокапитализм» как определение советской системы был предложен в 1944 году моим другом и однодельцем Марком Черкасским. Тогда этот термин канул в недра ГУЛага. В конце 1950-х гг. в Самиздате появился термин «единокапитализм», принадлежащий Р.Пименову. Марк Черкасский таинственным образом исчез в СССР в 1971 году. В 1984 году в Самиздате появился термин «уникапитализм», принадлежащий И.Верову (псевдоним). (Д.Ш.).

щает в фикции все самозащитные организации наемных работников: зачем им защищаться от самих себя? Ведь всё «принадлежит обществу»! Поэтому смешение общества и государства в данном аспекте — очень опасная оговорка.

Работа Бруцкуса писалась на рубеже между военным коммунизмом и НЭПом. Ныне почти забыто, что большевики в 1918 — марте 1921 гг. пытались ввести коммунистическое распределение — не соответственно трудовому вкладу работника, а «по потребности», но по потребности, определяемой не самим работником (потребителем), а коммунистической властью. Ленин в своем докладе на II Всероссийском съезде политпросветов (Соч., изд. IV, т. 33, стр. 39) сказал в 1921 году:

«Наша предыдущая экономическая политика (речь идет о политике «военного коммунизма» и «продрозверстки» — прим. Д.Ш.), если нельзя сказать рассчитывала (мы в той обстановке вообще рассчитывали мало), то до известной степени предполагала, что произойдет непосредственный переход старой русской экономики к государственному производству и распределению на коммунистических началах». «Мы решили, что крестьяне по розверстке дадут нам нужное количество хлеба, а мы розверстаем его по заводам и фабрикам, — и выйдет у нас коммунистическое распределение».

«Но весьма длинный опыт привел нас к убеждению в ошибочности этого построения, противоречащего тому, что мы раньше писали о переходе от капитализма к социализму... На экономическом фронте, с попыткой перейти к коммунизму, мы к весне 1921 года потерпели поражение гораздо более серьезное, чем какие бы то ни было поражения, нанесенные нам Деникиным и Пилсудским, поражение, гораздо более серьезное, более существенное и опасное. Оно выразилось в том, что наша хозяйственная политика в своих верхах оказалась оторванной от низов и не создала такого подъема производительных сил, который в нашей программе признан основной и неотложной задачей. Розверстка в деревне, этот непосредственно коммунистический подход к задачам строительства в городе, мешала подъему производительных сил и оказалась причиной глубокого экономического и политического кризиса, на который мы натолкнулись весной 1921 года».

Бруцкус со всей убедительностью показывает необходимость субъективной зависимости между количеством и качеством трудового вклада работника и его вознаграждением (потреблением). Однако и здесь опыт истекшего шестидесятилетия позволяет сделать некоторые оговорки. Б.Бруцкус пишет:

«Прогресс культуры выражается в том, что рабочий относится со всей добросовестностью к взятым на себя обязательствам. Это достижимо и в пределах капиталистического общества, и достижимо, конечно, и в пределах социалистического общества... ..Конечно, после социального переворота никаких чудес не случилось, но вольно было их ожидать. Если же производительность труда рабочего класса упала до минимума, то это соответствовало неблагоприятным объективным условиям — полной дезорганизации народного хозяйства и, в частности, тяжелым продовольственным условиям. Но принципиально нет никаких оснований сомневаться в том, что рабочий будет трудиться за станком социалистического государства не менее усердно, чем за станком капиталиста».

Между тем, по официальным советским данным, производительность труда советского рабочего, да и специалиста, в 2—2,5 раза ниже производительности труда его западного коллеги. А производительности труда западного фермера и советского колхозника или совхозника просто несопоставимы. Дело, конечно, не в их человеческих качествах: те же колхозники-совхозники на своих приусадебных участках, занимающих 2-3% обрабатываемых сельскохозяйственных угодий СССР, производят примерно треть потребляемых страной продуктов питания. Дело в том, что «громадный консерватизм и инерция» отлившегося «в устойчивые формы социалистического хозяйства» (Бруцкус) предопределяют общую непродуктивность производственного процесса, в том числе и труда рабочего, колхозника или специалиста. Чуть ниже сам Бруцкус говорит с исчерпывающей (на многие десятилетия вперед) прозорливостью о роковом воздействии на общественный производственный процесс исключения из этого процесса капиталиста-собственника, о превращении всего контингента руководителей производства в нерадивых наемников.

Следующие рассуждения Бруцкуса констатируют одну из центральных причин (среди прочих — **неустранимо** плохое планирование, **невозможность** адекватного и своевременного учета и эффективной реакции на него; об этом см. выше) низкой продуктивности социалистического производства:

«Характерной чертой научного социализма является односторонний взгляд на процесс производства как на процесс механического труда. Громадной роли торговца в капиталистическом обществе марксизм совершенно не признает, для марксизма он паразит. Не признает он значения и экономического организатора производства, для него он специалист по откачиванию прибавочной ценности. И даже роли технического организатора производства марксизм недооценивает.

В соответствии с таким взглядом на процесс производства участь многих экономических и даже технических организаторов его была после русской социальной революции весьма печальна. Технические руководители предполагалось заменить коллегиями сознательных рабочих, а прежних экономических организаторов — интеллигентами, более или менее знакомыми с «Капиталом» Маркса. Только на горьком опыте власть убедилась, что дело не так просто. Изгнанные было экономические и технические организаторы были реабилитированы, объявлены спецами и возвращены на свои места.

Тем не менее, мы не можем ждать ни от старых, ни от новых спецов той полезной работы, которую они давали капиталистическому обществу. Успех производства зависит, главным образом, от его организации не только технической, но и экономической; решающее значение имеет бережное отношение к основному капиталу, экономия на материалах, удачная комбинация капитала и труда, отыскание надлежащих источников сырья и подходящих рынков сбыта — и без этих предпосылок не поможет самый усердный и умелый труд рабочих. Этой высоко ответственной роли организаторов соответствует психология предпринимателя в капиталистическом обществе. На него падает риск предприятия, и он первый выигрывает от его успехов. Отсюда громадное напряжение его воли. Его труд никем не нормируется — он определяется потребностями дела.

Совершенно не такова психология экономического организатора в социалистическом государстве. Здесь он чиновник и не больше. Если он даже и получает несколько лучшее вознаграждение, чем рабочий, на что социалистическое общество по эгалитарным соображениям идет с трудом, то это добавочное вознаграждение не имеет значения для стимуляции его труда. Риск предприятия лежит не на нем, а на государстве, он мало теряет от неудачи и ничего не выигрывает от удачи. А отсутствие ценностного учета почти изымлет его из контроля. Он добросовестно отбыл свои 6 или 8 часов в конторе и считает свой долг исполненным. А ведь для экономического творчества нужна не формальная исполнительность.

Многие неудачи нашего социалистического строительства стоят в явственной связи с дефектами в психологии руководителей. Собрали у крестьян миллионы пудов картофеля — и сгноили; привезли дрова — их разворовали. Можно быть уверенным, что если предприниматель в пределах капиталистического общества возьмется поставить картофель или дрова, то картофель у него не сгниет, и дров у него не разворуют. Не так-то легко он позволит у себя урвать ту прибыль, из-

за которой он хлопочет, и зубами он будет отбивать покушение на свой капитал. На митинге рабочие пожаловались, что купленная Внешторгом обувь оказалась плоха. Представитель Внешторга объяснил, что мы пролетарии, не купцы, американские капиталисты нас и надули. Рабочие отнеслись к этому заявлению с пролетарским добродушием. Капиталистический строй этого пролетарского добродушия не знает: купец, который позволяет себя надуть, не долго проторгует, и нет для него извинения.

Нет, если для строительства социализма имеются трудности субъективного порядка, то они лежат никак не в психологии рабочего класса, они лежат в психологии его экономических организаторов. Стимулы, которые им может дать эгалитарное социалистическое общество, не соответствуют ответственности лежащих на них задач. А между тем при громадной концентрации всех экономических функций в руках государства ответственность экономических организаторов в социалистическом обществе воистину колоссальна, она больше, чем в капиталистическом обществе».

Но сама эта психология социалистического руководителя (наемного работника у некоего совокупного иерархического распорядителя-монстра) вытекает из структуры централизованной единоплановой экономики. Стимулы, которыми мог бы пренебречь бессеребренник, не играют здесь решающей роли. Плохой план, плохое штатное расписание, плохая тарифная сетка заработной платы, претендующие покрыть все поле общественной хозяйственной и культурной деятельности и объективно неспособные оптимально его организовать (неустранимый дефицит информации-времени), лишают добросовестного (допустим, что абсолютно бескорыстного) руководителя (**как и его подчиненных**) свободы действий. Поэтому в советской литературе так част героико-драматический, даже трагический образ администратора или специалиста, пытающегося работать рационально и целесообразно вопреки навязанной ему конкретной микроситуации: не позволяет порочная общесистемная макроситуация, в которую неотвратимо втянуты все процессы в системе.

Остается лишь снова и снова поражаться тому, с какой точностью уловил Бруцкус пороки этой макроситуации в ее несложившихся еще зыбких формах начала 1920-х годов.

9. Социализм и сельское хозяйство

Очень интересны размышления Бруцкуса о судьбах сельскохозяйственного производства при социализме. Собственные, не привне-

сенные извне, революционные устремления крестьянства представляются ему мечтой об уравнительном распылении крупных хозяйств до мельчайших. Заметим, что вне экстремальных состояний бунта и стихийного передела земли, в нормальных обстоятельствах экономической либерального мира (те же тенденции всё ощутимей действовали в российской экономике XX века до революции 1917 года), отдельное аграрное хозяйство стремится к оптимальным для его производительности размерам, а все сельское хозяйство страны в целом поглощает оптимальную часть ее работников. В США в начале века оно занимало примерно 30% населения страны, сегодня — не более 3%; но в свободных обстоятельствах оно не коллективизируется и не монополизировано. Израильские киббуцы — продукт совершенно особой историко-политической ситуации, но и они занимают сегодня лишь малую долю сельскохозяйственного населения страны, в целом очень немногочисленного при весьма продуктивной его работе. Куда популярней частичное (по ряду параметров) кооперирование свободных ферм.

Бруцкус не считает реальной самопроизвольную коллективизацию сельского хозяйства СССР: «Что же может сделать социалистическое государство с этими миллионами мельчайших хозяйств? Как оно может эту мелкобуржуазную стихию уложить в рамки планового хозяйства? Подтолкнуть их возможно скорее слиться в крупные коллективные хозяйства? Если бы этот процесс имел шансы на успех, то он во всяком случае потребовал бы громадного промежутка времени. Но на чем основаны в данном случае надежды на успех? Ведь при всем громадном развитии сельскохозяйственной кооперации она нигде на свете еще не привела к возникновению коллективных хозяйств».

Для нас, по прошествии шестидесяти пяти лет, очевидно, что в **своем свободном развитии** кооперация не переходит в коллективизацию. Оговорка Бруцкуса, что и при «подталкивании» со стороны социалистического государства процесс коллективизации «потребовал бы громадного промежутка времени», свидетельствует о том, что гуманист Бруцкус, несмотря на его, казалось бы, неплохое знакомство с советской властью, в 1922-23 гг. не представлял себе, на какую безмерную жестокость она в этом «подталкивании» способна. Только в своих работах начала 1930-х годов он смог оценить всю бесчеловечность того коллективизаторского (фактически — государственно-закрепостительского) натиска, который ожидал через несколько лет крестьянство Советского Союза. Но даже и в этих работах (см. статьи о первом пятилетнем плане в ж-ле «Культура и жизнь» 1930-1932 гг.,

Берлин) Бруцкус говорит о неустойчивости и непродуктивности колхозов и совхозов, что, как он слабо надеется, заставит большевиков от них отказаться. Его здравый смысл и человеколюбие долго мешают ему оценить по достоинству беспощадность и принудительный потенциал большевиков, их неизменную тенденцию считать свое идеологическое и политико-экономическое единовластие вопросом куда более важным, чем хозяйственная целесообразность. Он долгие годы несколько преуменьшает в своих расчетах на будущее и способность большевиков оберегать и сохранять это единовластие. Правда, чем ближе к середине 1930-х годов, тем меньше иллюзий относительно вероятности самоликвидации коммунистической диктатуры из-за ее хозяйственной нерациональности у Бруцкуса оставалось. Он успел понять, что проблема сохранения единовластия здесь решает всё. Так, в 1933 году, в статье «Голод и коллективизация», он писал, что в процессе сплошной коллективизации для большевиков «дело шло... совсем не об успехах русского сельского хозяйства, а об успешном **укреплении их власти над крестьянством**» (выд. Бруцкусом).

Бруцкус 1922-23 гг. видит, что добровольно, в массовом порядке колхозы не возникают, а «опыты государственного создания колхозов» не дали и «не могли дать ничего положительного». Знаменательно следующее его рассуждение (со всеми комментариями к нему В.Сорокина):

«Остается для вовлечения крестьян в плановое хозяйство рассматривать их как батраков, сидящими на государственной земле, обязанными вести хозяйство под диктовку власти и обязанными сдавать весь продукт государству. Но это значит оставить мелкое хозяйство при всех его слабых чертах и лишить его единственного преимущества — личной заинтересованности трудящегося в результатах его труда.

Мы не убедились в том, что социалистическое государство в состоянии организовать промышленность, но овладеть ею оно может, это предсказывал Маркс, и это подтвердила наша революция. Совершенно иначе обстоит с сельским хозяйством. Социальная революция в деревне не содержит в себе ни крупницы социализма, она не только не приближает сельского хозяйства к социалистическому идеалу, наоборот, она отбрасывает его от него неизмеримо далеко.

А между тем, если примириться с этой *«мелкобуржуазной стихией»*, если удовлетворить ее органическому требованию свободного обмена, то, в особенности в аграрной стране, этим вся система социалистического хозяйства, — система планового распределения хозяйственных благ в государственном масштабе, — взрывается».

В некоторых социалистических странах, например, в Польше, после вынужденного отказа ее коммунистического правительства от коллективизации, индивидуальное крестьянское хозяйство было поставлено в условия, близкие к предположению Бруцкуса: обязанность «вести хозяйство под диктовку власти» и непомерные государственные поборы. Таким образом мелкое хозяйство, действительно, осталось «при всех его слабых чертах» и лишилось сильных, в том числе — стихийной способности принять оптимальные размеры. Неудивительно, что хозяйство это низкопродуктивно, продукты его на рынке дороги и страна ощущает непреодолимый дефицит продовольствия. В последние годы НЭПа, перед сплошной коллективизацией (1927-28 гг.) столь же, если не более, террористическим было отношение советской власти к единоличному крестьянству (грабительские хлебозаготовки, неэквивалентные цены на государственную, промышленную, и крестьянскую, «закупаемую», а на деле экспроприруемую, продукцию). Очень точно (универсально для социализма) замечание Бруцкуса о том, что социалистическое государство не в состоянии эффективно организовать промышленность, **«но овладеть ею оно может»**. Овладеть же крестьянской **«мелкобуржуазной стихией»**, «если удовлетворить **ее органическому требованию свободного обмена**», нельзя: свободный обмен, требующий эквивалентного участия в нем промышленной продукции (крестьяне СССР в разгаре НЭПа требовали и отмены государственной монополии внешней торговли), взорвет «систему планового распределения хозяйственных благ в государственном масштабе». Бруцкус 1922-1923 гг. воспринимает НЭП как признание большевиками этого факта и как их капитуляцию перед здравым смыслом и народной волей. В действительности, поняв и признав этот факт: несоместимость настоящего свободного обмена с государственной плановой экономикой, — большевики **овладели** сельским хозяйством точно так же, как они овладели промышленностью: перечеркнув его потребность в свободном обмене, подчинив его себе, экспроприруя его продукцию, но не сумев его продуктивно организовать. Это произошло в ходе уничтожительной войны против здорового крестьянского хозяйственного инстинкта. Победа большевиков в этой войне стоила стране миллионов жертв и вечной сельскохозяйственной импотенции. Бруцкус не мог себе тогда представить, что большевики решатся сохранить свою трехаспектную: политика, идеология, экономика — монополию **такой ценой**. Они и внутри своей партии выдержали жестокие бои по этому поводу, и победители сшибли немало голов, носители которых не принимали победы социализма ценой тотального антикрестьянского террора.

10. Заключение

В заключение своей работы Бруцкус ставит развернутый вопрос: «Мы стоим перед удивительным зрелищем: социалисты, убежденные социалисты, у которых слово не расходится с делом, которые ни перед чем не останавливались для торжества своей идеи, собственными руками уничтожают следы своего творчества и, заменяя строй гармонический, чуждый эксплуатации, строем анархическим, построенным на эксплуатации, ждут именно от последнего увеличения ресурсов республики и улучшения экономического положения трудящихся. Мы видим, как социалисты усиленно приглашают в страну иностранный капитал, чтобы он собирал у нас ту прибавочную ценность, уничтожение которой они считают своим призванием.

Как объяснить это странное явление?»

И после многих рассуждений, доступных читателю нашей книги, приходит к выводу, который был более или менее ясен, по его представлению, и вершителям судеб СССР 1922-1923 гг.:

«С точки зрения социалистической доктрины различные элементы русского народного хозяйства были в различной мере зрелы для социалистической перестройки. И если последняя, по собственному выражению наших коммунистов, всегда превращалась в серию катастроф, и, наоборот, отказ от социализма при НЭПе почти всегда приводил к улучшению положения, то очевидно, что неудача социалистического строительства не может быть объяснена только тем, что место и время выбраны для него не подходящие. Русский опыт является яркой иллюстрацией нашего теоретического вывода, что принцип социализма не есть творческий, не к расцвету, а к разложению ведет он экономическую жизнь общества».

Этот вывод взять нами не из статьи в ж-ле «Экономист», а из свободного берлинского издания 1923 года, текст которого мы и предлагаем читателю. Это издание снабжено предисловием, написанным уже после высылки Бруцкуса из СССР и потому рассматриваемым нами после всей работы.

11. Предисловие Б.Бруцкуса к берлинскому изданию 1923 года

Те, кто по сей день питают иллюзии, что Ленин задумал НЭП как необратимую эволюцию социалистического хозяйства в частнохозяйственное и конкурентнорыночное, а не как маневр, позволяющий со-

браться с силами для дальнейших социалистических преобразований, пусть ознакомятся с реакцией Ленина на содержание журнала «Экономист». Реакция эта осталась Бруцкусу неизвестной, и он был склонен обвинять в инициации гонений против «буржуазной идеологии», в первую очередь, Зиновьева. Но эти гонения санкционировал прежде всего Ленин. Мы бы хотели, чтобы читатель обратил внимание не только на содержание, но и на стиль и тон ленинских высказываний о некоммунистической периодике эпохи раннего НЭПа. Во-первых, никакой свободы печати Политбюро ЦК РКП(б) и ГПУ (как его орудие) и в 1920-х гг. не допускали. Во-вторых, против научно корректных, в лучшем смысле этого слова патриотичных, очень сдержанных в своей оппозиции большевизму авторов «Экономиста» Ленин употребляет всю зловеще-вульгарную истребительную фразеологию эпохи сталинских больших процессов. После уничтожительных определений, которыми Ленин щедро осыпал авторов «Экономиста», остается удивляться тому, что эти политические преступники были высланы, а не расстреляны, как были уничтожены несколько позже Сталиным многие подсоветские коллеги Бруцкуса, чью международную защиту он пытался организовать из-за границы в начале 1930-х годов. Тогда же он выпустил и свои возмущенные статьи о советском коммунистическом уничтожении российского крестьянства, которое мы сегодня могли бы определить термином «классоцид».

Ленин пишет в статье «О значении воинствующего материализма»:

«Недавно мне прислали журнал «Экономист»²⁴ № 1 (1922 г.), издаваемый XI отделом «Русского технического общества». Приславший мне этот журнал молодой коммунист (вероятно, не имевший времени ознакомиться с содержанием журнала) неосторожно отозвался о журнале чрезвычайно сочувственно. На самом деле журнал является, не знаю, насколько сознательно, органом современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т.п.» (ПСС, т. 45, стр. 31).

К этому следует примечание:

²⁴«Экономист» — журнал промышленно-экономического отдела Русского технического общества, в состав которого входила враждебно настроенная к Советской власти буржуазная техническая интеллигенция и бывшие собственники предприятий. Выходил в Петрограде с декабря 1921 по июнь 1922 года (на обложке № 1 указан 1922 год). В.И. Ленин назвал журнал «явным центром белогвардейцев».

№ 1 журнала был направлен В.И. Ленину редактором журнала Д.А. Лутохиным и передан ему Н.П. Горбуновым. — 31. (ПСС, т. 45, стр. 505).

Очень характерно, что № 1 журнала был направлен Ленину его редактором (а не каким-то «молодым коммунистом», как пишет Ленин): издатели «Экономиста» и его авторы явно хотели, чтобы вершитель судеб их родины ознакомился с их соображениями об этих судьбах. Еще резче отзыв Ленина об «Экономисте» в его секретном письме Дзержинскому от 19 мая 1922 года. Приводим этот текст полностью:

«Ф.Э.ДЗЕРЖИНСКОМУ

т. Дзержинский! К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции.

Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие меры подготовки.

Собрать совещание Мессинга, Манцева и еще кое-кого в Москве.

Обязать членов Политбюро уделять 2-3 часа в неделю на просмотр ряда изданий и книг, *проверяя* исполнение, *требуя письменных отзывов* и добиваясь присылки в Москву без проволочки всех некоммунистических изданий.

Добавить отзывы ряда литераторов-коммунистов (Стеклова, Ольминского, Скворцова, Бухарина и т.д.).

Собрать *систематические* сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей.

Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ.

Мои отзывы о питерских двух изданиях:

«Новая Россия» № 2. Закрыта питерскими товарищами.

Не рано ли закрыта? Надо разослать ее членам *Политбюро* и обсудить *внимательнее*. Кто такой ее редактор *Лежнев*? Из «Дня»? Нельзя ли о нем собрать сведения? Конечно, *не все* сотрудники этого журнала кандидаты на высылку за границу.

Вот другое дело питерский журнал «Экономист», изд. XI отдела Русского технического общества⁴³⁰. Это, по-моему, явный центр белогвардейцев. В № 3 (*только* третьем!!! это *nota bene!*) напечатан на обложке список сотрудников. Это, я думаю, *почти все* — законнейшие кандидаты на высылку за границу.

Прошу показать это секретно, не размножая, членам *Политбюро*, с *возвратом Вам и мне*, и сообщить мне их отзывы и Ваше заключение.

19/V. Ленин

Написано 19 мая 1922 г.
(ПСС, т. 54, стр. 265-266).

Печатается впервые, по рукописи»

Здесь тоже присутствует соответствующее примечание:

⁴³⁰«*Экономист*» — журнал промышленно-экономического отдела Русского технического общества, в состав которого входила враждебно настроенная к Советской власти буржуазная техническая интеллигенция и бывшие собственники предприятий. Издавался в Петрограде с декабря 1921 года. В статье «О значении воинствующего материализма» В.И. Ленин назвал этот журнал «органом современных крепостников» (см. Сочинения, 5 изд, том 45, стр. 31-32). В июне 1922 года журнал «Экономист» был закрыт. — 266. (ПСС, т. 54, стр. 649).

В эпитетах Ленина, адресованных сотрудникам «Экономиста», явно позвякивает нож гильотины, и высылка их выглядит неожиданно безобидным решением вопроса. Но каков сам факт постановления литераторов и ученых под непосредственный контроль ГПУ по инициативе великого свободолюбца Ленина?..

Что же касается глубокого, вдумчивого, осторожного (как бы не оказаться недостаточно объективным!) предисловия Бруцкуса к берлинскому переизданию его статьи, то оно говорит само за себя и сохраняет сегодня потрясающую читателя злободневность.

Со своим докладом «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе» (под тем же названием работа вышла в «Экономисте», получив в отдельном берлинском издании 1923 года заголовок «Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта») Б.Бруцкус выступил впервые в конце августа 1920 года — не перед грезающей Ленину бандой политических заговорщиков, а «в собрании изможденных и истомленных петроградских ученых». Это было очень смелое выступление, потому что тогда еще и не намечался поворот к НЭПу, и политика «военного коммунизма» была в полном разгаре. Именно на этом собрании Бруцкус, по его словам, «позволил себе утверждать, что экономическая проблема марксистского социализма неразрешима, что гибель нашего социализма неизбежна, и даже намечал некоторые переходные шаги для поворота к капиталистическому строю, которые впоследствии были отчасти осуществлены при НЭПе.

...Предусмотренное мною крушение русского социализма скоро наступило. Он пошел в отступление, начался НЭП, а вместе с тем стали расцветать надежды на возрождение некоммунистической литературы».

В тексте своей работы Бруцкус говорит, что задача **овладения** экономикой со стороны социалистического государства разрешима; не разрешима задача **оптимальной**, с точки зрения общества, **организа-**

ции такой порабощенной экономики. Здравый смысл и высокая нравственность подсказывают ему обманчивое предположение, что, убедившись в неэффективности государственной экономики, большевики от социализма откажутся. Он не учитывает факторов обретенной власти и неизжитых иллюзий большевиков относительно того, что оптимальное решение проблем экономической организации все же найдется. Ему НЭП видится как начало отказа от социализма, им — как некоторая заминка в его построении, призванная расширить и укрепить его базу. Сегодня, в 1987 году, горбачевская либерализация тоже воспринимается многими альтруистическими умами по обе стороны советской границы как постепенный подход к отказу от не оправдавшего себя за семьдесят лет принципа государственствования экономики, к отказу от монопартократии. В действительности же, **скорее всего** эта либерализация предпринята, как и 65-66 лет тому назад, с целью оздоровления этих принципов, а не отказа от них. Вряд ли реальны надежды на организацию в границах СССР смешанной экономики типа наиболее распространенной сегодня в демократическом мире. Однако у многих из разномыслящих наблюдателей «советского чуда» остается какая-то доля надежды на подобный исход.

Нисколько не утратили своей злободневности и следующие замечания Б.Бруцкуса, хотя сегодня у них не меньше противников, чем было тогда, когда они были произнесены:

«Я знаю, мои противники скажут, что русский опыт не дает права делать какие-либо выводы о социализме. На это я отвечу: мои рассуждения в своей основе носят теоретический характер, они общезначимы. Конечно, русский опыт имел для автора решающее значение; он возбуждал его мысль, он давал прекрасные иллюстрации для его выводов. Но совершенно напрасно умеренные социалисты думают, что те роковые вопросы, те роковые затруднения, которые погубили русский коммунизм, что они для них не существуют. Эти вопросы встанут пред всеми, кто пожелает не говорить о социализме, а его строить, и притом в любых условиях: они требуют, настоятельно требуют ответов, как загадки сфинкса, и этих ответов и у умеренных социалистов так же нет, как у коммунистов».

Эти «роковые вопросы» **не** «погубили русский коммунизм» и позволяют ему существовать, властвовать и распространяться уже семьдесят лет только потому, что коммунисты предпочли **владение** экономикой ее **оптимальной организации** и **власть** над людьми — их наиболее приемлемому (для них — для этих людей) существованию.

Сегодня, как и в 1923 году, значительная часть сущей в рассеянии российской и бывшей советской интеллигенции с надеждой следит за происходящим на родине и — по-разному — занята если не мыслью о возвращении, то призраком этой мысли. И среди этих людей, по-прежнему, много социалистов, для которых не устарели следующие слова Бруцкуса:

«Меня упрекнул, что сейчас социализм и без того на ущербе, и следует ли теперь критиковать движение, которое во всяком случае является важнейшей основой демократии. Но мои слова обращены прежде всего по адресу русской зарубежной интеллигенции. Она составляет очень значительную часть тех интеллигентных сил, которыми Россия еще сумеет располагать после постигших ее катастроф. Надо надеяться, судя по ходу развития русской революции, что зарубежная интеллигенция в недалеком будущем сумеет без компромиссов со своей совестью вернуться на родину. Чтобы эта интеллигенция могла плодотворно работать в России, она должна в корне пересмотреть свою идеологию. Она должна, наконец, научиться смотреть открытыми глазами на действительность и выбирать те экономические мероприятия, которые отвечают конкретным нуждам народа в данный исторический момент, а не те, которые, по мнению интеллигенции, приближают его к блаженному царству социализма. Те умеренные социалисты, которые думают, что они будут в России продолжать строительство социализма по-хорошему, в котором им будто бы помешали большевики, для страны не только бесполезны, они для нее опасны».

Бруцкус говорит о характерном для начала 1920-х годов критическом отношении значительной части европейской социал-демократии к советскому опыту. С тех пор это отношение менялось несколько раз. На наш взгляд, по сей день остаются актуальными заключительные слова предисловия Бруцкуса к его брошюре 1923 года:

«...время требует более решительного отказа от догмы марксизма. Воспитанные в мечтах о социальном перевороте, рабочие массы могут немедленно приступить к разрушению существующего общественного строя во имя обетованного царства социализма. Социалистам остается или благословить эти порывы масс и стать под знамя III-го Интернационала, или с полной решительностью отречься от марксистских идей *Zusammenbruch*'а и следующего за ним государства будущего. Они обязаны в последнем случае открыто сказать массам, что *строй частной собственности и частной инициативы можно преобразовывать, но его нельзя разрушать, ибо на нем зиждется европейская цивилизация, его нельзя разрушать, ибо среди развалин ничего постро-*

ить нельзя, его нельзя разрушать, ибо неизвестно, что собственно придется строить, *ибо социалистический строй есть мираж, в погоне за которым можно прийти не в обетованную землю, а в долину смерти.*

Социал-демократия из партии переворота должна окончательно превратиться в партию социальных реформ во имя реальных, осязаемых интересов трудящихся масс. Социал-демократия фактически к этому идет, хотя медленными, слишком медленными шагами» (Курсив Д.Ш.)

«О природе русского аграрного кризиса»

В своей публикации мы добавили к работе Б.Бруцкуса «Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта» — 1923 (она же — «Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе» — 1922) его небольшую статью «О природе русского аграрного кризиса».

Работа эта обнаружена нами в папке с копиями статей Б.Бруцкуса в библиотеке Иерусалимского университета без указания на то, где и когда она была опубликована. Некоторые сделанные им ссылки позволяют считать, что она была напечатана в каком-то из русских эмигрантских журналов не ранее 1925 года, но, по-видимому, и не намного позже, ибо она завершается ссылками на расцвет НЭПа в СССР, без соображений о свертывании этой политики, которое четко определилось уже в 1927 году. Завершая эту статью, Б.Бруцкус все еще расценивает НЭП как эволюцию режима, а не как маневр власти, и выражает надежду, что неподдельное раскрепощение крестьянской инициативы в СССР перестроит по себе всю систему. По-видимому, большевики, за исключением бухаринской группы и того, что к ней тяготело, отлично понимали (Сталин — лучше других; см. Д.Штурман, «Мертвые хватают живых») реальность такой перспективы и решили избежать такой перестройки любой ценой.

Статья Бруцкуса представляет собой антитезу как дореволюционного традиционно-интеллигентского (в России как правило радикалистского), так и советского (в том числе, в преобладающей степени, и дисидентского) взгляда на русский аграрный кризис и способы его решения. Вдумчивый ученый, профессиональный интеллигент и либерал, Бруцкус оказывается в этом вопросе не со своими собратьями по социальной страте (от эсеров до кадетов включительно), а безоговорочно с П.Столыпиным. Он предвосхищает тем самым настолько же мало популярную сегодня в среде читателей и критиков, настолько,

на мой взгляд, глубоко обоснованную позицию А.Солженицына в изданных «узлах» «Красного колеса». Я говорю об отношении Солженицына к Столыпину и его реформам, осуществленным и оставшимся в стадии проектов.

Реформы, начатые Столыпиным, должны были снять с крестьянства общинный гнет, ликвидировать оставшуюся от крепостного права избыточность сельскохозяйственного населения в центральных районах страны, направив высвободившиеся контингенты на ее окраины и в быстро набирающую силу промышленность. Должен был постепенно возникнуть экономически и граждански эмансипированный фермерский класс, ведущий товарное хозяйство и создающий накопления для промышленности.

Продуктивный исторический процесс, осложненный многими факторами, сорвался, как это, по-видимому, нередко бывает в истории. Вот как видятся Бруцкису наиболее общие причины этого срыва:

«Русская революция вообще и русская аграрная революция в частности есть результат тяжелой войны, непосильной для неокрепшей еще страны, — войны, совпавшей с роковым разложением ее исторической власти. Стремительное крушение исторической власти вызвало на поверхность все разрушительные силы. Дух общины и «черного передела» ожили вновь. Мечты народа, которые не удалось осуществить в 1905 году, представлялась возможность осуществить теперь. Интеллигенция к этому призывала, и народ соблазнился».

Обратим наше внимание на слова: **«неокрепшей еще страны»** — «не **окрепшей**», но, значит, крепнувшей. Причины «рокового разложения», «стремительного крушения исторической власти» не проявились для нас еще окончательно и в многотомной эпопее Солженицына, где это крушение со впечатляющим трагизмом показано. Бруцкус ничего не говорит об истоках этого крушения, но констатирует его факт. Весь пафос его статьи, а не только приведенного выше отрывка говорит о том, что интеллигенция в аграрном вопросе призывала народ к пути тупиковому, **«и народ соблазнился»**.

В 1922-1926 гг. Бруцкус преисполнен надежды, что интересы национальной экономики, логика экономического процесса окажутся сильнее приверженности большевиков к социалистической утопии, их стремления любой ценой сохранить коммунистическую диктатуру. Это естественная надежда здравомыслящего и благородного человека, экстраполирующего свои качества на своих оппонентов. Бруцкису предстоит пережить полное крушение этой иллюзии. Колхозно-совхозный

строй законсервировал избыточность сельского населения. Недаром аббревиатура «ВКП(б)» расшифровывается в известном анекдоте как «Второе крепостное право (большевики)». В США конца 1980-х годов занято сельским хозяйством примерно 3% населения, в СССР — более 30%, но зерно и другие сельхозпродукты импортируются в Советский Союз из США, Канады, Аргентины и прочих капиталистических стран. При таком, казалось бы, переизбытке сельского населения в СССР обезлюдели целые сельские районы. Люди уходят в города не потому, что высокий технологический уровень сельскохозяйственного производства высвобождает рабочие руки для других дел, а потому, что тягостная неэффективность труда своей бессмысленностью (вкуче с тяжелым бытом) гонит людей из родных мест.

Остается либо окончательно утратить надежду, либо, вопреки историческому опыту, предполагать какую-то малую, но не нулевую вероятность того, что на этот раз патриотизм восторжествует над жаждой единовластия.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ

проф. Ф.А.Хайека к книге Б.Бруцкуса
«Экономическое планирование в советской России»,
Лондон, 1935. Изд. G.Rourledge & Sons, Ltd.
(Перевод с английского)

Трудно согласиться с утверждением, что тот большой интерес, с которым весь мир в течение более чем пятидесяти лет следил за развитием России, был вознагражден количеством информации, соответствующим тому месту, которое этот вопрос занял в общей полемике. Немногие из тех, кто следил за все растущим потоком литературы на эту тему, были удовлетворены тем, что они узнали о происшедшем в этой стране в действительности. Большинство же практически отказалось от попыток составить четкое мнение о достигнутых там результатах. Стало модным рассуждать обо всем этом как о великом эксперименте и подчеркивать его важность для будущего человечества. Но многие ли из тех, кто бросается этими фразами, понимают по-настоящему, что это все означает в действительности?

В известной степени такое неудовлетворительное положение дел обусловлено политическим пристрастием спорящих, что неизбежно приводит к потере информации о реальной ситуации. Но это не может быть единственной причиной возникшего положения. В течение последних нескольких лет, разумеется, не было недостатка в беспристрастных попытках серьезного объективного исследования этой проблемы, однако в большинстве случаев результаты оказывались весьма неубедительными. Что касается основного вопроса: преимуществ и недостатков централизованного экономического планирования, затруднений, с которыми столкнулось советское руководство, и степени их преодоления, — наши познания выросли незначительно. Причина этого — исключительно скудная информация, на которой могли бы базироваться такого рода заключения. Трудности, которые необходимо здесь преодолеть, настолько огромны, что лишь исследователь, исключительно

высокой квалификации может надеяться справиться с ними. Но у большинства тех, кого привлекают подобные исследования, отсутствует самое необходимое средство — безукоризненное знание русского языка. Поскольку большая часть относящейся к делу информации должна тщательно собираться из скудных материалов внутрироссийской полемики и публикаций и поскольку вся информация, доступная на других языках, заведомо вводит в заблуждение, никто из лиц, не владеющих в полной мере русским языком, не в состоянии сколько-нибудь продвинуться в этой области. Однако не менее важным качеством, но еще более редким, является близкое знание страны, ее истории, ее учреждений, психологии ее народа. Необходимо такое знание этих факторов, которое позволило бы исследователю отделить всё специфически российское и не зависящее от системы, реализованное сегодня в стране, от результатов и последствий, обусловленных исключительно этой системой*. Действительно, не следует удивляться тому, что большинство оценок современной России являются поверхностными и не проникают в глубинную суть явлений. Несомненно, что впечатления разумных людей представляют интерес. Но они содержат мало ответов на основные вопросы.

Но, кроме того, исследователь должен обладать еще одним качеством. Даже самое тщательное исследование фактических материалов о советской России не может дать многого, если оно не будет отрываться от ясно выраженной концепции, то есть если исследователь, прежде чем примется за изучение специальных проблем России, не придет к четкой идее о фундаментальной (основной) задаче экономического планирования как такового.

Неправдоподобно, чтобы кто-либо иной, кроме российского специалиста по экономике, мог сочетать в себе все качества, необходимые для успешного выполнения такого исследования. Число же российских экономистов, по-настоящему знающих свою страну и в то же время свободных говорить о текущих событиях, стало весьма ограниченным.

В подобной ситуации утверждения автора предлагаемой читателю книги могут считаться наиболее авторитетными. Б.Бруцкус, профессор экономики сельского хозяйства Петербургского университета с 1907 по 1922 гг., долгое время считавшийся одним из крупнейших авторитетов по сельскому хозяйству России, безотрывно был в курсе происходивших в ней событий. В своей книге «Развитие сельского хо-

---

* И теперь, более чем через полвека, когда коммунизм шагнул далеко за пределы России, в этом вопросе, в его сегодняшней интерпретации, существует изрядная путаница, поддерживаемая и используемая советской агентурой влияния. (Прим. Д.Ш.)

зйства и аграрная революция в России», опубликованной в Германии в 1926 году с предисловием Макса Зеринга, он дал наиболее яркую и, разумеется, никак не сочувственную оценку тенденциям, приведшим к революции. С самого возникновения нового режима он посвятил себя интенсивному изучению задач, которые последний перед собой поставил. И еще в 1920 году при описанных им в его предисловии обстоятельствах, он осуществил знаменательное исследование экономических проблем, поставленных социализмом. В несколько сокращенном переводе на английский язык, оно составляет теперь первую часть настоящей книги. Читая ее сегодня, в свете произошедших с тех пор в России событий и широкой полемики, посвященной проблемам коллективистского планирования*, можно, по-прежнему, поражаться той экстраординарной ясности, с которой он уловил действительно центральные моменты. Вместе с трудами проф. Л.Мизеса и Макса Вебера, вышедшими в Германии несколькими месяцами раньше, эта книга, действительно, должна рассматриваться как одно из главнейших исследований, вызвавших нынешние дискуссии об экономических проблемах социализма.

Критический анализ проблем социализма приобретает особое значение в свете того факта, что речь идет не только о социализме вообще, но также и о конкретной стране, которая в течение более десяти лет пытается эти проблемы разрешить. Читатель, принимающий во внимание время, когда было это написано, будет снова и снова поражаться исключительному предвидению ее автора и той мере, в которой это предвидение подтвердилось реальными событиями. Не только трагические перемены в экономической политике, произошедшие за это время, но также многие второстепенные события в истории российского эксперимента были четко предсказаны в этих рассуждениях. Последнее ярко демонстрирует вторая часть книги, где дается анализ развития Советского Союза за последние пятнадцать лет.

В течение некоторого времени после публикации его первого критического труда о проблемах социалистического хозяйства проф. Бруцкус еще мог оставаться в советской России. Какое-то время в 1922 году он даже возглавлял комиссию по планированию сельского хозяйства. Но в конце года он был вынужден покинуть советскую Россию и поселился в Германии, где прожил десять лет, будучи профессором Русского научного института в Берлине (этого места Бруцкус лишился

---

* Оценка материалов этих дискуссий вместе с подборкой переводов наиболее серьезных критических исследований экономики социализма, принадлежащих западноевропейским авторам, выйдет под названием «Коллективистское экономическое планирование» (под ред. Ф.А.Хайека) одновременно с настоящей книгой. (Прим. Хайека).

после «национал-социалистической революции»). Такое положение давало ему возможность, однако, сосредоточенно следить за всеми событиями в советской России и детально изучать все аспекты ее дальнейшего экономического развития. Многочисленные его публикации (в основном, на немецком языке), появившиеся за это время, свидетельствуют о его неослабном внимании к каждой фазе этого процесса.

Краткое исследование-обзор результатов первого пятилетнего плана, опубликованное в 1932 году, привлекло особенно широкое внимание*.

Во второй части настоящей книги он развил его в куда более исчерпывающее обозрение экономического планирования в советской России от революции до настоящего времени. Мне представляется, что Бруцкус преуспел в освещении истории этого эксперимента больше, чем это сделано было в какой-либо известной мне другой работе. Его знание российской обстановки позволило ему извлечь из относительно недоступных (именно из-за неподготовленности зарубежных исследователей к их использованию) источников больше сведений о реальной тамошней ситуации, чем дали бы тома официальной статистики. И, как увидит читатель, фрагменты информации, из которых составил он, пролив яркий свет на происходящее, свою поразительно полную картину, собраны из материалов, содержащихся в наиболее авторитетных источниках. Я не колеблюсь отнести эти труды, представленные в настоящей книге, к наилучшим образцам актуальной научной литературы о России сегодняшнего дня. Надо надеяться, что изданная на английском языке эта книга будет иметь такой же успех, как ее предшествующее издание на немецком языке.

Ф.А.Хайек

Лондонская школа экономических и политических наук.

Октябрь 1934 г.

---

* Б.Бруцкус. Пятилетка и ее выполнение. Лейпциг. Изд. «Verlag Deutsche Wissenschaftliche Buchhandlung» (на немецком языке).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>Д.Штурман, В.Сорокин</i>)	5
Б.Д.Бруцкус. Социалистическое хозяйство. <i>Теоретические мысли по поводу русского опыта</i>	11
Предисловие	13
Глава 1. Марксизм и проблема социалистического народного хозяйства	19
Глава 2. Хозяйственный принцип и социализм	24
Глава 3. Проблема трудового учета в социалистическом хозяйстве	28
Глава 4. Трудовая стоимость и рыночная цена	33
Глава 5. Единый план социалистического хозяйства	38
Глава 6. Проблема распределения и социализм	51
Глава 7. Хозяйственная свобода и социализм	62
Глава 8. Субъективные моменты в социалистическом хозяйстве	73
Глава 9. Социализм и сельское хозяйство	77
В.Сорокин. Читая Бруцкуса. <i>Комментарии и размышления</i>	86
Б.Бруцкус. О природе русского аграрного кризиса	115
Д.Штурман. Послесловие	125
ПРИЛОЖЕНИЕ:	
Предисловие проф. Ф.А.Хайека к книге Б.Бруцкуса «Экономическое планирование в советской России»	183

